

ISSN 2686-7702

Восточная Азия: ФАКТЫ И АНАЛИТИКА

EAST ASIA:
FACTS AND ANALYTICS

2025
№ 4

Электронный научный информационно-аналитический журнал «**Восточная Азия: факты и аналитика**» издаётся ежеквартально с 2019 г. Журнал освещает широкий круг актуальных научных проблем стран Восточной и Юго-Восточной Азии, включая вопросы внутренней и внешней политики, экономики и общества, истории, литературы и языкоznания, культуры и религии. Издание представляет информационно-аналитические материалы, посвящённые современным экономическим, политическим, социальным и культурным процессам в регионе. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредитель: Институт Китая и современной Азии РАН.

URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК), Научную электронную библиотеку eLibrary.ru, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
- Входит в DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, BASE, WorldCat, ROAD, ASCI database.

Главный редактор: Горчакова Т.Е., к.э.н. (Россия).

Отв. секретарь: Казаков О.И. (Россия).

Редакционная коллегия: Виноградов А.В., д.полит.н (Россия); Ёкотэ Синдзи, проф. (Япония); Ёсида Нориаки, PhD (Япония); Кин Пхеа, проф. (Камбоджа); Кистанов В.О., д.и.н. (Россия); Колотов В.Н., д.и.н. (Россия); Лузянин С.Г., д.и.н. (Россия); Мазырин В.М., д.э.н. (Россия); Мещеряков А.Н., д.и.н. (Россия); Михалёв А.В., д.полит.н (Россия); Мосяков Д.В., д.и.н. (Россия); Мохаммад Хазми бин Мохаммад Русли, проф. (Малайзия); Наинг Све У, PhD (Мьянма); Нарут Тьярёнси, PhD (Таиланд); Никитин А.И., д.полит.н. (Россия); Островский А.В., д.э.н. (Россия); Панов А.Н., д.полит.н. (Россия); Песцов С.К., д.полит.н. (Россия); Портяков В.Я., д.э.н. (Россия); Потапов М.А., д.э.н. (Россия); Сюй Бо, проф. (Китай); Тэ Хван, проф. (Республика Корея); У Хао, проф. (Китай); Эдуардо С. Тадем, PhD (Филиппины); Энелито А. Севилья, проф. (Филиппины).

Редакционный совет: Афонасьева А.В., к.э.н. (Россия); Бабаев К.В., д.филол.н. (*председатель*) (Россия); Ву Кхоан (Вьетнам); Жебин А.З., к.полит.н. (Россия); Заклязьминская Е.О., к.э.н. (Россия); Кузьминков В.В., к.и.н. (Россия); Мищенко Я.В., к.э.н. (Россия); Сафонова Е.И., к.э.н. (Россия); Соколовский А.Я., к.ф.н. (Россия); Танет Ваттанакул, PhD (Таиланд).

Редакция: Бурова Е.С. (Россия), Кириченко М.А. (Россия), Нгуен Данг Фат, к.э.н. (Вьетнам), Скворцова Е.М. (Россия), Суркова Т.И. (Россия), Цветкова А.А. (Россия).

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым присуждаются учёные степени:

- 5.2.5 Мировая экономика (экономические науки)
5.5.4 Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)
5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Коды международной классификации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР):

- 5.02 Economics and business
5.06 Political science
6.01 History and archaeology

Дизайн обложки: В.Н. Субочева.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

The electronic scientific information and analytical periodical “**East Asia: Facts and Analytics**” is published quarterly since 2019. The edition presents the coverage of the widest range of actual scientific problems of the East and Southeast Asian countries, including the issues of domestic and foreign policy, economy and society, history, literature and linguistics, culture and religion. The periodical provides the information and analytical material focusing on modern economic, political, social and cultural processes in the region. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of China and Contemporary Asia RAS.
URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Included in List of Higher Attestation Commission (HAC), Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru”, Russian Science Citation Index, Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.
- Included in DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, BASE, WorldCat, ROAD, ASCI database.

Editor-in-chief: Gorchakova Tatiana E. (Russia), PhD (Economics).

Executive Secretary: Kazakov Oleg I. (Russia).

Editorial Board: Eduardo C. Tadem (Philippines), PhD (Southeast Asian Studies); Henelito A. Sevilla, Jr. (Philippines), PhD (International Relations); Kin Phea (Cambodia), PhD; Kistanov Valerii O. (Russia), DSc (History); Kolotov Vladimir N. (Russia), DSc (History); Luzyanin Sergey G. (Russia), DSc (History); Mazyrin Vladimir M. (Russia), DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N. (Russia), DSc (History); Mikhalev Alexey V. (Russia), DSc (Political Science); Mohd Hazmi bin Mohd Rusli, (Malaysia), professor; Mosyakov Dmitry V. (Russia), DSc (History); Naing Swe Oo (Myanmar), PhD; Narut Charoensri (Thailand), PhD; Nikitin Alexander I. (Russia), DSc (Political Science); Ostrovskii Andrey V. (Russia), DSc (Economics); Panov Aleksandr N. (Russia), DSc (Political Science); Pestsov Sergei K. (Russia), DSc (Political Science); Portyakov Vladimir Ya. (Russia), DSc (Economics); Potapov Maxim A. (Russia), DSc (Economics); Tae-Hwan Kwak (Republic of Korea), professor; Vinogradov Andrey V. (Russia), DSc (Political Science); Wu Hao, (China), professor; Xu Bo, (China), professor; Yokote Shinji (Japan), professor; Yoshida Noriaki (Japan), Ph.D (Sociology).

Editorial Council: Afonaseva Alina V. (Russia), PhD (Economics); Babaev Kirill V. (Russia), DSc (Philology) (Head of the Editorial Council); Kuzminkov Victor V. (Russia), PhD (History); Mishchenko Yana V. (Russia), PhD (Economics); Safronova Elena I. (Russia), PhD (Economics); Sokolovsky Aleksandr Ya. (Russia), PhD (Philology); Thanet Wattanakul (Thailand), PhD (Applied Economics); Vu Khoan (Vietnam); Zaklizaminskaia Ekaterina O. (Russia), PhD (Economics); Zhebin Aleksandr Z. (Russia), PhD (Political Science).

Editors Office: Burova Elena S. (Russia), Kirichenko Maria A. (Russia), Nguyen Dang Phat (Vietnam), PhD (Economics), Skvortsova Elizaveta M. (Russia), Surkova Tatiana I. (Russia), Tsvetkova Anna A. (Russia).

Scientific specialties and corresponding branches of science for which academic degrees are awarded (in the Russian Federation):

- 5.2.5 World economy (economic sciences)
5.5.4 International relations, global and regional studies (political sciences)
5.6.7 History of international relations and foreign policy (historical sciences)

Fields of Science and Technology of the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD):

- 5.02 Economics and business
5.06 Political science
6.01 History and archaeology

Cover design: Victoria N. Subocheva.

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

СОДЕРЖАНИЕ

Попкова Т.Д.

- Скульптурные изображения детей в китайском парковом и городском
ландшафте 6

Александрова М.В.

- Как международный контейнерный экспресс сближает центральные районы
Китая с Европой 22

Романчев Д.Д.

- К вопросу о причинах возникновения Северного союза в ходе гражданской
войны Босин 1868–1869 гг. в Японии 37

Домахина Ю.А.

- Проблема ракетно-ядерного потенциала КНДР в треугольнике
Япония – США – РК в 2023–2025 гг. 56

Перминова В.А.

- Проблемы исторического наследия японского колониального правления
на современном Тайване. 70

Ширикалова А.А.

- Гендерная поляризация молодёжи в современной Республике Корея 86

Ёсида Н.

- Японская газета «Урадзио ниппо» и её эпоха, 1917–1930 годы. Часть 2 99

Очерки

Герасимова Т.Г.

- Ежегодник «КНР: политика, экономика, культура» – 55 лет аналитики
и понимания Китая 110

CONTENTS

Popkova T.D.

Sculptural images of children in Chinese park and urban landscapes 6

Alexandrova M.V.

How an international container express brings China's central regions closer
to Europe 22

Romanchev D.D.

On the reasons for the emergence of the Northern Alliance during the Boshin
Civil War of 1868–1869 in Japan 37

Domakhina Yu.A.

DPRK's nuclear missile potential problem in the Japan – USA – ROK triangle
in 2023–2025 56

Perminova V.A.

The problems of historical legacy of Japanese colonial rule in contemporary
Taiwan 70

Shirikalova A.A.

Gender Polarization of Youth in Contemporary Republic of Korea 86

Yoshida N.

The Japanese-language newspaper Uradzio Nippo and its era, 1917–1930. Part 2 99

Essays

Gerasimova T.G.

The PRC: Politics, Economics, Culture" Yearbook – 55 years of analysis
and understanding of China 110

DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-6-21

Скульптурные изображения детей в китайском парковом и городском ландшафте

Попкова Татьяна Дмитриевна¹

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация. Целью статьи является культурологическое осмысление парковой культуры и городской среды Китая, в пространстве которых представлены скульптуры, изображающие детей или сюжетные композиции на тему детства. Этот феномен китайской культуры до настоящего времени не был исследован. Автор на протяжении 10 лет собирал в городах Китая материал по данной теме, который зафиксирован в записях интервью с художниками и скульпторами, а также в коллекции фотоснимков, ставшей основанием для систематизации и обобщения представлений о ценностном отношении китайцев к детям и принципах нравственного воспитания. Исследование этого уникального способа материальной визуализации китайской традиции чадолюбия позволяет выявить особенности национальных культурных кодов «детство» и «воспитание». Автор приходит к выводу, что феноменологический контекст парковой культуры отражает эстетическую, оценочную и игровую реальность китайского менталитета.

Ключевые слова: Китай, скульптура, искусство, парковая культура, образы детей, воспитание, традиции.

Автор: Попкова Татьяна Дмитриевна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры педагогики филологического факультета, Пермский государственный национальный исследовательский университет (адрес: 614068, Пермь, ул. Букирева, 15). ORCID: 0000-0003-0267-217X. E-mail: tatyana3@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Попкова Т.Д. Скульптурные изображения детей в китайском парковом и городском ландшафте // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 4. С. 6–21. DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-6-21

Sculptural images of children in Chinese park and urban landscapes

Popkova Tatyana D.¹

¹ Perm State National Research University

Abstract. The article aims to provide a cultural understanding of park culture and the urban environment of China, where sculptures depicting children or story compositions on the theme of childhood

are presented. This phenomenon of Chinese culture has remained largely unexplored. For 10 years, the author collected material on this topic in different cities of China, which was recorded in interviews with artists and sculptors, as well as in a collection of photographs. It served as the basis for systematizing and generalizing ideas about the Chinese value system for children and the principles of moral education. The study of this unique way of materially visualizing the Chinese tradition of love for children allows us to identify the features of the national cultural codes of “childhood” and “education”. The author comes to the conclusion that the phenomenological context of park culture reflects the aesthetic, evaluative and playful reality of the Chinese mentality.

Keywords: China, sculpture, art, park culture, images of children, education, traditions.

Author: Popkova Tatyana D., DSc (Cultural Studies), Associate Professor, Professor, Department of Pedagogy, Faculty of Philology, Perm State National Research University (address: 15, Bukireva Street, Perm, 614068, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0267-217X. E-mail: tatyana3@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Popkova T.D. (2025). Skul'pturnyye izobrazheniya detey v kitayskom parkovom i gorodskom landshafte [Sculptural images of children in Chinese park and urban landscapes]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (4): 6–21. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-6-21

Китай – страна с древними традициями в области искусства. В настоящее время внимание многих отечественных исследователей направлено на постижение китайской национальной культуры. За последние два десятилетия мы наблюдаем восстановление культурных связей между поколениями учёных, писателей, литераторов, художников и представителей творческих профессий XIX–XXI вв., что помогает открывать новые страницы истории взаимоотношений России и Китая в области культуры. Этот процесс происходит благодаря реализуемой политике открытости между двумя странами. Такая позитивная стратегия даёт основание для углубления межкультурного взаимодействия с целью продолжения формирования общечеловеческого поля культуры как всеобщего блага и ценностного достояния наций и народов Земли.

По мнению китайского исследователя Люй Цзюньнаня, «особенно актуален вопрос о включении достижений китайских современных мастеров в мировой контекст» [Люй Цзюньнань 2015: 3]. Признавая своевременность данного высказывания, в своём исследовании мы обращаемся к одному из наиболее выразительных видов пластического искусства – скульптуре: в частности, скульптурным композициям в городском и парковом ландшафте, посвящённым детству.

Скульптура является одним из «визитных» видов искусства, характеризующих Китай. Появление китайской классической скульптуры (из бронзы, камня, дерева, глины) датируется археологами III тысячелетием до н.э. Изображения служили для увековечивания исторических событий и героев, для украшения гробниц. Основной тематикой были религиозные сюжеты, животные, мифологические существа. Скульптурные объекты поражают совершенством, утончённостью и изяществом композиций. На территории дворцов, буддийских и даосских храмов традиционными являются изображения мифологических животных (драконов, львов, черепах, журавлей), которые и сегодня удивляют своим величием и выразительностью.

В Китае визуальное искусство выполняет разнообразные функции: отражает мировоззрение, утверждает нравственные ценности и социальные отношения, сохраняет духовные традиции, символически раскрывает исторический контекст событий. Также этот вид изобразительного творчества выполняет важную эстетическую функцию. Скульпторы бережно сохраняют традиционные и одновременно развиваются новые темы и технологии, соответствующие веяниям времени и тенденциям развития культуры; при этом они учитывают мировую практику (многие китайские скульпторы и художники обучались в художественных колледжах и институтах России или Европы).

Особое место в современной скульптурной пластике занимают малые формы, представленные в парках, скверах и на улицах. Они органично вписываются в ландшафт, привлекая внимание своими незамысловатыми сюжетами, вызывая эмоциональный отклик, желание остановиться и внимательно взглянуться в образы.

Сегодня общественное пространство играет важную роль в создании комфортной среды и формировании художественного сознания жителей как мегаполисов, так и сравнительно небольших поселений. Культурное «лицо» городских ландшафтов – одна из важнейших задач создания «культурного облика и художественного своеобразия каждого города» [Су Цзе 2021: 230]. В Китае практически повсюду можно увидеть монументальные композиции, посвящённые историческим событиям, скульптуры известных национальных героев, исторических личностей, философов, божеств, персонажей классических произведений и др. Тематика и содержание таких культурных объектов разнообразны. Как правило, особой популярностью пользуются бытовые, исторические, а также обладающие философским смыслом сюжеты. Выполняя различные функции – от эстетических до развлекательных, они органично вписываются в окружающую среду и отражают стилевые художественные предпочтения градостроителей: «Скульптура рассматривается как средство коммуникации, которое скульптор использует для воплощения собственных идей <...>. Скульптура начинает говорить о социальных проблемах <...>. Объектами внимания скульпторов становятся город и повседневность» [Люй Пэн 2014: 248].

Парковое искусство в Китае относится к природно-материальному культурному наследию. Оно основывается прежде всего на духовных традициях, в частности, философском восприятии природы и гармоничном соединении с ней человека (天人合一) [Фань Чжиюй 2003]. Такое мировоззренческое отношение к личной и общественной жизни сформировалось в процессе тысячелетней истории китайского народа, и сегодня оно продолжает доминировать в различных сферах жизни – от политики до быта. По своей сути скульптурный образ – это идея, выраженная в конкретной форме, то есть «истины идеи» [Шеллинг 1966: 53]. Её художественная выраженность определяется автором (коллективом исполнителей замысла) в разных изобразительных стилях: классическом (реалистическом), символическом, футуристическом – от малых до больших монументальных форм.

Ориентируясь на принцип китайского садово-паркового искусства – «отсутствия образца идеального пейзажа» (*цзин дао суй цзин* / 经道随景), форма скульптурного изображения рождается в соответствии с окружающей природной средой (*инь цзин эр чэн* / 因景而成) и должна отражать чувственное восприятие (*дэши суйсинь* / 得失随心), «сонастраиваясь» с целостным восприятием мира.

Наиболее выразительным предметом скульптуры становится человеческое тело как осмысленный символ мироздания. Восприятие скульптурных объектов основывается на субъективном чувстве и культурном опыте – «самосозерцании духа» [Шеллинг 1966: 31], т.е. «...бесконечное количество замыслов допускает бесконечное количество толкований...» [там же: 32]. Исходя из этого утверждения, мы акцентируем внимание на возможностях интерпретировать образы городских и парковых скульптурных композиций для того, чтобы подтвердить или опровергнуть эту мысль. Стоит подчеркнуть, что в некоторых скульптурах нет стремления к правдоподобию: для их создателей была важна не внешняя форма, а выражение сущности замысла.

В парковом ландшафте и городской среде часто присутствуют скульптурные композиции, изображающие сюжеты, связанные с жизнью детей и взрослых. Как правило, визуальные образы в символической форме представляют традицию воспитания, выражющуюся в культе детства. Это могут быть бытовые сцены (приготовление еды, помочь взрослым по дому, покупка продуктов в лавке, семейное застолье и др.), учебная деятельность (занятие каллиграфией, игра на музыкальных инструментах, декламация стихов или чтение изречений философов и т.п.), традиционные детские игры (перетягивание каната, «догонялки», «ожурки» и т.п.), занятия спортом и многие другие сюжеты (фото 1, 2, 3).

Фото 1, 2, 3. Примеры скульптур на тему детства, г. Дэчжоу, г. Куньмин, г. Санья (*из архива автора*).

Photos 1, 2, 3. The examples of sculptures on the theme of childhood. Dezhou, Kunming, Sanya
(*from the author's archive*).

Скульптурная пластика может быть динамичной и статичной, реалистичной и символичной, отражая не только личный замысел автора, но и традиционные духовные ценности. В качестве примера приведём фотографию скульптуры «Жизнь» (фото 4).

Фото 4. «Жизнь». Автор Дуань Хуаци изображает женщину в молодые годы. Текст на табличке: «Образ, выражающий взаимосвязь между природой и жизнью. Тело – символ красоты природы, а язык красоты – это прелесть жизни, всё вместе – мир и святость. Это символизирует самодисциплину и заботу», г. Цзинань (*из архива автора*).

Photo 4. “Life”. The artist, Duan Huaqi, depicts a woman in her youth. The text on the plaque: “An image expressing the relationship between nature and life. The body is a symbol of the beauty of nature, and the language of beauty is the charm of life, all together representing peace and holiness. This symbolizes self-discipline and care”. Jinan (*from the author’s archive*).

Данный образ можно интерпретировать, используя метафору в комментариях Е.А. Торчинова к «Дао Де Цзину»: «Этот младенец колыхается на волнах вод материнского лона и парит в невесомом состоянии в этих водах»¹. Как указывает Е.А. Торчинов, «Образ лона и зародыша – часто употребляется даосами для описания отношений «дао – мир». Таким образом, дао оказывается Матерью мира, источником бытия и жизни...» [Торчинов 1998: 151]. В этом скульптурном изображении матери и ребёнка можно увидеть множественные скрытые смыслы, включая основополагающее для даосской философии понятие мира.

Рассматривая культуру Китая как особую ойкумену, мы можем понять, что в ней гармонично соприсутствуют различные культурные коды. Категория «культурный код» – это наиболее общее понятие, характеризующее, в частности, особенности национальной культуры: стереотипы сознания, социальную психологию, типичное поведение людей в определённых ситуациях. Коды являются сложными открытыми системами, которые

¹ Торчинов Е.А. Сокровенная Самка Поднебесной и Вечное Дитя. URL: <https://vk.com/@metaphysicwoman-evgenii-torchinov-sokrovennaya-samka-i-vechnoe-ditya> (дата обращения: 28.07.2025).

активно взаимодействуют между собой. При этом стоит отметить, что на одних этапах исторического развития могут преобладать тенденции унификации культурных кодов, приводящие к усилению процесса глобализации, в то время как на других – тенденция их спецификации, следствием которой становится локализация [Попкова, Кондаков 2025: 59]. Из множества культурных кодов Китая базовыми для социума, как мы предполагаем, являются коды «детство» и «воспитание». Наш выбор основывается на классической философской литературе и художественных произведениях, в которых отражена традиционная культура воспитания детей, а также на личном опыте наблюдения и общения с родителями и детьми в Китае.

Культурные коды «детство» и «воспитание» можно интерпретировать в скульптурной пластике с двух позиций: как особую *концептуальную модель*, в которой заложены определённые воспитательные сообщения, структурирующие знаковую реальность, и как своеобразную *«культурную матрицу»* (термин Ю.М. Лотмана) [Лотман 1992], отражающую нормы и традиции системы воспитания.

В парковой культуре присутствуют традиционные символы, связанные с детством: например «Год за годом изобилие», в котором заложен синкретический посыл. Образ «толстого младенца» символизирует глубокое чувство благополучия семьи, которое зависит от детей или отражается в них²; рыба воплощает процветание, семейную гармонию, удачу и успех; лотос рядом с ребёнком означает изобилие для семьи из года в год. Таким образом сочетание «толстый младенец», «лотос» и «рыба» подразумевает множество благоприятных пожеланий и является одним из самых популярных в народной культуре (фото 5).

Фото 5. Символ-пожелание «Из года в год изобилие», г. Цзинань (*из архива автора*).

Photo 5. The wish symbol “Abundance year after year”. Jinan (*from the author's archive*).

² Китайская пословица гласит: «Много детей – богатство и много потомков».

Основой сохранения и передачи межпоколенческих культурных кодов является семья. В первые годы жизни она создаёт для ребёнка опору для последующей социализации (т.е. вхождения во внешний мир), а затем – базис для самоосознания и самореализации (ощущение внутреннего баланса). В книге «Вёсны и осени господина Люя»³ даётся следующее наставление: «Небо порождает всё живое, человек воспитывает и возвращает» [Люй Бувэй 2010: 72]. Потребность во взаимодействии с семьёй и родственниками – одна из фундаментальных ценностей, которая закладывается в период детства. Когда ребёнок погружается в атмосферу многовековых традиций и становится их равноправным участником, в его сознании созревает понимание своей защищённости, обусловленное наличием надёжного семейного тыла.

Трансмиссия семейных ценностей может осуществляться прямым или косвенным способом, подразумевающим воздействие на подсознание ребёнка через образы. В контексте нашего исследования мы можем говорить о существовании ещё одного способа образного освоения детьми культурных кодов – посредством скульптурных композиций. При этом визуализация тех или иных нравственных семейных императивов демонстрирует эталоны культуры, концентрируя в себе различные когнитивные посылы, отражающие основы традиционных ценностей и национальной ментальности. В данном контексте уместно вспомнить мысль У. Эко, который считал, что все явления культуры воспринимаются в качестве знаковой системы, в которой заложена трансформация от знака (сигнала) к миру смыслов, что приводит к пониманию объектов как феноменов коммуникации [Эко 1998: 32].

Анализируя коллекцию фотографий, собранную в течение нескольких лет пребывания в Китае, мы предлагаем классифицировать сюжеты скульптурных композиций детской тематики по следующим группам: «Мать и ребёнок», «Анимализм “мать и дитя”», «Воспитание и обучение», «Игры детей».

Мать и ребёнок. Большинство скульптур динамичны, поскольку они отражают повседневные дела или обыденное общение (фото 6, 7, 8). Встречаются и отдельные статичные изображения, имеющие символический нравственный посыл (фото 9, 10). И те, и другие скульптурные композиции можно интерпретировать и как любование матери ребёнком, и как выражение их нерасторжимой биологической связи, и как духовную целостность, которая выражается в безусловной любви и заботе матери. В традиционной китайской культуре именно мать играет ключевую роль в воспитании детей, и её авторитет был всегда непререкаем: её слово в семье более значимо, чем отцовское, и ей всегда выражают особое почтение. Даже в наше время взрослые дети (особенно сыновья) ежедневно общаются с матерью, интересуются её здоровьем, обращаются к ней за советом по различным поводам, выражая таким образом своё внимание, заботу и уважение.

³ Первая книга, 2 глава «О жизни» («Бэнь шэн»).

Фото 6, 7. «Мать и дитя», г. Санья, г. Цзинань (из архива автора).
Photos 6, 7. “Mother and child”. Sanya, Jinan (*from the author's archive*).

Фото 8. «Мама с детьми в лодке». г. Пекин (из архива автора).
Photo 8. “Mother with children in a boat”. Beijing (*from the author's archive*).

Фото 9, 10. «Мать и дитя», г. Санья (из архива автора).
Photos 9, 10. “Mother and child”. Sanya (*from the author's archive*).

Анимализм «мать и дитя». Такие сюжеты представлены в композициях детского парка г. Санья. В них можно «прочитать» и нежное общение мамы с малышом, и бережное прикосновение, и игривость. Подобные образы позволяют провести наглядную параллель гармоничной связи матери и ребёнка не только среди людей, но и животных. Ненавязчиво и трогательно детям демонстрируется любовь в мире животных и формируется представление о единстве человека и природы. Таким образом, без слов и излишнего менторствования закладываются основы экологического сознания (фото 11, 12).

Фото 11, 12. Анимализм детской семантики, г. Санья (*из архива автора*).
Photos 11, 12. Animalism of children's semantics. Sanya (*from the author's archive*).

«Воспитание и обучение» (изображение детей и взрослых, их совместная деятельность). Подобные композиции представлены в парковом и городском пространстве в количественном преимуществе. И это вполне оправдано, так как в них демонстрируется основной посыл – воспитание детей посредством обучения, передачи знаний, овладение детей определёнными навыками, в том числе и этикетными нормами поведения (фото 13, 14, 15, 16, 17, 18). Детские скульптуры, изображающие совместные занятия старшего и младшего поколения, служат проводником между прошлым и будущим, тем самым воспитывая в детях уважение к истории и традиционной культуре, а для взрослых – это «оживление» сюжетов их детства.

Фото 13, 14, 15, 16, 17, 18. г. Лицзян, г. Гуанчжоу, г. Лицзян, г. Пекин, г. Дэчжоу, г. Цзинань
(из архива автора).

Photos 13, 14, 15, 16, 17, 18. Lijiang, Guangzhou, Lijiang, Beijing, Dezhou, Jinan
(from the author's archive).

Интересно наблюдать, как современные дети относятся к подобным скульптурам, в частности, к изображениям известных Учителей, к которым они обращаются с большой почтительностью и благоговением, искренне веря в то, что это поможет им в учёбе (фото 19).

Фото 19. Ребёнок просит благословения у Учителя. г. Бочжоу (*фото из архива автора*).

Photo 19. The child asks for a blessing from the teacher. Bozhou (*from the author's archive*).

Игры детей. Изображения детей в момент игры – наиболее динамичные композиции, благодаря которым можно узнать о традиционных коллективных детских играх XX столетия. Современные городские дети в них уже не играют: такая тенденция характерна для мегаполисов, где они выходят на улицу только в сопровождении старших. Дворовые игры стремительно уходят в прошлое, их заменяют парки развлечений или организованный досуг, проводимый аниматорами.

Скульптурные композиции предельно реалистичны. Если внимательно рассматривать мимику персонажей, то можно увидеть большой диапазон эмоций – удивление, внимание, сосредоточенность, радость, обиду, восторг, нетерпеливость и др., который характерен для детей, ещё не научившихся скрывать свои переживания. Типичным элементом групповых композиций можно считать наличие в них нравственного контекста: отношения детей между собой демонстрируют доброжелательность, взаимопомощь, заботу, поддержку, т.е. те качества, которые с ранних лет внушаются взрослыми как наиболее благоприятные для выстраивания бесконфликтных взаимоотношений.

Фото 20, 21, 22, 23. Игры детей. г. Гуанчжоу (*фото из архива автора*).
Photos 20, 21, 22, 23. Children playing. Guangzhou (*from the author's archive*).

Для полноты описания скульптурных композиций в пространстве парков и городов Китая следует отметить ряд соотнесённых с ними особых «ментальных посылов», адресованных окружающим.

Особенностью скульптур на «детскую» тему можно считать создание особого «мира молчания», который «понятно говорит»⁴. Для осмыслиения композиции на тему детства необходимо восприятие, основанное на общем для любого языка искусства культурном коде «детство». Оно понимается как идеальная ценность жизни, имеющая высокую степень идентичности в любой языковой картине мира. Этот факт делает доступным и понятным

⁴ Фраза из стихотворения В. Жуковского «Невыразимое».

художественный замысел скульптурного объекта для любого человека. Созданный образ можно рассматривать как самодостаточную композицию, не претендующую на оценку исторического *периода* (контента прошлого, настоящего, будущего) и *пространства*, где располагается объект. Окружающая скульптурную композицию среда, несмотря на определённую независимость от неё, концентрирует внимание зрителя на скульптуре и органично включает художественный объект в городской или природный ландшафт в качестве эстетического элемента.

Скульптура, как и живопись, передаёт *остановленное во времени* мгновение: она может изображать только динамичное действие в «застывшем кадре» – фиксацию жизненной ситуации. Обнаружив скульптуру на тему детства, воспринимающий мысленно на некоторое время «возвращается» в собственное детство: «зритель как бы обращает свой взор в прошлое, которое сходится как конус, упирающийся вершиной в настоящее время» [Лотман 1992: 27].

Скульптурное изображение (как объект) может быть *перенесено* в другое пространство (так нередко поступают современные градостроители), однако такое перемещение не нарушает замысла авторов, если его новое положение уместно в городской среде.

Иносказательность скульптурных изображений подчёркивает традиционное обращение к социальной стороне жизни китайцев, отражая идеологию, обычаи и мировоззрение, характерные для изображаемого исторического периода или для времени их создания. Сравним две фотографии (фото 24 и 25):

Фото 24. Гуанчжоу (*из архива автора*).

Photo 24. Guangzhou (*from the author's archive*).

Фото 25. Скульптура «Дитя Земли»,
Источник: <https://sprashivalka.com/questions/025aa9d2/>

Photo 25. Sculpture “Child of the Earth”
Source: <https://sprashivalka.com/questions/025aa9d2/>

На фото 24, сделанной в европейском квартале Гуанчжоу, зафиксирована традиционная воспитательная ситуация XIX–XX вв. – «детовождение», что отражает педагогический принцип импринтинга («следуй за мной, делай, как я»). На фото 25 представлена известная скульптура «Дитя Земли» (2017), расположенная в пустыне Гоби. Автор – профессор Дун Шубин (Dong Shubing), член Китайского союза скульпторов и Китайского общества искусства. Скульптура огромного спящего младенца символически выражает связь человека с нашей планетой как отношения ребёнка и матери. В этом сопоставлении можно

обнаружить проявление важной тенденции: в XXI в. человек стал задумываться о своём месте и роли на Земле и о симбиозе с ней.

Особенностью городских и парковых скульптурных композиций нередко является *отсутствие авторства*, т.к. подобные объекты создаются либо художественной артелью, либо народными умельцами. Как выяснилось из бесед с китайскими художниками, такие скульптуры обычно разрабатываются творческим коллективом, получившим «заказ» от городских властей (например, в лице директора парка) на создание композиций, которые отражают концептуальный замысел паркового или городского пространства. Традиция «авторского безмолвия» подчёркивает такие черты китайского народа, как скромность (нежелание оказаться у всех на виду) и коллективизм (нечто создаётся общими усилиями для всеобщего блага).

Следует констатировать, что после проведения реновационных работ в городских парках можно обнаружить и авторские произведения: возле некоторых скульптур появляются таблички с указанием имени автора и пояснением творческого замысла. Как правило, это композиции, представляющие философские или метафизические сюжеты (см. фото 4).

* * *

Парковые скульптуры выполняют различные функции: они могут быть либо элементами декорации окружающего пространства, либо частями нового пейзажа, перемещающими зрительный центр парка на его «внутренние формы» [Люй Цзюньнань 2016б: 117], выражая единство материального и духовного: «единение человека и природы, гармонию тела и духа, романтическую идею величия духа» [Люй Цзюньнань 2016а: 102].

Метафорически передавая отдельные эпизоды действительности, скульптурные композиции на темы детства и взаимодействия детей и взрослых ориентированы на чувственное восприятие, особенности национального менталитета. Ю. Лотман, характеризуя такую ситуацию, отмечал: «Пересечения смысловых пространств <...> порождают новый смысл, связанный с индивидуальным сознанием» [Лотман 1992: 36]. Понимание детства как значимого периода жизни человека, осознание нерасторжимой связи ребёнка с матерью определяет отношение людей к своему существованию как священной ценности и формирует эстетико-культурное представление о сакральной сущности бытия. При этом такие скульптуры, выполненные в стиле реализма, прости, динамичны и легко могут быть поняты любым человеком.

Подводя итог, приведём высказывание китайского исследователя: «Что лежит в основе китайской духовной цивилизации? Может ли традиционная китайская культура дать ответы на вопросы, которые волнуют современных китайцев? Вот проблематика, которая волнует скульпторов сегодня. В своём творчестве они пытаются сконструировать связи между традиционной культурой и современным человеком, при помощи искусства объяснить китайскую культуру соотечественникам, чтобы она не затерялась в бурных волнах глобализационных процессов» [Фань Чжиюй 2024: 141–142].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Лотман Ю.М. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. М.: Прогресс, 1992. 464 с.
- Люй Бувэй. Люйши Чуньцю (Весны и осени господина Люя) / пер. Г.А. Ткаченко; сост. И.В. Ушакова. М.: Мысль, 2010. 417 с.
- Люй Пэн. История современного китайского искусства 2000–2010. Шанхай: Шанхай Жэньминь чубаньшэ, 2014. 417 с.
- Люй Цзюньнань. Специфика китайского ландшафтного искусства в контексте художественно-пластических проблем современности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016а. № 6-4. С. 101–104.
- Люй Цзюньнань. Художественно-практические закономерности городской и ландшафтной скульптуры: опыт аналитического размышления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016б. № 3-1 (165). С. 116–119.
- Люй Цзюньнань. Художественное своеобразие современной парковой скульптуры Китая // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 49. С. 49–53.
- Попкова Т.Д., Кондаков Б.В. Феномены культурных кодов как коммуникативный потенциал взаимодействия // Материальная, духовная культура и искусство в развитии гуманитарного сотрудничества Беларуси и Китая: материалы Международной междисциплинарной научной конференции; 26 апреля 2024 г., Минск – Хэфэй / НАН Беларуси, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы; Аньхойский университет, Центр изучения Беларуси; гл. ред. А.И. Локотко. Минск: Право и экономика, 2025. С. 59–67.
- Су Цзе. Национальная скульптура городской скульптуры Китая // Новые горизонты – 2021: сборник материалов VIII Белорусско-Китайского молодежного инновационного форума, 11–12 ноября 2021 года / Белорусский национальный технический университет. Минск: БНТУ, 2021. Т. 2. С. 230–231.
- Торчинов Е.А. Религии мира: опыт запредельного. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 386 с.
- Фань Чжисуй. Основные тенденции развития скульптуры Китая XX–XXI веков. Интернациональный художественный опыт и национальные традиции. Дис. ... канд. иск. М.: ФГБОУ ВО Российский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова, 2024. 390 с.
- Шеллинг Ф.В. Философия искусства. М.: Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1966. 487 с.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.

REFERENCES

- Lotman Yu.M. (1992). *Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov* [Culture and Explosion. Universe of the Mind]. Moscow: Progress, 464 p. (In Russian).
- Lü Buwei (2010). *Lü Chunqiu (Vesny i oseni gospodina Lyua)* [Lü Chunqiu (The Springs and Autumns of Lord Lü)]. Transl. by G.A. Tkachenko; comp. by I.V. Ushakova. Moscow: Mysl', 417 p. (In Russian).
- Lü Junnan (2015). Khudozhestvennoye svoeobraziye sovremennoy parkovoy skul'ptury Kitaya [The artistic originality of modern Chinese park sculpture]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the world of science and art: issues of philology, art criticism and cultural studies], 49: 49–53. (In Russian).

- Lü Junnan (2016a). Spetsifika kitayskogo landshaftnogo iskusstva v kontekste khudozhestvenno-plasticheskikh problem sovremennosti [The specifics of Chinese landscape art in the context of contemporary artistic and plastic issues]. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk [Actual problems of the humanities and natural sciences]*, 6-4: 101–104. (In Russian).
- Lü Junnan (2016b). Khudozhestvenno-prakticheskiye zakonomernosti gorodskoy i landshaftnoy skul'ptury: opyt analiticheskogo razmyshleniya [Artistic and practical patterns of urban and landscape sculpture: experience of analytical reflection]. *Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theoretical and practical issues]*, 3-1 (165): 116–119. (In Russian).
- Lü Peng (2014). *Istoriya sovremenennogo kitayskogo iskusstva 2000–2010 [History of modern Chinese art 2000–2010]*. Shanghai: Shanghai Renmin chubanshe. 417 p. (In Russian).
- Popkova T.D., Kondakov B.V. (2025). Fenomeny kul'turnykh kodov kak kommunikativnyy potentsial vzaimodeystviya [Phenomena of cultural codes as a communicative potential of interaction]. In: *Material'naya, dukhovnaya kul'tura i iskusstvo v razvitiu gumanitarnogo sotrudnichestva Belarusi i Kitaya: materialy Mezhdunarodnoy mezhdisciplinarnoy nauchnoy konferentsii; 26 aprelya 2024 g., Minsk – Khefei / NAN Belarusi, Tsentr issledovanii belorusskoy kul'tury, yazyka i literatury; An'khoyskiy universitet, Tsentr izucheniya Belarusi; gl. red. A.I. Lokotko [Material, spiritual culture and art in the development of humanitarian cooperation between Belarus and China: proceedings of the international interdisciplinary scientific conference; April 26, 2024, Minsk – Hefei / NAS of Belarus, Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature; Anhui University, Center for Belarusian Studies; ed.-in-chief A.I. Lokotko]*. Minsk: Pravo i ekonomika, pp. 59–67. (In Russian).
- Su Jie (2021). Natsional'naya skul'ptura gorodskoy skul'ptury Kitaya [National urban sculpture in China]. In: *Novyye gorizonty – 2021: Sbornik materialov VIII Belorussko-Kitayskogo molodezhnogo innovatsionnogo foruma, 11–12 noyabrya, 2021 [New Horizons 2021: Proceedings of the VIII Belarusian–Chinese Youth Innovation Forum, November 11–12, 2021]*. Minsk: Belarusian National Technical University, vol. 2: 230–231. (In Russian).
- Torchinov E.A. (1998). *Religii mira: opyt zapredel'nogo [Religions of the world: experience of the transcendental]*. St. Petersburg: Center “Oriental Studies in St. Petersburg”, 386 p. (In Russian).
- Fan Zhiyu (2024). *Osnovnyye tendentsii razvitiya skul'ptury Kitaya XX–XXI vekov. Internatsional'nyy khudozhestvennyy opyt i natsional'nyye traditsii [Main trends in the development of Chinese sculpture in the 20th–21st centuries. international artistic experience and national traditions]*. PhD dissertation in art studies. Moscow: Russian State University of Design and Applied Arts (Stroganov University), 390 p. (In Russian).
- Shelling F.V. (1966). *Filosofiya iskusstva [Philosophy of Art]*. Moscow: Publishing House of Socio-Economic Literature “Mysl”, 487 p. (In Russian).
- Eko U. (1998). *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu [The absent structure. introduction to semiotics]*. St. Petersburg: TOO TK “Petropolis”, 432 p. (In Russian).

Поступила в редакцию:	12.08.2025	Received:	Aug 12, 2025
Принята к публикации:	30.08.2025	Accepted:	Aug 30, 2025

DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-22-36

Как международный контейнерный экспресс сближает центральные районы Китая с Европой

Александрова Мария Викторовна¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. Несмотря на достигнутые Китаем успехи в мировой монополизации производства контейнеров, оборудования и транспортных средств для контейнеризации, государство испытывает немало опасений в связи с нестабильностью мирового рынка. Для того чтобы снизить подобную напряжённость, КНР стала активно развивать железнодорожные контейнерные перевозки как внутри страны, так и с выходом вовне. Контейнерный экспресс «Китай – Европа» стал самым коротким «мостом», соединяющим внутренний и внешний рынки КНР. Экспресс имеет большое значение для содействия высококачественному экономическому развитию внутренних районов страны. Несколько китайских городов стали сборочными пунктами продукции для контейнерных поездов. На примере Чунцина, Сианя и Уханя автор анализирует особенности их развития. Отдельное внимание в статье уделяется вопросу субсидирования поездов. Отмечается, что контейнерный экспресс изменил логику развития внутренних районов Китая, значительно улучшив их транспортное расположение.

Ключевые слова: КНР, Европа, контейнеризация, контейнерный экспресс, железнодорожные перевозки, мультимодальные перевозки, субсидирование, сборочный пункт.

Автор: Александрова Мария Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-7257-5573. E-mail: alexandrova@iccaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2021-0009 «Современная внешняя политика КНР и взаимодействие РФ и КНР в межгосударственной, экономической, других практических областях и во внешнеполитической сфере, в том числе в многосторонних форматах (РИК, БРИКС)»).

Для цитирования: Александрова М.В. Как международный контейнерный экспресс сближает центральные районы Китая с Европой // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 4. С. 22–36. DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-22-36

How the international container express brings China's central regions closer to Europe

Aleksandrova Maria V.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. Despite China's success in global monopolization of container production, containerization equipment and vehicles, the country remains concerned about global market instability. To reduce these tensions, China has actively developed rail container transportation both domestically and internationally. The China-Europe Express has become the shortest "bridge" connecting China's domestic and foreign markets. The express train is crucial for promoting high-quality economic development in the country's hinterland. A number of Chinese cities have become assembly hubs for container train products. The author analyzes the specifics of their development on the example of Chongqing, Xi'an and Wuhan. Special attention is also paid to the issue of train subsidies. The author notes that the container express train has changed the development logic of China's interior regions, significantly improving their transport links.

Keywords: China, Europe, containerization, container express, rail transport, multimodal transport, subsidies, assembly hub.

Author: Aleksandrova Maria V., PhD (Economics), Leading Research Fellow, Center "Russia, China, the World", Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7257-5573. E-mail: alexandrova@iccaras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2021-0009 "The modern foreign policy of the People's Republic of China and the interaction of the Russian Federation and the PRC in interstate, economic, other practical areas and the foreign policy sphere, including multilateral formats (RIC, BRICS)").

For citation: Aleksandrova M.V. (2025). Kak mezhdunarodnyy konteynernyy ekspress sblizhayet tsentral'nyye rayony Kitaya s Yevropoy [How the international container express brings China's central regions closer to Europe]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (4): 22–36. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-22-36

Введение

Контейнеры – одно из значимых изобретений XX в. Благодаря контейнерным перевозкам в мире осуществилась транспортная революция, и сегодня уровень контейнеризации перевозок генеральных грузов среди развитых стран превышает 80 %¹. При этом важно подчеркнуть, что явление всемирной контейнеризации стало возможным лишь после активизации в этой сфере Китая.

В период с 1993 по 2020 г. КНР монополизировала практически всю мировую контейнерную сферу, в результате чего на её долю в настоящее время приходится

- 100 % мирового выпуска рефроконтейнеров;
- 95 % мирового производства простых металлических контейнеров;

¹ How has containerization changed ocean transportation? *Sinay*, Dec 19, 2023. URL: <https://sinay.ai/en/how-hascontainerization-changed-ocean-transportation/> (accessed: Dec 12, 2024).

- 86 % мировых поставок интерmodalных шасси;
- 50-60 % (в зависимости от года) всех спущенных на воду в мире новых контейнеровозов [Александрова 2025].

Развитие железнодорожных контейнерных перевозок в КНР

Несмотря на достигнутые успехи в мировой монополизации производства контейнеров, оборудования и транспортных средств для контейнеризации, нестабильность мирового рынка вызывает у Китая немало опасений. Для того чтобы снизить подобную напряжённость, КНР стала активно развивать как внутренние, так и внешние железнодорожные контейнерные перевозки. Активизация мультимодальных перевозок и строительство сложных логистических цепочек с опорой на контейнерные грузы стали главными трендами 13-й и 14-й пятилеток.

В результате предпринимаемых усилий отмечен стремительный рост железнодорожных контейнерных перевозок КНР, о чём наглядно свидетельствуют данные табл. 1. Так, с 2012 г. их объём вырос в 7,5 раз.

Таблица 1. Морские и железнодорожные контейнерные перевозки в КНР, 2012–2024 гг.

Table 1. Sea and rail container transportation in China, 2012–2024.

Год	Железнодорожные контейнерные перевозки, млн ДФЭ	Морские контейнерные перевозки, млн ДФЭ	Соотношение морских и железнодорожных контейнерных перевозок
2012	4,86	177,47	1:36,5
2013	4,62	190,21	1:41,2
2014	4,46	202,44	1:45,4
2015	5,35	211,56	1: 39,5
2016	7,52	220,05	1:29,3
2017	10,29	238,38	1:23,2
2018	13,75	251,12	1:18,3
2019	18,08	261,07	1: 14,4
2020	24,71	264,30	1:10,7
2021	25,64	282,72	1:11,0
2022	30,00	296,00	1:9,9
2023	33,23	310,34	1:9,3
2024	36,68	332,00	1:9,1

Составлено по: 2020 年中国集装箱运输行业发展历程、进出口情况以及金属集装箱产量 [Контейнерные перевозки Китая в 2020 г.: история развития, ситуация с импортом и экспортом и производство металлических контейнеров]. 智研咨询 [Chyxx.com], 03.10.2020. URL: <https://www.chyxx.com/industry/202010/898696.html> (дата обращения: 07.08.2025). (На кит.).

2022 年我国集装箱行业与多式联运发展情况分析 [Анализ развития контейнерной отрасли и мультимодальных перевозок Китая в 2022 г.]. 中国集装箱行业协会 [China Container Industry Association], 20.10.2023. URL: <https://www.chinaccia.com/service/detail-15-670.html> (дата обращения: 27.12.2024). (На кит.).

把握我国多式联运发展新趋势新机遇时间 [Воспользуйтесь новыми тенденциями и возможностями развития мультимодальных перевозок в Китае]. 中国集装箱行业协会 [China Container Industry Association], 03.04.2024. URL: <https://www.chinaccia.com/service/detail-15-941.html> (дата обращения: 12.07.2025). (На кит.).

我国多式联运总体规模继续攀升 [Общий масштаб мультимодальных перевозок в Китае продолжает расти]. 新华网[Синьхуа], 24.04.2025. URL:

<http://www.news.cn/politics/20250424/20c0dc750c44480ea0ca1ce62b703218/c.html> (дата обращения: 20.07.2025). (На кит.).

Compiled from: 2020 年中国集装箱运输行业发展历程、进出口情况以及金属集装箱产量 [China's container shipping industry in 2020: development history, import and export situation, and metal container production]. 智研咨询 [Chyxx.com], Oct 3, 2020. URL: <https://www.chyxx.com/industry/202010/898696.html> (accessed: Aug 7, 2025). (In Chinese).

2022 年我国集装箱行业与多式联运发展情况分析 [Analysis of the development of China's container industry and multimodal transport in 2022]. 中国集装箱行业协会 [China Container Industry Association], Oct 20, 2023. URL: <https://www.chinaccia.com/service/detail-15-670.html> (accessed: Dec 27, 2024). (In Chinese).

把握我国多式联运发展新趋势新机遇时间 [Seize the new trends and opportunities in the development of multimodal transport in China]. 中国集装箱行业协会 [China Container Industry Association], Apr 3, 2024. URL: <https://www.chinaccia.com/service/detail-15-941.html> (accessed: Jul 12, 2025). (In Chinese).

我国多式联运总体规模继续攀升 [The overall scale of China's multimodal transport continues to rise]. 新华网 [Xinhua], Apr 24, 2025. URL: <http://www.news.cn/politics/20250424/20c0dc750c44480ea0ca1ce62b703218/c.html> (accessed: Jul 20, 2025). (In Chinese).

С началом продвижения инициативы «Пояс и путь» и запуска контейнерных поездов «Китай – Европа» железнодорожные контейнерные перевозки КНР выросли с 2014 г. в 8 раз (с 4,5 до 36,7 млн ДФЭ²), за этот же период морские контейнерные перевозки возросли лишь в 1,9 раза. Наиболее высокие темпы ежегодного прироста железнодорожных перевозок были отмечены в период с 2015 по 2020 г., когда данный показатель варьировал в промежутке 30–40 %. С 2023 г. наступил период стабилизации железнодорожных контейнерных перевозок, годовые показатели прироста составили порядка +5 %.

Позиции железнодорожных контейнерных перевозок значительно усилились в период пандемии COVID-19. Под воздействием карантинных ограничений и в связи с приостановкой функционирования грузового автомобильного, морского и воздушного транспорта, отрасль железнодорожных контейнерных грузоперевозок и экспресс-доставки обеспечила бесперебойный поток грузов [Tang 2022].

Значительный вклад в этот процесс внёс контейнерный поезд «Китай – Европа» (далее экспресс или China-Europe Express). В результате 15-летнего функционирования он стал важным международным логистическим проектом для городов Центрального Китая, позволяя им достичь высокого уровня внешнеэкономической открытости. К конкретным проявлениям этого результата следует отнести следующие факты.

1. Количество маршрутов контейнерных поездов постоянно растёт.

2. Число категорий перевозимых грузов непрерывно расширяется – от IT-продуктов, таких как ноутбуки и принтеры, в первые дни работы экспресса, до более чем 50 000 наименований в 53 товарных группах, включая одежду, обувь, предметы первой необходимости, продукты питания, древесину, мебель, химикаты, машины и оборудование,

² ДФЭ — двадцатифутовый эквивалент (TEU — Twenty-foot equivalent unit). 20-футовые контейнеры, называемые эквивалентными единицами (TEU), стали отраслевым стандартом для определения объёма груза.

запчасти и узлы к ним. С 2023 г. в китайском экспорте определилась новая «тройка лидеров»: автомобили на новых источниках энергии, литий-ионные аккумуляторы и солнечные батареи – эти товары стали новыми точками роста объемов грузов на контейнерных поездах «Китай – Европа»³.

Таблица № 2. Товары, перевозимые на контейнерных поездах «Китай – Европа».

Table 2. Goods transported on China-Europe Express.

Товары, отправляющиеся из КНР в Европу	Товары, прибывающие из Европы в КНР
IT- продукция	Автомобили и запчасти для них
Автомобили и автозапчасти	Механическое оборудование
Механическое оборудование	Электромеханическое оборудование
Телекоммуникационное оборудование	IT-продукция
Строительная техника	Схемы электронные интегральные
Химическая продукция	Мебель
Электроника	Продукты питания и напитки
Товары народного потребления	Товары для беременных и младенцев
Одежда, обувь	Древесина
Мебель	
Автомобили на новых источниках энергии	
Литий-ионные аккумуляторы	
Солнечные батареи	

Источник/Source: Составлено автором / Compiled by the author.

3. В условиях пандемии COVID-19 железнодорожные контейнерные экспресс-перевозки по маршруту Китай – Европа продемонстрировали свою устойчивость и стабильность. В 2020 г. большинство международных цепочек поставок было прервано из-за опасения передачи коронавируса. China-Europe Express развивался против общего тренда и построил «мост жизни», соединяющий Китай и Европу. За 2020–2021 гг. экспрессом в Европу было перевезено в общей сложности 13,62 млн единиц противоэпидемических средств суммарным весом 105 тыс. тонн⁴.

³ 中欧班列（西安）2024年开行突破1000列 [China-Europe Express (Сиань) в 2024 г. запустит более 1000 поездов]. 中国政府采购网 [Сайт правительства КНР], 01.04.2024. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202404/content_6942832.htm (дата обращения: 17.08.2025). (На кит.).

⁴ 中欧班列最新“成绩单”出炉：通达欧洲23个国家180个城市 [Опубликованы последние данные о грузовых поездах по маршруту Китай – Европа: они достигли 180 городов в 23 европейских странах]. 人民网 [Жэньминь Жибао], 18.08.2022. URL: <http://finance.people.com.cn/n1/2022/0818/c1004-32505674.html> (дата обращения: 21.08.2025). (На кит.).

Таблица № 3. Состояние движения контейнерных поездов Китай – Европа, 2011–2024 гг.

Table 3. Status of China-Europe Express traffic, 2011–2024.

Год	Суммарное количество поездов	Темп прироста в год, %	Отправляющиеся поезда	Темп прироста в год, %	Прибывающие поезда	Темп прироста в год, %	Соотношение отправленных и прибывающих поездов
2011	17	–	17	–	0	–	
2012	42	147,06	42	147,06	0	–	
2013	80	90,48	80	90,48	0	–	
2014	308	285,00	280	250,00	28	–	10:1
2015	815	164,61	550	96,43	265	846,43	2,075:1
2016	1702	108,83	1130	105,45	572	115,85	1,975:1
2017	3673	115,80	2399	112,30	1274	122,73	1,883:1
2018	6300	71,52	3610	50,48	2690	111,15	1,342:1
2019	8225	30,56	4525	25,35	3700	37,55	1,223:1
2020	12 406	50,83	6982	54,30	5424	46,59	1,287:1
2021	15 183	22,38	8365	19,81	6818	25,70	1,227:1
2022	16 562	9,08	8881	6,16	7 681	12,67	1,116:1
2023	17 523	5,80	9343	5,21	8180	6,48	1,142:1
2024	19 897	13,55	10 546	12,88	8 846	8,14	1,192:1

Составлено по: Wang, Su (2023).

国铁统计数据，请收藏！2023 年各口岸、省市中欧班列开行情况 [Пожалуйста, сохраните эти статистические данные о китайских железных дорогах! Информация о перевозках экспресса «Китай – Европа», осуществляемых различными КПП, провинциями и городами в 2023 г.]. 知乎 [Zhihu.com], 18.02.2024. URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/682583891> (дата обращения: 20.08.2025). (На кит.).

2024 年中欧班列开行情况 [Информация о движении контейнерных поездов «Китай – Европа】. 大陆桥视野 [Dlqsyzz.com], 12.02.2025. URL: <http://www.dlqsyzz.com/9851.html> (дата обращения: 20.08.2025). (На кит.).

Compiled from: Wang, Su (2023).

国铁统计数据，请收藏！2023 年各口岸、省市中欧班列开行情况 [Please, save this data on China Railway statistics! Information on China-Europe Express services operated by various ports, provinces, and cities in 2023]. 知乎 [Zhihu.com], Feb 18, 2024. URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/682583891> (accessed: Aug 20, 2025). (In Chinese).

2024 年中欧班列开行情况 [China-Europe Express freight train operations in 2024]. 大陆桥视野 [Dlqsyzz.com], Feb 12, 2025. URL: <http://www.dlqsyzz.com/9851.html> (accessed: Aug 20, 2025). (In Chinese).

Из данных, приведённых в табл. 3, понятно, что с 2011 по 2017 г. темп прироста отправляющихся из КНР в Европу поездов превышал 100 %, а в 2014 г. достиг 285 %. При этом вплоть до 2015 г. составы уходили лишь в западном направлении, обратный поток движения не удавалось организовать. Однако со временем контейнеры стали активно отправляться и на восток, в результате с 2015 по 2024 г. соотношение отправляемых и прибывающих поездов сократилось с 2,075:1 до 1,192:1, что говорит о реальной востребованности логистического проекта.

Следует подчеркнуть, что китайское государство многое сделало для продвижения China-Europe Express. Прежде всего, был принят «План строительства и развития скоростного поезда Китай – Европа (2016–2020)» на уровне Комитета по развитию и реформам Госсовета КНР. В документе описывалась базовая схема маршрутов движения поездов, которая состояла из «трёх транзитных магистралей, четырёх основных КПП, пяти направлений и шести основных маршрутов».

Под «тремя транзитными магистралями» подразумеваются западный маршрут поезда «Китай – Европа», следующий через Синьцзян, а также центральный и восточный маршруты, проложенные через Внутреннюю Монголию. «Четыре основных КПП» – это Алашанькоу, Маньчжурия, Эрэн-Хото (Эрлянь) и Хоргос, расположенные на трёх основных маршрутах. Они являются основными «портами» прибытия и отправления поездов. «Пять направлений» – это основные пункты назначения экспресса, включая Европейский союз, Россию и некоторые страны Центральной и Восточной Европы, Центральной Азии, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Под «шестью основными маршрутами» подразумеваются пути, проложенные из Чэнду, Чунцина, Чжэнчжоу, Уханя, Сианя, Сучжоу, достигших значительных успехов в обеспечении грузооборота контейнерными поездами⁵.

Города-сборочные пункты контейнерных поездов «Китай – Европа»

Контейнерный экспресс «Китай – Европа» – это не только шанс КНР сохранить монополию на рынке контейнеризации, но и возможность развивать внутренние районы. Стране необходимо, чтобы центральные и периферийные территории стали активнее включаться во внешнеэкономическую деятельность. С точки зрения скоординированного регионального экономического развития, восточные прибрежные районы по-прежнему являются основными территориями внешнеэкономической открытости. Феномен быстрого роста на востоке и медленного на западе, сильных прибрежных и слабых внутренних районов принципиально не изменился, что крайне неблагоприятно сказывается на социальной стабильности и национальной безопасности и требует срочной оптимизации. В связи с этим проект международных контейнерных поездов стал одним из звеньев модели развития двойной циркуляции [Luan et al. 2025].

В приведённом выше «Плане» упомянуто шесть городов-сборочных пунктов контейнерных поездов: Чэнду, Чунцин, Чжэнчжоу, Ухань, Сиань, Сучжоу. Согласно уведомлению, выпущенному Комитетом по развитию и реформам Госсовета КНР в апреле 2020 г., ВВП городов, претендующих на строительство сборочных пунктов, должен превышать 600 млрд юаней, а суммарный внешнеторговый оборот провинции, в которой расположены города-сборочные пункты, обязан составлять 300 млрд юаней [Wang, Su 2023].

Первым городом, из которого стартовал экспресс, был Чунцин – крупнейший мегаполис Центрального Китая, который отвечал всем вышеупомянутым требованиям. Одной из важных специализаций города стало производство ИТ-продукции. Запуск

⁵中欧班列建设发展规划（2016—2020 年）[План строительства и развития экспресса Китай – Европа (2016–2020 гг.)]. 中铁集装箱 [Китайская корпорация железнодорожных контейнерных перевозок], 01.12.2017. URL: <https://www.crct.com/uploadfile/2017/1201/20171201813606.pdf> (дата обращения: 11.03.2025). (На кит.).

международного железнодорожного контейнерного маршрута «Юйсиньоу»⁶ был связан с трансформацией и модернизацией промышленности Чунцина. После мирового кризиса 2008 г. многие зарубежные инвесторы стали переносить свои промышленные мощности вглубь КНР, что было связано с существенным ростом себестоимости производства товаров в прибрежных районах страны. Одним из таких центров становится Чунцин. Город привлекал инвесторов меньшей ставкой подоходного налога с предприятий. Другим элементом было строительство государственного жилья, которое сдаётся в аренду по умеренным ценам, привлекая рабочих-мигрантов и молодых специалистов [Захаржевская 2018].

В процессе обширного промышленного сотрудничества с американским Hewlett-Packard (HP), тайваньскими и японскими ИТ-компаниями Чунцин стал одним из крупнейших центров КНР в ИТ-сфере. При этом около 40 % целевых клиентов электронной продукции города были сосредоточены в Европе. В такой ситуации необходимо было сокращать логистические издержки, находя более быстрые маршруты из Чунцина в Европу. Вплоть до начала функционирования маршрута «Юйсиньоу» продукция, произведённая на предприятиях города, транспортировалась в порты провинции Гуандун (2000 км автомобильных перевозок), а затем – морем в Европу (20 тыс. км), что занимало 1,5–2 месяца пути. Поэтому поиск быстрого, безопасного и недорогого логистического канала из внутреннего Китая в Европу стало решением для эффективного соединения предприятий-производителей с целевыми рынками. После комплексного исследования разнообразных маршрутов в Чунцине пришли к выводу, что железные дороги из Китая в Европу, существующие с начала XX в., возможно использовать в качестве основного транспортного канала [Guo 2025].

Примечательно, что изначально инициатива контейнерного поезда «Китай – Европа» была выдвинута в 2009 г. американской компанией HP, которой было необходимо найти новое логистическое решение для доставки своей электронной продукции в Европу, причём быстрее, чем по морю, и дешевле, чем по воздуху. В результате первый поезд «Юйсиньоу» был отправлен по маршруту Чунцин – Дуйсбург (ФРГ) в 2011 г.⁷.

Вплоть до запуска поезда Чунцин – Дуйсбург у руководства предприятий города не было объективных предпосылок использовать этот «медленный и дорогой» железнодорожный канал по следующим причинам:

- по пути следования простого грузового поезда из КНР в ЕС необходимо было пройти шесть таможенных проверок – в Китае, Казахстане, России, Беларуси, Польше и Германии, что значительно задерживало движение поездов и увеличивало транспортные расходы;
- отсутствовал единый график движения грузовых поездов между указанными странами. Железнодорожный грузовой транспорт каждой страны имел индивидуальное рабочее расписание. В среднем, международный грузовой поезд проходил данный маршрут не менее чем за 25–30 дней;

⁶ Железная дорога Чунцин – Синьцзян – Европа (渝新欧铁路) – маршрут, соединяющий несколько стран Европы и Азии. Представляет собой железнодорожную линию от Чунцина до Дуйсбурга (Германия) общей протяжённостью 11 179 км.

⁷ 一个集装箱补贴 5000 美元的幕布落下后 [После того, как опустился занавес, субсидия за один контейнер составила 5000 долларов]. GOFAR LOGISTICS, 19.07.2024. URL: <http://www.gofarlogistics.com/cn/wlxw/89.html> (дата обращения: 28.03.2025). (На кит.).

– не было единой тарифной сетки для перевозки международных грузов по маршруту КНР – Европа. Цены стран на железнодорожные грузовые перевозки по маршруту сильно различались, а их рентабельность была невысока [Guo 2025].

В процессе планирования запуска международного контейнерного маршрута «Юйсиньоу» власти Чунцина активно сотрудничали с Главным таможенным управлением и железными дорогами КНР, чтобы решить вышеперечисленные трудности. Необходимо было разработать фиксированные маршрут, номер поезда, время в пути и цену, чтобы гарантировать эффективную, стабильную и быструю транспортировку товаров, предоставляя более удобное и надёжное логистическое решение для торговли между Азией и Европой. В 2010 г. КНР, РФ и Казахстан подписали «Соглашение о свободной таможенной торговле «Юйсиньоу»». Оно предусматривало, что товары, отправляемые из Чунцина через территорию России и Казахстана, должны пройти только один таможенный досмотр – в Алашанькоу (на границе КНР и РК) или Маньчжурии (на границе КНР и РФ) – перед отправкой в Германию и Нидерланды⁸.

Следующим шагом стало подписание в 2017 г. железнодорожными ведомствами семи стран (России, Китая, Беларуси, Германии, Казахстана, Монголии, Польши) соглашения об углублении сотрудничества в области международного железнодорожного сообщения⁹. В соответствии с ним стороны должны были прилагать усилия к соединению программ развития ж/д инфраструктуры, повышению скорости движения грузовых поездов, унификации обслуживания, формированию общей информационной платформы, созданию механизма реагирования на ЧС, упрощению процедур оформления для трансграничного грузового ж/д сообщения¹⁰.

Вышеуказанные документы способствовали активизации работы по созданию сборочно-приёмных центров контейнерных поездов. На начальном этапе было выбрано несколько городов-сборочных пунктов.

Данные, опубликованные железнодорожными платформами в различных регионах КНР, демонстрируют, что Чунцин и Чэнду всегда были лидерами по количеству контейнерных поездов «Китай – Европа». С 2013 по 2015 г. Чунцин занимал 1-е место по количеству поездов в течение трёх лет подряд, за ним следовали Чэнду, Чжэнчжоу и Ухань. В 2016 г. Чэнду превзошёл Чунцин с 460 поездами, курсирующими в течение года, в то время как Чунцин занял 2-е место с 420 поездами. В 2018 г. конкуренция между Чунцином и Чэнду за первое место стала ещё более напряжённой, и Чэнду занял 1-е место с 10-процентным преимуществом по количеству запущенных поездов¹¹ (табл. 4).

⁸为什么一趟班列会对重庆这么重要? [Почему грузовой поезд так важен для Чунцина?]. 中国一带一路网 [Портал «Пояс и путь»], 29.12.2020. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/159807.html> (дата обращения: 01.08.2025). (На кит.).

⁹Хронология развития перевозок грузовыми поездами по маршруту Китай – Европа. Российская газета, 27.10.2023. URL: <https://rg.ru/2023/10/27/chronologiya-razvitiia-perevozok-gruzovymi-poezdami-po-marshrutu-kitaj-evropa.html> (дата обращения: 12.08.2025).

¹⁰ Железнодорожные ведомства семи стран подписали соглашение об углублении сотрудничества в области международного ж/д сообщения Китай-Европа. Синьхуа, 22.04.2027. URL: https://russian.news.cn/2017-04/22/c_136228361.htm (дата обращения: 11.08.2025).

¹¹中欧班列藏猫腻：为争首发空箱 各地疯狂补贴大战 [Контейнерные поезда Китай – Европа таят в себе скрытые риски: ожесточённая война субсидий между регионами ради обеспечения порожних контейнеров для первого рейса]. 信达立律师事务所 [Пекинская юридическая фирма «Синь Да Ли»]. URL: <http://www.xindalilaw.com/newsitem/278325549> (дата обращения: 09.08.2025). (На кит.).

Таблица № 4. Города – лидеры по количеству обслуженных экспрессов «Китай – Европа», 2017–2023 гг.

Table 4. Leading cities in terms of number of China-Europe Express handled, 2017–2023.

№	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
1	Чэнду	Чэнду	Сиань	Сиань	Сиань	Сиань	Сиань	Сиань
2	Чунцин	Чунцин	Чэнду	Чэнду	Чэнду	Чэнду	Чэнду	Чэнду
3	Чжэнчжоу	Сиань	Чунцин	Чунцин	Чунцин	Чунцин	Чунцин	Чунцин
4	Ухань	Чжэнчжоу						
5	Чанша	Ухань	Урумчи	Урумчи	Чанша	Чанша	Чанша	Иу

Источник/Source: Составлено автором / Compiled by the author.

В конце 2013 г. Сиань начал пробную эксплуатацию экспресса «Китай – Европа» и в 2019 г. стал лидером среди городов КНР по количеству обработанных контейнерных поездов. С 2013 по 2017 г. количество эксплуатируемых поездов там не превышало 200 в год, а в 2017 г. было всего 194. Однако с 2018 г. количество эксплуатируемых поездов за год неожиданно достигло 1235, увеличившись на 536,6 % в годовом исчислении. По количеству эксплуатируемых поездов в 2018 г. Сиань занял 3 место после Чэнду и Чунцина.

Основной причиной увеличения количества поездов из Сианя в 2018 г. стало внимание провинциальных и муниципальных властей к данному проекту, в основном в виде значительного увеличения субсидий.

О субсидиях и лоббировании контейнерных поездов местными властями на примере Сианя следует поговорить отдельно. Исходя из простой логики, транспортировка грузов должна основываться на принципе близости, то есть товары должны отправляться из города, который находится на самом близком расстоянии от предприятия-изготовителя. Но из-за преференций, которые получил Сиань, даже предприниматели из Синьцзяна, имеющего два железнодорожных КПП на границе с Казахстаном, выбирали отправку грузов контейнерным поездом из Сианя. Так, к примеру, товары из Синьцзяна могли бы пройти весь путь на запад в Центральную Азию всего за несколько дней, но из-за высоких субсидий и низких цен, предоставляемых Сианем, многие владельцы грузов поворачивали поток товаров вспять, перевозя товары из Синьцзяна в Сиань на восток, а затем отправляя их уже оттуда в Центральную Азию. Субсидии, которые не соответствовали рыночным правилам, в конечном итоге привели к пустой тратае ресурсов железных дорог. В результате такой «благоприятной» политики количество контейнерных поездов, прошедших через Сиань в 2023 г., в 26,49 раза превысило показатель 2017 г.¹².

Если в Сиане политика субсидий провинциального и городского правительства направлена на поддержание и увеличение грузопотока контейнерных поездов, то в Ухане ситуация иная. Исходя из данных, представленных в табл. 4, город с 2019 г. не фигурирует среди крупнейших сборочных центров контейнерных поездов.

¹²中欧班列挤“泡沫”[«Сдуваются пузыри» контейнерного поезда «Китай – Европа»]. 新良财经 [Sina.cn], 27.07.2019. URL: <https://finance.sina.cn/2019-07-27/detail-ihytcerm6622784.d.html?from=wap> (дата обращения: 15.08.2025). (На кит.).

Дело в том, что в 2012 г. экспортно ориентированные предприятия Уханя выдвинули требование об открытии нового транспортного маршрута в Европу. После неоднократных согласований с китайскими железными дорогами, таможней и другими ведомствами, Ухань в октябре 2012 г. стал вторым городом в стране, запустившим контейнерные поезда «Китай – Европа». Однако из-за высоких транспортных расходов и сложности заполнения контейнеров местными товарами сразу после запуска маршрут был заморожен. После официального представления инициативы «Пояс и путь» в сентябре 2013 г. на повестку дня был поставлен вопрос о возобновлении движения поездов. Путём многих усилий движение было восстановлено в 2015 г.

Одна из проблем, сдерживающих рост грузооборота контейнерных поездов из Уханя, связана со структурой отправляемых грузов: в основном это промышленная продукция с низкой добавленной стоимостью. Обратные поезда с Запада привозят в Ухань древесину, хлопок, но спрос на эту продукцию в провинции Хубэй невелик. В более успешных городах-сборочных центрах контейнерных поездов основная часть экспортируемых грузов – это продукция с высокой добавленной стоимостью. Стоимость перевезённых грузов по маршруту Чунцин – Европа в 2023 г. составила почти 100 млрд юаней, или 14,08 % от объёма импортно-экспортной торговли города, а стоимость перевезённых грузов из Уханя в Европу – 16,8 млрд юаней, или 4,66 % от суммарного внешнеторгового оборота Уханя (2,77 % в 2020 г., 3,81 % в 2021 г. и 3,97 % в 2022 г.) [Yang, Liu 2024].

Следующей причиной, сдерживающей рост грузооборота контейнерных поездов из Уханя, является макроэкономическая ситуация в городе. Согласно рейтингу ВВП городов КНР за 2024 г., Ухань занял восьмое место с показателем в 2 110,623 млрд юаней, обогнав Чэнду (9 место), Чунцин (10 место) и тем более Сиань (20 место)¹³.

В то же время по объёмам внешней торговли город занимает лишь 22 место в стране, отставая от Чэнду на 10 п.п. и на 7 п.п. от Чунцина. Экспорт Уханя в ВВП города составляет 12,5 %, что ниже среднего показателя по стране на 6 п.п. Для сравнения, у Сианя этот показатель составляет 20,8 п.п., у Чэнду – 19,8 п.п., у Чунцина – 15,7 п.п.¹⁴.

Ещё одним сдерживающим фактором в развитии Уханя как сборочного пункта является плохо продуманная политика в области субсидий. По сравнению с другими городами интенсивность субсидирования поездов здесь находится на относительно низком уровне. Кроме того, субсидии муниципального правительства Уханя являются единственным источником финансовой поддержки отправления поездов, в то время как в других городах для улучшения работы сборочных пунктов экспресса в основном используют комплексные субсидии провинций и городов [Yang, Liu 2024].

Проанализировав основные моменты политики в отношении развития городов-сборочных пунктов, рассмотрим расстановку сил среди них (рис.1). На конец 2024 г. из 22 китайских городов запущено более 100 маршрутов международных контейнерных поездов по маршруту Китай – Европа, при этом на Сиань, Чунцин, Чэнду и Чжэнчжоу пришлось

¹³ 2024年中国百强城市排行榜 [Топ-100 городов Китая в 2024 г.]. 华顿经济研究院 [Warton Economic Institute]. URL: <http://www.warton.com.cn/Uploads/ueditor/file/20240731/66a99dd7ac785.pdf> (дата обращения: 23.07.2025). (На кит.).

¹⁴ 中国外贸实力30强城市 [Топ-30 городов Китая по величине внешнеторгового потенциала]. 天恒集装箱 [TH Container], 26.01.2025. URL: <http://www.szthcontainer.com/nd.jsp?id=538&groupId=-1> (дата обращения: 23.07.2025). (На кит.).

53 % от общего числа отправленных и возвратившихся поездов, а если добавить Иу, то на пять городов-лидеров придётся порядка 57 % поездов.

Города-сборочные пункты можно разделить на три группы, которые в последние годы стабилизировались.

В первую входят Сиань, Чэнду, Чунцин и Чжэнчжоу, из каждого из этих городов отправляются и прибывают не менее 2000 контейнерных поездов в год. Среди них Сиань занимает 1-е место с 3894 поездами, что значительно опережает другие города (рис. 1). В то же время Сиань стал первым китайским городом, где было отправлено и принято порядка 25 тыс. контейнерных поездов, что составляет около 25 % от общего числа за всё время их эксплуатации.

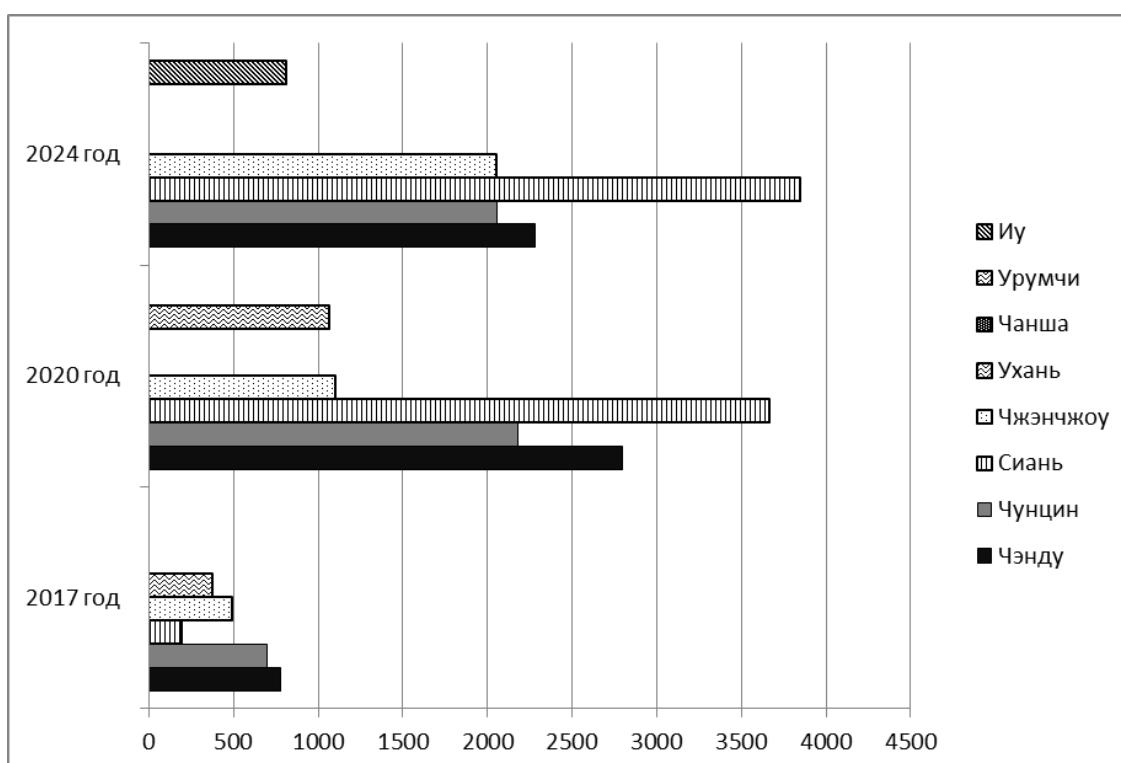

Рис. 1. Количество обработанных поездов в крупнейших железнодорожных пунктах следования контейнерного поезда «Китай – Европа».

Fig. 1. Number of trains processed at the major railway points of the China-Europe Express.

Источник/Source: Составлено автором / Compiled by the author.

Между Чэнду, Чунцином и Чжэнчжоу, которые соответственно занимают 2, 3 и 4 места, разрыв в количестве поездов незначителен. В Чэнду и Чунцине в 2024 г. обработали 2285 и 2059 поездов соответственно. Хотя количество составов, обрабатываемых каждым из двух городов в отдельности, не так велико, как у Сианя, в последние годы в статистике чаще всего объединяют два города (Чэнду+Чунцин), что даёт свой положительный эффект.

Если у трёх первых городов-лидеров количество исходящих поездов больше, чем прибывающих, то у Чжэнчжоу картина иная. Из 2052 контейнерных поездов, прошедших обработку, 1482 прибывающих поезда значительно превосходят Чэнду+Чунцин и уступают только Сианю.

Вторая группа включает Иу, Чанша, Гуанчжоу, Ухань, Шэньян, Цзинань и Шицячжуан с количеством поездов в диапазоне от 500 до 1000. Иу, занимающий 5-е место в стране, не является провинциальной столицей или городом с ВВП в триллион долларов. Его называют «мировым супермаркетом». В Международном торговом центре Иу насчитывается около 75 тыс. оптовых и розничных магазинов, продающих товары более чем из 200 стран и регионов мира. Показатели объёма движения контейнерных поездов, исходящих из Иу и прибывающих в него, подчёркивают высокую приспособляемость местных отраслей и торговых предприятий города в поддержании функций города-сборочного пункта.

Гуанчжоу, расположенный в районе дельты реки Чжуцзян, также имеет особые преимущества. В последние годы он ещё больше расширил свою международную торговую и транспортную сеть, демонстрируя тенденцию «трёх стрел»: железнодорожного, водного (морского) и воздушного транспорта.

Третья группа включает Хэфэй, Циндао, Сучжоу, Цзиньхуа, Сюйчжоу, Линьи, Далянь, Баоцзи, Харбин, Шэнъчжэнь и Нанкин, с числом курсирующих поездов от 100 до 500¹⁵.

Заключение

При всех успехах развития проекта контейнерных проездов «Китай – Европа» имеют место некоторые проблемы.

Прежде всего стоит отметить недобросовестную конкуренцию местных правительств в целях лоббирования своих интересов в ущерб городам-соперникам. Ярким тому примером является Сиань, где провинциальное и городское правительства активно субсидируют контейнерные поезда. В результате этого другие города, не обладающие подобным ресурсом, проигрывают в неравной борьбе. Суммарные субсидии для поездов China-Europe Express в разных местах составляют от 10 % до 40 % общей стоимости грузоперевозок. Местные органы власти борются за увеличение грузовых субсидий, что приводит к беспорядочной конкуренции между поездами из разных городов.

Ещё одной сложностью для городов-сборочных пунктов контейнерных грузов является недостаточное количество местных грузов, т.е. товаров, производимых в данной провинции. Так, для того чтобы поддерживать высокий объём перевозок и высокую скорость загрузки контейнеров, города продолжают расширять сферу сбора грузов, причём радиус превышает 1500 км. Среди таковых первенствуют Сиань и Чжэнчжоу: 75 % грузов, отправляемых оттуда, имеют внепровинциальное происхождение [Wang, Su 2023].

В то же время проблемой становится и близкое расположение городов-сборочных пунктов. Китайские учёные подсчитали, что экспресс «Китай – Европа» оказывает положительное радиационное воздействие на региональную экономику в радиусе 250 км. Чэнду и Чунцин находятся всего в 300 км друг от друга, а Чжэнчжоу и Сиань – менее чем в 500 км. Они имеют перекрывающиеся диапазоны влияния, схожие источники грузов, а некоторые маршруты дублируются, что приводит к жёсткой конкуренции [Wei, Gu 2021].

¹⁵ 2024 年中欧班列运营报告：西安开行量仍高居榜首 成渝携手发挥“1+1>2”效应 [Отчёт о работе контейнерного поезда «Китай – Европа» в 2024 г.: Сиань остаётся лидером по объёму перевозок; Чэнду и Чунцин объединяют усилия для создания эффекта «1+1>2»]. 证券时报网 [STCN], 22.01.2025. URL: <https://stcn.com/article/detail/1504733.html> (дата обращения: 16.08.2025). (На кит.).

Далеко не все провинции и автономные районы Китая осознали важность и значимость международного контейнерного поезда для развития собственных регионов. Исходя из имеющейся статистики, порядка 60 % железнодорожных контейнерных грузов приходится на 5 городов страны, хотя маршруты запущены из 100 городов.

Несмотря на существующие проблемы, проект международного контейнерного поезда «Китай – Европа» стал реальным «мостом» между Востоком и Западом Евразии. Он, хотя и точечно, смог активизировать внешнеэкономические связи центральных районов КНР. Учитывая международные geopolитические риски, экспресс облегчает выход китайских товаров на рынки как стран ЕС, так и стран, расположенных вдоль маршрутов движения контейнерных поездов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александрова М.В. Как контейнер глобализировал мировую торговлю, а Китай монополизировал производство контейнеров // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2025. № 1. С. 110–136. DOI: 10.24412/2071-6435-2025-1-110-136

Захаржевская А.Ю. Роль г. Чунцина в развитии инициативы «Один пояс, один путь» // Гуманитарный акцент. 2018. № 4. С. 9–13.

REFERENCES

Aleksandrova M.V. (2025). Kak konteyner globaliziroval mirovuyu torgovlyu, a Kitay monopoliziroval proizvodstvo konteynerov [How the container globalized world trade and China monopolized container production]. *ETAP: Ekonomicheskaya Teoriya, Analiz, Praktika* [ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice], 1: 110–136. (In Russian).

Zakharzhevskaya A.Yu. (2018). Rol' g. Chuntsina v razvitiii initsiativy «Odin poyas, odin put'» [The role of Chongqing in the development of the Belt and Road Initiative]. *Gumanitarnyy aktsent* [Humanitarian Accent], 4: 9–13. (In Russian).

* * *

Guo Kaifeng (2025). ZhongOu banlie (YuXinOu) chuangxin fazhan de zhuyao jingyan zuofa ji dui Yunnan de qishi [The main experiences and practices of the innovative development of the China-Europe Express (Chongqing-Xinjiang-Europe) and its implications for Yunnan]. *Chuangzao* [Creation], 1: 70–74. (In Chinese). [郭凯峰. 中欧班列（渝新欧）创新发展的主要经验做法及对云南的启示. 创造. 2025 年. 第 1 期. 70–74 页].

Luan Shuyue, Xu Yang, Zhang Qiongbo (2025). Cong Xian jijie zhongxin kan ZhongOu banlie de fazhan [The development of China-Europe Express on the example of the Xi'an assembly center]. *Zhongguo waizi* [Foreign Investment in China], 6: 11–13. (In Chinese). [栾书月, 徐洋, 张琼波. 从西安集结中心看中欧班列的发展. 中国外资. 2025 年. 第 6 期. 11–13 页].

Tang Hongxue (2022). 2022 nian woguo jizhuangxiang hangye fazhan ji yong gang yuce [The development of China's container industry and steel consumption forecast in 2022]. *Yejin guagli* [China Steel Focus], 6: 18–21. (In Chinese). [汤宏雪. 2022 年我国集装箱行业发展及用钢预测. 冶金管理. 2022 年. 第 6 期. 18–21 页].

Wang Xia, Su Shijie (2023). ZhongOu banlie zhuli gao shuipin duiwai kaifang de chengxiao, wenti ji duice [The achievements, problems and countermeasures of China-Europe Express in promoting high-level opening up]. *Tongji yu guanli* [Statistics and Management], 8: 119–128. (In Chinese). [王霞, 苏世杰. 中欧班列物流高附加值对外开发的成效、问题及对策. 统计与管理, 8: 119–128. (In Chinese)].

苏诗洁. 中欧班列助力高水平对外开放的成效、问题及对策. 统计与管理. 2023 年第 8 期. 119–128 页].

Wei Dongming, Gu Naihua (2021). Guoji yunshu tongdao yu quyu jingji gao zhiliang fazhan – laizi ZhongOu banlie kaitong de zhengju [International transport corridors and high-quality regional economic development: the evidence from the opening of the China-Europe Express]. *Guoji maoyi wenti* [Journal of International Trade], 12: 34–48. (In Chinese). [韦东明, 顾乃华. 国际运输通道与区域经济高质量发展—来自中欧班列开通的证据. 国际贸易问题. 2021 年. 第 12 期. 34–48 页].

Yang Lijun, Liu Jin (2024). ZhongOu banlie (Changjiang hao) gao zhiliang yunxing fazhan yanjiu [The research on the high-quality operation development of the China-Europe Express (Yangtze River)]. *Wuliu jishu* [Logistics Technology], 5: 151–160. (In Chinese). [杨立君, 刘锦. 中欧班列 (长江号) 高质量运行发展研究. 物流技术. 2024 年. 第 5 期. 151–160 页].

Поступила в редакцию:

31.08.2025

Received:

Aug 31, 2025

Принята к публикации:

04.11.2025

Accepted:

Nov 4, 2025

DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-37-55

К вопросу о причинах возникновения Северного союза в ходе гражданской войны Босин 1868–1869 гг. в Японии

Романчев Данила Дмитриевич¹

¹ Институт востоковедения РАН

Аннотация. Статья посвящена малоизученному в отечественной японистике явлению – *О:уэцу-рэппан-до:мэй* (奥羽越列藩同盟), «Союзу княжеств провинций Муцу, Дэва и Этиго», или Северному союзу. Эта конфедерация доменов северной Японии возникла в 1868 г. как способ коллективного выступления против политики Нового правительства Мэйдзи. В момент зарождения Союз был нацелен на мирное посредничество между Новым правительством и княжеством Айдзу, против которого велась карательная кампания. Позднее Союз сам оказался объектом нападок и выбрал путь военного сопротивления, став политическим конкурентом Киото.

В данном исследовании мы оставим в стороне военную составляющую истории Северного союза, обращаясь к описаниям боевых действий лишь по мере необходимости. Акцент сделан на изучении тех политических процессов, которые привели к неизбежности вооружённого столкновения.

Ключевые слова: Япония, гражданская война, война Босин, бакумацу, политика.

Автор: Романчев Данила Дмитриевич, лаборант-исследователь Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0009-0007-2363-6051. E-mail: NickName210366@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Романчев Д.Д. К вопросу о причинах возникновения Северного союза в ходе гражданской войны Босин 1868–1869 гг. в Японии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 4. С. 37–55. DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-37-55

On the reasons for the emergence of the Northern Alliance during the Boshin Civil War of 1868–1869 in Japan

Romanchев Данила Д.¹

¹ Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article is devoted to a phenomenon underexplored in Russian Japanese studies – *Ouetsu-reppan-dōmei* (奥羽越列藩同盟), the “Alliance of domains of the Provinces of Mutsu, Dewa, and Echigo”, or simply the Northern Alliance. This confederation of domains in Northern Japan emerged in 1868 to oppose the policies of the new Meiji government in Kyoto. The Alliance initially aimed to mediate peacefully between the new government and the Aizu domain, which was being subjected to a punitive

campaign. Later, the Alliance itself became the target of attacks and chose the path of military resistance, becoming a political competitor to Kyoto.

The study leaves aside the direct military component of the Northern Alliance's history, referring to descriptions of military operations only when necessary. The emphasis is placed on examining the political processes which made the armed conflict inevitable.

Keywords: Japan, civil war, Boshin war, Bakumatsu, politics.

Author: Romanchev Danila D., Research Assistant, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0009-0007-2363-6051. E-mail: NickName210366@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Romanchev D.D. (2025). К вопросу о причинах возникновения Северного Союза в ходе гражданской войны Босин 1868–1869 гг. в Японии [On the reasons for the emergence of the Northern Alliance during the Boshin Civil War of 1868–1869 in Japan]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 7 (4): 37–55. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-37-55

Контекст возникновения Северного союза

В 1854 г. американский коммодор Перри вынудил Японию подписать Канагавский договор, прервав двухвековую политику изоляции. Страна вступила в 15-летний период Бакумацу (幕末, конец сёгуната), во время которого сложились очертания будущих преобразований Мэйдзи (1868–1912). Кризис был обусловлен комплексом факторов, включая значительное технологическое и экономическое отставание от западных держав. Внешние воздействия усилили внутренние противоречия и подорвали легитимность сёгуната Токугава, что, в свою очередь, способствовало росту антиправительственных настроений.

Гражданская война вступила в активную фазу в 1868 г. Внутриполитические противоречия, вызванные недовольством политикой сёгуната и его монополией на власть, неравноправными торговыми соглашениями и экономическим упадком, привели к открытому антагонизму между сторонниками режима сёгуната и приверженцами радикальных реформ. Последние выступали за восстановление прямого императорского правления и модернизацию политической системы, идеологически опираясь на национальную религию синто и сакральный статус императора [Молодяков 2019: 50–51].

Поражение войск Токугава в конфликте с непокорным княжеством Тё:сю в 1865–1866 гг. привело к кризису. Влиятельные домены, настроенные оппозиционно, сформировали военно-политический альянс.

Политический кризис, смерть 14-го сёгуна Токугава Иэмоти (1846–1866) и кончина настроенного доброжелательно к сёгунату императора Ко:мэй (1831–1867) вынудили 15-го сёгуна Токугава Ёсинобу (1837–1913) добровольно сложить полномочия, необходимость чего он сам осознавал. 9 ноября 1867 г. он официально передал власть императору, сохранив за собой владения рода Токугава.

Ёсинобу планировал интегрироваться в новую политическую систему, которая предусматривала бы расширение сословного представительства, при этом сохраняя лидирующую роль [Satow 1921: 283]. Однако оппозиционные силы продолжали оказывать давление на Токугава, требуя возврата императору не только полномочий, но и земель.

3 января 1868 г. в Киото произошёл государственный переворот, в результате которого было учреждено Новое правительство (新政府, синсэй-фу), которое заняло жёсткую позицию

относительно судьбы Токугава [Мещеряков 2023: 150–151]. На престол взошёл император Муцухито (1852–1912), известный по девизу своего правления как Мэйдзи. Как показали дальнейшие события, именно в этот период произошёл коренной перелом, положивший начало ускоренной модернизации Японии.

Несмотря на сложение полномочий, бывший сёгун Токугава оставался крупнейшим феодалом. Его и вассалов не могли устроить требования Киото. Ёсинобу считал земли, завоёванные его предками, своими по праву. Новое правительство настаивало, что все земли и люди принадлежат императору. Ёсинобу ушел из Киото в Осака, куда стекались силы Токугава. Стороны какое-то время находились в поисках компромисса, и шанс на мирный транзит существовал. Однако с обеих сторон имелись сторонники жёсткой линии.

Casus Belli для дальнейшей эскалации стали события в Эдо. В город в своё время вошло до 500 лазутчиков из Сацума. 16 января 1868 г. они совершили нападение на сторожевой пост Сё:най-хан в Эдо [Kimura 2018: 20]. 17 января случился поджог на территории замка Эдо, в районе современного парка Ниномару. В ответ на это 18 января силы Токугава, в основном Сё:най-хан, приготовились атаковать резиденцию Сацума в районе Мита (三田), где укрывались лазутчики. 19 января начался обстрел. В результате резиденция была уничтожена, а находившиеся там погибли, бежали или были пленены [Dai Nihon Ishin shiryō... 1997: 481].

22 января вести о событиях дошли до Осаки. Люди в замке пришли в возбуждение. Даже Ёсинобу, которому до этого времени удавалось сдерживать их пыл, не смог этому препятствовать. В результате конфискации земель Токугава вассалы бывшего сёгуна попали бы в бедственное положение и были настроены решительно.

Одновременно Ёсинобу получил указ явиться в Киото, чтобы войти в Новое правительство на правах одного из *гидзё*: (議定, старшего советника). 25 января встал вопрос о выдвижении в Киото: в замке Осака начались споры. Звучали призывы к захвату Киото [Нобуа 2007: 56].

25 января 1868 г. Токугава Ёсинобу издаёт прокламацию «о наказании Сацума» (*to:saцу-xē:*, 討薩表) [Нобуа 2007: 58–59]. Формально она была составлена в рамках ежегодной традиции новогоднего поздравления, адресованного двору, которое на этот раз было обёрнуто в форму обвинительного приговора. Ёсинобу требовал выдать ответственных за террор в Эдо. Расширяя контекст, бывший сёгун упомянул о том, что «негодяи» при дворе «пленили» императора и от его имени преследуют свою политическую выгоду [Totman 1980: 416–417].

Параллельно разрабатывался план захвата Киото. Планирование было со всех сторон неудачным. Его качество напрямую сказалось на боевой эффективности сил Токугава¹. Ружья пехотинцев даже не были заряжены. Всё это говорит о том, что наступавшие совершенно не ожидали, что война начнётся прямо сейчас [Misaki 2023: 92–93]. Сам Ёсинобу в период планирования и выдвижения военных сил слёг с простудой. Он не испытывал энтузиазма по поводу похода, поэтому не дал своим людям никакого напутствия.

27 января силы Сацума открыли огонь по подошедшем близко силам Токугава – война началась. Формальное численное превосходство Токугава оказалось бесполезным, т.к.

¹ 13 пехотных батальонов сёгуната с 22 пушками и союзники из Айдзу, Кувана, Такамацу, О:гаки и т.д. должны были выдвинуться к Киото по трактам Тоба-кайдо: и Фусими-кайдо:, а также со стороны Оцу (大津) [Totman 1980: 434].

инициатива находилась в руках врага. Он умело использовал собственные преимущества, а также вёл наступление на идеологическом фронте².

В течение следующих трёх дней в окрестностях Киото шли полномасштабные боевые действия, верх одержали силы Киото. Сам Ёсинобу заявлял о приверженности сопротивлению, и сохранились свидетельства о блистательной речи, которую он произнёс 29 января. Однако ночью 30 января Ёсинобу покинул Осаку вместе с Мацудайра Катамори (князь Айдзу, 1836–1893) и прочими. Никто не знал о намерениях Ёсинобу до последней минуты. После серьёзного поражения силам Токугава предстояло бежать в Эдо. Тема причин поражения Токугава в битве при Тоба-Фусими столь многогранна, что невозможно охватить её в рамках настоящей статьи.

После поражения и последовавшей добровольной капитуляции Ёсинобу перед войсками Нового правительства боевые действия продолжились уже на востоке Японии, где отказавшиеся принять сдачу лоялисты Токугава оказывали сопротивление. Хотя власти Токугава без боя сдали замок Эдо, боевые действия в Канто шли ещё несколько месяцев.

Однако актором сопротивления новой власти в войне Босин выступили не только лоялисты из остатков армии Токугава. На политические перемены с подозрением смотрели крупнейшие княжества северной Японии – Ёнэдзава, Сэндай и т.д.

Когда боевые действия близ Киото ещё были в самом разгаре, Новое правительство развернуло активную деятельность по распространению своего влияния. Для установления контроля над ещё не покорившимися землями власти в Киото учредили должности генерал-губернаторов армии усмирения (鎮撫總督, *тинбу-со:току*). Когда было решено идти походом на Эдо, трёх генерал-губернаторов назначили командовать тремя направлениями движения. Войска маршировали к Эдо по трактам Хокурикудо:, То:сандо: и То:кайдо:. 2 марта была учреждена новая верховная должность – *то:сэй-дайсо:току*, «великий генерал-губернатор», «усмиритель Востока» (東征大總督). Занял её *со:сай* (глава) Нового правительства Арисугава-но-мия Тарухито (1835–1895)³, и три генерал-губернатора перешли в его подчинение .

3 февраля Новое правительство объявило список врагов трона. Все они были так или иначе связаны с битвой при Тоба-Фусими. Помимо Ёсинобу из важных для данного исследования имён следует отметить Мацудайра Катамори (Айдзу). Всех, кто был указан в списке, лишили придворных рангов и званий [Nakamura 2019: 31]. После капитуляции Токугава в Эдо в апреле 1868 г. княжество Айдзу, расположенное на севере, стало следующей целью карательной армии. Одновременно туда стекались недовольные Новым правительством и беженцы. В песнях того времени появились слова: «...Смотрите же ныне, как Айдзу становится новым Эдо» [Hoshi 1983: 41].

² 28 января войска Нового правительства были объявлены *кангун* – «правительственной армией». Главнокомандующим – *сэйто:-тайсё:гун* – назначили принца Комацу-но-мия Акихито (1846–1903). Сам титул *сэйто:-тайсё:гун* – «великий полководец карательного войска» (征討大將軍) – служил инструментом легитимизации Токугава. Официальный титул сёгунов – *сэйи-тайсё:гун*, «великий полководец, покоритель варваров» (征夷大將軍) – изначально даровался полководцам, на которых возлагались определённые военные задачи. По тому же принципу задача покарать Токугава была возложена на Акихито. Принцу даровался церемониальный меч *сэтто:* (節刀) и парчовые знамёна – *нисики-но-михата* [Ивакура-ко: дзикки 1906: 234].

³ Арисугава-но-мия Тарухито приходился сводным братом императору Ко:мэй и, соответственно, дядей Муцухито.

Союз Айдзу и Сё:най

Для покорения Айдзу был назначен генерал-губернатор и в регион О:сю⁴. 24 марта 1868 г. из Осаки отплыл корабль, который 10 апреля прибыл в Сэндай⁵. На борту находился генерал-губернатор армии усмирения севера Кудзё: Мититака (1839–1906) и несколько сотен воинов. 15 апреля Кудзё: вошёл в замок Сэндай. Главной его целью было, опираясь на авторитет императора, приказать княжествам севера участвовать в усмирении княжества Айдзу, а также покарать Сё:най. На данном этапе силы Сэндай кооперировались с кангун⁶ и направлялись к границам с землями Айдзу и Сё:най. Сначала происходили лишь ограниченные столкновения. Северные княжества всё ещё пытались выступить посредниками в переговорах.

Северные княжества не были заинтересованы в том, чтобы втягиваться в войну. Большая часть предпочитала выждать. С одной стороны, они критиковали противников Нового правительства и остатки сил Токугава, а с другой – выражали готовность выступить посредниками на мирных переговорах [Kanai 1976: 119]. Князья и их правительства пытались держаться в стороне от войны как можно дольше, вступая в неё лишь при непосредственной угрозе и даже в таком случае оставляя «запасной вариант» в виде перехода на другую сторону. Так действовало, например, княжество Акита в ходе войны на севере, или княжество Сибата в войне в Этиго. Помимо Айдзу к врагам трона причислили и Сё:най-хан. Первой причиной для этого стало участие Сё:най в сожжении резиденции Сацума в Эдо 19 января. Криминализация этого инцидента оказалась важна для Нового правительства, так как формальным поводом для эскалации послужили именно события в Эдо.

Второй причиной стал инцидент с налоговым рисом в Сибахаси (柴橋). 29 февраля Токугава Ёсинобу передал княжеству Сё:най в управление часть земель в районе Сагаэ-Сибахаси доходностью в 74 300 коку, домен также получил 21 000 тюков риса. Самураи Сё:най-хан отправились в этот район, чтобы охранять ресурсы, постепенно вывозя их на свою территорию.

Когда войска Нового правительства узнали о рисе в Сибахаси, то попытались конфисковать его, т.к. их финансовое положение было неустойчиво. 24 апреля 1868 г. силы кангун атаковали Сибахаси, но передовой отряд подтвердил, что риса там уже нет. Сё:най-хан обвинили в присвоении, усилив призыва покарать этот домен.

Напряжённость между кангун и Сё:най привела к сражению при Киёкавагути 16 мая. Силы карательного войска оказались разбиты и отошли к своему штабу близ замка Синдзё:⁷. Княжество Сё:най перешло в наступление, захватило твердыню княжества Тэндо:. 25 мая 1868 г. домен Сё:най официально вступил в войну против Нового правительства, Сакай Тадаацу лишили всех званий.

Политическая ситуация в Японии сблизила два княжества, и заключение союза между ними стало очевидным решением. И Айдзу, и Сё:най в глазах Киото были общим врагом. Практически одновременно княжества отправили делегации друг к другу, и союз был

⁴ Другое название провинции Муцу. Ныне это территории префектур Фукусима, Мияги, Иватэ, Аомори.

⁵ Центр современной префектуры Мияги.

⁶ «Армия правительства», силы Киото.

⁷ Княжество в провинции Дэва, современный г. Синдзё:, префектура Ямагата.

сформирован [Hoshi 2005: 74–75]. Участники обозначили необходимость привлечь к союзу Ёнэдзава и Сэндай, занять Эдо и разослать воззвания по всей стране, «освободить» союзников при дворе императора [Hoshi 2005: 75–77]. Айдзу-хан был одним из первых, кто выступил с идеей широкого союза княжеств.

21 мая встретились советники Айдзу, Ёнэдзава и Сэндай. От Сэндай присутствовали Сака Токихидэ (1833–1869), Тадаки Тоса (1817–1869), от Айдзу – Кадзивара Хэйма (1842–1889), от Ёнэдзава-хан – О:таки Синдзо: (?–?). Тадаки Тоса считал, что прошение о помиловании Айдзу должно включать лишь отставку правителя и казнь виновников Тоба-Фусими [Hoshi 2005: 75–77]. Петиция должна была быть подана от имени Сэндай и Ёнэдзава. Для придания ей большей силы, а также для углубления региональной кооперации *4 каро*: из Сэндай-хан и Ёнэдзава-хан составили 25 мая для княжеств севера следующее послание [Hoshi 1995: 27; Sasaki 1977: 99]: «Нашим правителям Муцу-но-ками и Дандзё-дайхицу приказали сформировать авангард атаки на Катамори из Айдзу. Муцу-но-ками уже выступил, но так как вассалы Катамори пришли к нему в лагерь с ходатайством о сдаче и просьбой прощения, мы хотели бы созвать коллективное обсуждение этого вопроса. Поэтому мы просим вас выслать представителей из числа ваших старших советников в Сироиси как можно раньше».

Северный союз как способ коллективного протesta

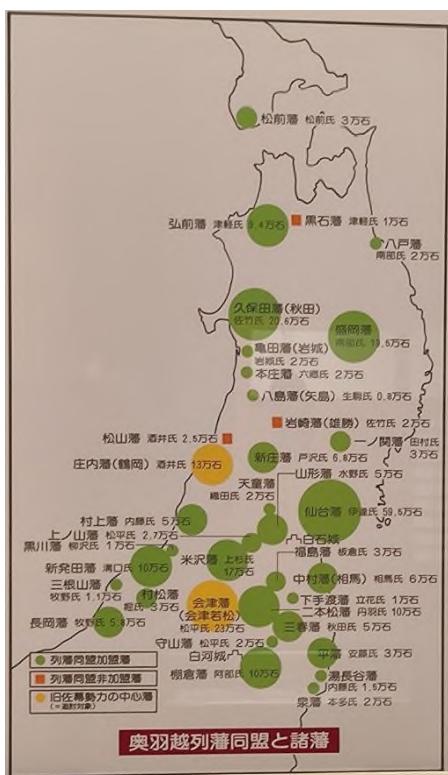
Сэндай-хан начал рассыпать по соседним доменам посланников с целью выяснить общественное мнение, параллельно требуя от Нового правительства чётких обоснований похода на Айдзу и Сё:най [Nagakura et al. 2018: 108–110].

34 представителя из 25 доменов собрались вместе, и началась «Встреча в Сироиси». Это был первый шаг к коллективному выступлению. Несмотря на то, что «Встреча» ставила целью мирное посредничество в переговорах, Новое правительство увидело в ней признаки неподчинения верховному авторитету Киото. Это был инструмент давления на генерал-губернатора и способ показать единство.

1 июня 1868 г. состоялось первое заседание, в нём приняли участие 33 представителя 14 княжеств⁸. Было зачитано прошение Айдзу, и участники подтвердили его искренний характер. Было решено немедленно заняться мирным посредничеством в переговорах с Киото. Лишь княжество Акита выражало желание следовать указам Киото [Sasaki 1977: 100–101]. 2 июня Датэ Ёсикуни (князь Сэндай, 1825–1874) и Уэсуги Наринори (князь Ёнэдзава, 1820–1889) передали генерал-губернатору Кудзё: 3 петиции, подписанные именами главных вассалов Айдзу, правителей Сэндай и Ёнэдзава, а также главными вассалами княжеств Муцу и Дэва⁹ (17 человек). Усадьбу, где проходила встреча, оцепили, и Кудзё: вручили петиции. Он принял их, но попросил несколько дней для ответа. Он понимал, что его офицеры не примут мирной инициативы, и говорил, что может «не вернуться в Киото» [Hoshi 2005: 82–84].

⁸ Полный список участников [Hoshi 2005: 80–81].

⁹ В период Токугава современные префектуры Ямагата и Акита были объединены в провинцию Дэва.

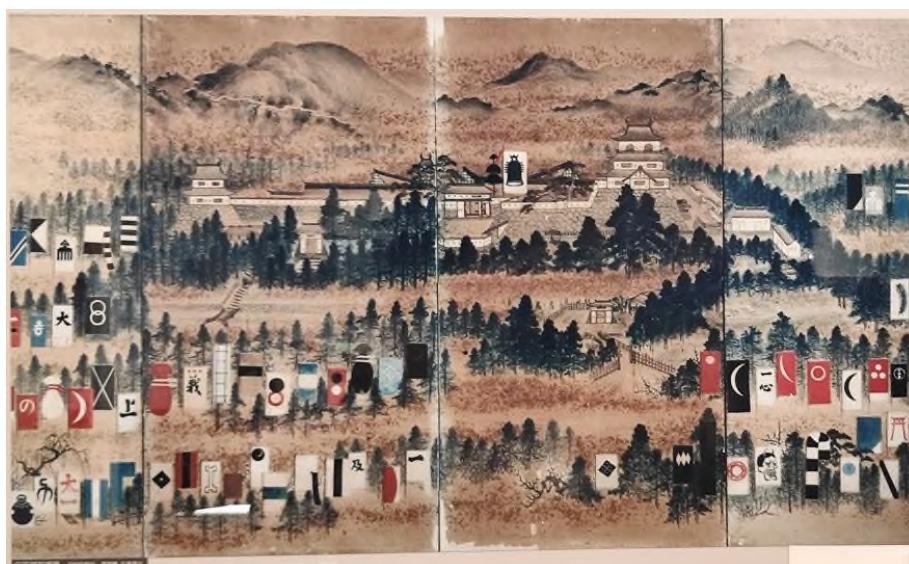

Илл. 1. Карта, на которой доходность (т.е. богатство) княжеств-членов Северного союза изображена с помощью круговых фигур. Среди самых богатых – Сэндай, Ёнэдзава, Акита, Мориока. Жёлтым цветом выделены княжества Айдзу и Сё:най, формально не входившие в Союз.

Источник: Фото из архива автора, музей замка Айдзу-Вакамацу, лето 2023.

Pic. 1. The map showing the income (wealth) of the domains that were the members of the Northern Alliance using circular figures. Among the richest were Sendai, Yonezawa, Akita, and Morioka. Highlighted in yellow are Aizu and Shōnai, which were not formally the members of the Alliance.

Source: Photo from the author's archive, Aizu-Wakamatsu Castle Museum, summer 2023.

Илл. 2. Картина, изображающая «Встречу в Сироиси».

Источник: Фото из архива автора, музей замка Айдзу-Вакамацу, лето 2023.

Pic. 2. Painting depicting “Meeting at Shiroishi”.

Source: Photo from the author's archive, Aizu-Wakamatsu Castle Museum, summer 2023.

Кудзё: был лишь формальным лидером карательной армии, тогда как руководство осуществляли его офицеры. И даже они могли только следовать воле Киото. В действительности, для подачи петиций нужно было ехать в штаб *кангун* в Эдо. Позиция Нового правительства по Айдзу оставалась неизменной: требовалось казнить Мацуудайра Катамори, значительно сократить земли княжества, а также казнить вассалов, ответственных за Тоба-Фусими. Как было указано ранее, Сэндай и Ёнэдзава считали, что последнего пункта будет достаточно [Hoshi 2005: 83].

Одним офицером при генерал-губернаторе был Сэра Сю:дзо (1835–1868). Он активно призывал Сэндай отправить армию против Айдзу [Sasaki 1977: 75] и с подозрением относился к местным, называл их воинов «трусами» [Beasley 1977: 45]. Во время церемонии любования цветением сакуры 18 апреля Сэра сложил стих: «В Муцу цветёт сакура, и я задаюсь вопросом, должно ли начать войну, пока листья ещё не опали» [Fujiwara 1911: 318]. Местные отмечали, что Сэра вёл себя высокомерно, распущенno и праздно [Hoshi 1995: 32]. 7 июня штаб генерал-губернатора официально отклонил петиции, и во многом это стало результатом жёсткой позиции Сэра, который называл Айдзу «преступниками» (罪人 *дзайнин*) [Watanabe 1934: 11–12].

В результате, хотя княжества Сэндай и Ёнэдзава продолжали просить о прощении за Айдзу, был отдан приказ генерал-губернатора немедленно атаковать Айдзу [Iwate-ken shi... 1972: 32]. Позиция офицеров штаба Сэра и Дайго Тадаоки (1830–1900) была такова: Мацуудайра Катамори был приговорён к смертной казни Новым правительством, и если бы он хотел извиниться, то стоило распустить войска, сдать замок и сделать это лично.

Стороны встали на жёсткие позиции, и о мирных переговорах более не было речи. В этих условиях доменам северо-восточной Японии предстояло сделать выбор.

Спусковым крючком к сопротивлению стало перехваченное послание Сэра к офицеру О:яма Цунаёси, который находился в Акита. В нём Сэра называл север «враждебным», говорил о необходимости силовых действий и обвинял Сэндай в подготовке восстания¹⁰. Офицеры карательной армии планировали использовать домены То:хоку в качестве авангарда наступления на Айдзу, но не ожидали, что те будут симпатизировать врагу. Небольшим силам генерал-губернатора было тяжело сражаться в одиночку, и их фрустрация понятна. Сэра планировал призвать подкрепления и через замок Сираакава, а также десантом в Саката начать наступление на Айдзу и Сё:най [Iwate-ken shi ... 1972: 34–35].

Считается, что послание Сэра было получено через самурая Фукусима-хан Судзуки Рокутаро: (?–?), которому было доверено доставить его. Недовольный содержанием письма, он передал его самураям Сэндай-хан Сэно:уэ Сюдзэн (瀬上主膳, ?–?) и Анэха Такэносин (姉歯武之進, 1844–1868), которые решили убить Сэра. Убийство одобрил Тадаки Тоса [Hoshi 1995: 32–33].

9 июня Сэра прибыл в Фукусима, остановившись в гостинице Канадзава-я. Утром 10 июня на спящего Сэра и его соратника Кацуми Дзэнтаро (?–1868) напала группа из 20 человек. В ходе нападения Сэра был ранен, схвачен и казнён на берегу р. Абукума [Fukkoki 1929–1931: 390, 417]. Помимо него было убито ещё несколько человек.

¹⁰ После капитуляции Сэндай-хан оправдывался, что послание Сэра было подделкой Айдзу. Для Айдзу «Встреча» стала возможностью разжечь искру сопротивления. Вероятно, что письмо было так или иначе изменено, чтобы вызвать гнев у Сэндай и Ёнэдзава. Также возможно, что это уже более позднее оправдание. Скорее всего, убийство планировалось задолго до послания [Kido Takayoshi kankei bunsho ... 2007: 273–274].

Илл. 3. Знамя, которое использовали солдаты Северного союза, символизирует созвездие Большой Медведицы. Считалось, что оно освещает для армии путь к победе.

Источник: Коллекция музея города Сэндай.

Pic. 3. The banner used by the soldiers of the Northern Alliance. It symbolizes the constellation “Ursa Major”. It was believed that it illuminated the army's path to victory.

Source: Collection of the Sendai City Museum.

Когда вести достигли Сироиси, делегации скандировали слова поддержки и говорили о «карте небес» [Sasaki 1977: 114]. Ранее советник Сэндай-хан Сака Токихидэ писал в Айдзу, что следует захватить замок Сираока до того, как туда войдут силы *кангун*. Войска Айдзу-хан заняли замок 10 июня, в день убийства Сэра.

13 июня началось второе заседание, на котором официально была сформирована конфедерация. Изначально подали прошение о вступлении 40 княжеств, из которых 24 воевали против Нового правительства [Nagakura et al. 2018: 115]. В итоге в конфедерацию вступили 25 доменов северо-восточной Японии, к которым позднее присоединились шесть доменов провинции Этиго во главе с Нагаока-хан. Вместе они стали именоваться «Союз княжеств Муцу, Дэва и Этиго» (*O:уэцу-рэппан-до:мэй*), или Северный союз. Союз неставил целью войну с *кангун*, но стремился легитимизировать свои отношения с генерал-губернатором через коллективное выступление. Этот факт объясняет, почему Ёнэдзава-хан радушно встретил эмиссара *кангун* Сава Тамэкадзу (1812–1889) в Синсю: уже после образования Союза.

Союз возглавляли Датэ Ёсикуни и Уэсуги Наринори. Важной фигурой был Тамамуси Садаю: (1823–1869), вассал Сэндай-хан, участник миссии сёгуната в США в 1860 г. После начала войны он активно работал над созданием Союза и в дальнейшем руководил военными делами в качестве заместителя военного управляющего. Вклад его был столь велик, что в 1869 г. Новое правительство принудило его к самоубийству [Sendai-shi shi 1975: 169]. Другой важный человек в Союзе – Тадаки Тоса (1817–1869) – был одним из тех, кто руководил княжеством Сэндай в этот период¹¹. После капитуляции Сэндай совершил *сэппуку* 28 июня 1869 г. [Yamada 1978: 208–221].

¹¹ Тадаки проводил аналогии между войной в Японии и гражданской войной в США: «В США произошла война Севера и Юга, и Север победил. Юг был репрессивной страной, которая жестоко обращалась с чернокожими рабами, подобно (тому, как поступают) Сацума и Тё:сю. Наш Союз подобен Северным Штатам

27 июня Датэ Ёсикуни издал для воинов и жителей своего княжества прокламацию: «Несмотря на то, что я последовал приказу подчинить Айдзу, Катамори подал прошение о сдаче и извинения. Хотя десятки княжеств подали петиции, он не был прощён, и теперь безымянный приказ атаковать Сё:най был отдан. Это не воля господина Кудзё:, и тем более это не воля Его Величества. Банда злодеев обманула императорский двор, узурпировала власть, и нет сомнений, что они продвигают свою собственную политическую волю с хитростью и жестокостью. Таким образом, моим желанием является вступить в союз, восстановить великую справедливость и покончить с хаосом, и сохранить имперские земли. Не только вассалы от мала до велика, но и простые люди должны всей своей решимостью помочь мне, и пусть мои слова не будут забыты...» [Miyagi-ken shi 2, 1966: 707].

Документ о формировании Союза, подписанный 31 его членом, содержит следующие строки: «Княжества провинций Муцу и Дэва, собравшиеся в настоящее время на совет в Сэндай, адресуют это послание генерал-губернатору для установления мира. Придерживаясь этого соглашения, мы хотим следовать по пути честности и правопорядка, дабы участвовать в единодушном сотрудничестве, почитать императорский двор наверху и успокоить людей внизу, а также, сохранив имперскую землю, успокоить сердце Его Величества. Следовательно, мы следуем следующим правилам:

- 1) распространить великую справедливость на всю страну – наша цель, и мы должны избегать мелочности;
- 2) подобно тому, как путешествуют через моря в одной лодке, мы будем доверять друг другу и двигаться с чувством справедливости;
- 3) в случае чрезвычайной ситуации княжества-соседи должны предоставить поддержку и оповестить генерал-губернатора;
- 4) не следует полагаться на грубую силу или притеснять слабых. Не следует преследовать личную выгоду. Не следует допускать утечки секретов. Не следует покидать союз;
- 5) укрепления строятся и припасы подвозятся, и, хотя это и неудобно, крестьян нельзя заставлять трудиться и страдать напрасно;
- 6) крупные инциденты должны разрешаться всем союзом, имея целью возвращение к принципам справедливости. Если соглашение будет соблюдаться твёрдо, то детали устанавливаются сами собой;
- 7) вопросы координации с другими провинциями и отправка войск к границам соседей должны решаться после оповещения всего союза;
- 8) не должно быть убийств невинных. Не должно быть кражи денег и урожая. Те, кто идут по пути несправедливости, встретят наказание.

Если какое-либо из правил будет нарушено, союз, собравшийся на совет, вынесет приговор» [Kuwata 1978: 173–174].

Состав Союза был разнообразен. В него вошло 31 княжество, из которых *фудай*¹² было лишь 9. Остальные были *тодзама*¹³: крупнейшими были Сэндай (625 000 *коку*), Ёнэдзава

в том, что основывается на справедливости и правосудии. Победа нашего Севера была гарантирована» [Hoshi 2005: 90]. Интересно, что представители Сэндай-хан демонстрируют определённый уровень анализа исторических событий, но представляют причину победы Севера сугубо в идеалистическом ключе.

¹² Наследственные вассалы Токугава, обязанные своими землями сюзерену.

¹³ «Посторонние» – удельные правители, которые своими землями и положением не были обязаны Токугава: они получили их в завоеваниях или же от предшественников Иэясу – Ода Нобунага (1534–1582) и Тоётоми Хидэёси (1537–1598). Не могли занимать государственных постов.

(150 000), Мориока (200 000), Акита (205 800), Нагаока (74 000). Чуть меньшими были Хиросаки (100 000), Нихонмацу (100 000), Танагура (100 000). Неофициальными членами можно считать Айдзу-хан и Сё:най-хан.

К вопросу о «северном императоре»

Следует упомянуть о том, как позиционировал себя Союз в борьбе с Новым правительством. Существует теория, что принца Ринно:дзи-но-мия Ко:гэн (1847–1895, он же Китасиракава-но-мия Ёсихиса) Союз провозгласил императором. Принц Ринно:дзи ранее бежал из Эдо на кораблях сёгуната и высадился в порту Хираката (современная префектура Ибараки). По некоторым данным, в какой-то момент между сражением в Уэно¹⁴ и приездом в Айдзу он был провозглашён императором под именем То:бу (東武天皇), а его девизом стал Тайсэй (大政) [Kaishū Zenshū 1928: 144–145]. Этую теорию поддерживали историки Такикава Масадзиро:, Хоси Рё:ити, Отабэ Ю:дзи, Мусяноко:дзи Минору. В англоязычной науке данной теории придерживался Армен Бакалиан, о чём он писал в “Not for the Shogun: Aizu’s Personal Motives in the Bakumatsu” (2005) и “Lone Star Of The North: The Northern Alliance Reconsidered” (2011).

Сторонники теории приводят косвенные подтверждения интронизации Ринно:дзи-но-мия, такие как список правительственные постов при новом «императоре», упоминание новой эры Тайсэй, статью в газете The New York Times, где указывается, что «в Японии теперь два императора»¹⁵.

Историки Исии Такаси, Сасаки Сугуру и другие критиковали эту теорию, называя её всего лишь концепцией без доказательств [Kumano 2013: 40]. Противники теории замечают, что 22 августа принц возносил молитвы «за здравие» императора. В письмах принца говорится о том, что «молодой император» находится под пагубным влиянием «бандитов Сацума» [Kumano 2013: 41]. Принц опасался, что его будут ложно обвинять, используя исторический пример периода Южного и Северного дворов¹⁶. Нет прямых доказательств ни существования императорского двора на севере, ни смены эры на Тайсэй [Kumano 2013: 40]. История создания документов с упоминанием То:бу не до конца ясна¹⁷.

Как бы то ни было, и в случае провозглашения принца «своим» императором, и в случае признания себя верными подданными Муцухито – руководители Союза настаивали на своей правоте. Существуют свидетельства, что они именовали свою армию *син-кангуни*, «истинная правительенная армия».

Членов Союза нельзя считать противниками императора – скорее узурпации верховной власти Сацума и Тё:сю. «Уважение к императору как к главе государства» было одним из принципов Союза [Hoshi 2005: 87]. Анализ правящих семей крупнейших княжеств Союза

¹⁴ 4 июля 1868 г. на окраине Эдо произошло сражение между недовольными новой властью самураями и отрядами *кангуни*, завершившееся полной победой последних.

¹⁵ JAPAN; Northern Choice of a New Mikado – Persecution of Christians – Anti-Foreign Sentiment – Americans in the Japanese Service. *The New York Times*, Oct 18, 1868, p. 3. URL: <https://www.nytimes.com/1868/10/18/archives/japan-northern-choice-of-a-new-mikadopersecution-of.html> (accessed: Jun 10, 2025).

¹⁶ Нанбоку-тё: (1336–1392) – период противостояния двух ветвей императорского рода, которые вели борьбу за власть в Киото.

¹⁷ После войны принц был быстро прошён и построил успешную военную карьеру, закончив жизнь на Тайване в 1895 г., где командовал экспедиционными силами.

позволяет сделать вывод, что их не связывали с Токугава особые связи, и, соответственно, он не был заинтересован в возрождении сёгуната. Неверно именовать его «протокугавским», «партизанами Токугава» [Jansen 1961: 334] и т.д. Тем не менее, Союз охотно сотрудничал с солдатами армии сёгуната.

Политическая и военная стратегия Союза

Генерал-губернатор Кудзё: и его офицеры были взяты под арест в Сэндай-хан, но по прибытии верных Новому правительству отрядов было решено передать им узников. После этого Кудзё: ушёл в Мориока, но так как это княжество было членом Союза, он отправился в Акита. Конtingент *кангун* начал прибывать в Акита, единственный оплот карательного войска.

Армии Союза сосредоточили усилия на нескольких направлениях: на обороне Этиго и подходов к Айдзу на юго-западе, а также на подчинении бывших союзников на северо-западе. В конце лета 1868 г. княжество Акита и его северный сосед Хirosаки перешли на сторону Нового правительства. Война в Акита, как позже будет названа кампания Союза против этого княжества, отвлечёт на себя внимание сил Сё:най-хан и войск Союза и не даст возможности послать больше сил на защиту Айдзу.

Стратегия Союза была объявлена в момент его возникновения: а) не дать *кангун* войти в Сираакава; б) занять Никко:¹⁸, Уцуномия¹⁹, освободить провинции Симоцукуэ и Хитати²⁰, укрепившись на р. Тонэ; в) распространить своё влияние на регион Бо:со:, Синано, Ко:дзукэ, Кай²¹; г) вступить в союз с княжествами Кага и Кии²².

Цели в Сё:най: 1) распространить информацию, что основания для нападения на Сё:най были ложными; 2) пригласить вице генерал-губернатора Сава в Ёнэдзава и взять его под охрану; 3) Ёнэдзва силой изгонит силы Сацума и Тё:сю, направляющиеся в Сё:най; 4) при необходимости будет применено оружие.

В Этиго Ёнэдзва совместно с доменами Нагаока и Сё:най изгонит *кангун* из провинции, другие домены также помогут.

Цели и задачи Союза: 1) сообщить всей стране о злодеяниях, совершённых штабом генерал-губернатора; 2) просить поддержки у Франции, США, России и др.; 3) развернуть деятельность в западных княжествах, подрывая тыл Сацума и Тё:сю; 4) сотрудничать с вассалами бывшего сёгуната; 5) немедленно возвратить к многочисленным самураям различных княжеств в Киото и Эдо и призвать их показать свои силы; 6) у княжества Акита есть возражения, и Ёнэдзва попытается переубедить его; 7) в Хатинохэ царит атмосфера беспокойства, и Нанбу (Мориока) попробует успокоить людей.

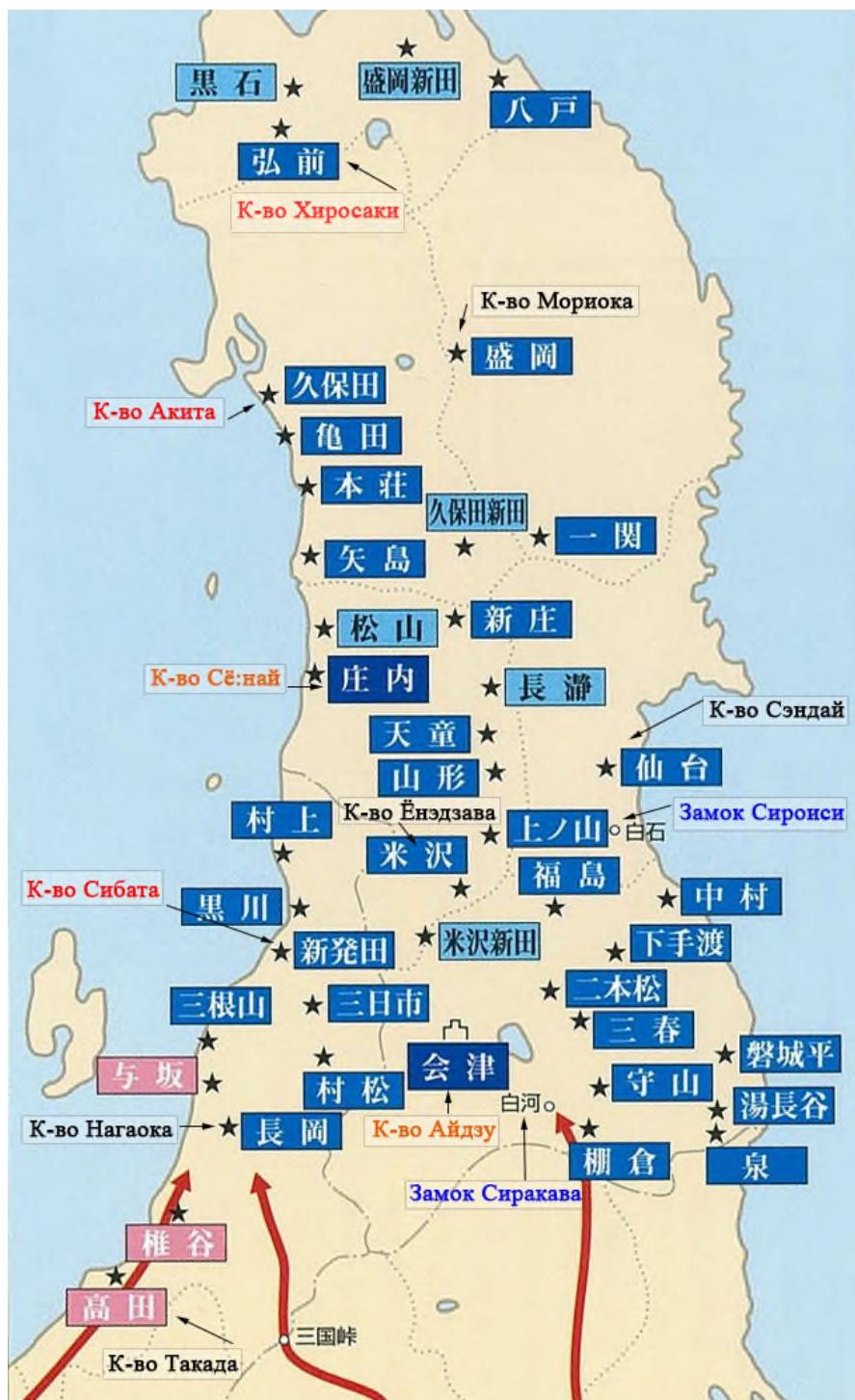
¹⁸ Место поклонения обожествлённому Токугава Иэясу – То:сё:-Дайгонгэн.

¹⁹ Ключевой замок на входе на равнину Канто:.

²⁰ Современные префектуры Тотиги и Ибараки.

²¹ Полуостров Бо:со: – современная префектура Тиба. Синано – префектура Нагано. Ко:дзукэ – префектура Гумма; Кай – префектура Яманаси.

²² Кага – богатейшее княжество периода Эдо, располагалось в современной префектуре Исикава и Тояма; Кии – княжество Кисю:, которым управляла побочная ветвь Токугава, современная префектура Миэ.

Илл. 4. Карта с указанием ключевых членов Союза. Выделенные красным домены позднее перешли на сторону кангун. Оранжевым выделены Айдзу и Сё:най, формально не входившие в Союз. Синим выделены замки Сироиси и Сираакава – место «Встречи» и место генерального сражения соответственно. Красные стрелки указывают на основные направления наступления кангун.

Источник: Составлено автором на основе [Zusetsu bakumatsu-boshin-seinan sensō... 2006: 130–131].

Pic. 4. The map showing the key members of the Alliance. The domains highlighted in red later switched sides. Aizu and Shōnai, which were not formally part of the Alliance, are highlighted in orange. The castles of Shiroishi and Shirakawa, the sites of the “Meeting” and the general battle, are highlighted in blue.

The red arrows indicate the main directions of the Kangun advance.

Source: Compiled by the author based on [Zusetsu bakumatsu-boshin-seinan sensō... 2006: 130–131].

9 июня Сэндай и Ёнэдзава официально передали генерал-губернатору документ о том, что они выходят из кампании против Айдзу. Силы Сэндай и Айдзу заняли замок Сираакава, встав на пути *кангун*.

Стоит отметить, что целостность альянса быстро начала рушиться, и на севере вскоре появились «эксклавы» Нового правительства. Союз стремился к расширению связей с Сакура-хан²³, Кага-хан и т.д., но ситуация развивалась обратным образом.

Помимо войны с *кангун* в Сираакава и Этиго, при поддержке сил Сё:най Союзу пришлось вести затяжную, хотя и победоносную кампанию против Акита. Это привело к растяжению сил Союза на несколько участков, что в условиях и так слабой кооперации оказалось фатально.

В Сираакава в ходе двух сражений Союз потерпел сокрушительное поражение во многом потому, что к командованию были допущены не ветераны войны из Айдзу и сёгуната, а родовые самураи из Сэндай и того же Айдзу. Имея большее количество сил, командующий Сайго Таномо (1830–1903) не сумел защитить горные проходы, стянув все силы к замку. В результате 20 июня 1868 г. силы *кангун* окружили и разгромили армию Союза. Попытки отбить замок продлились до августа, но привели только к потерям. Армия *кангун* продолжила движение на север, сжимая удавку на шее Айдзу.

Ситуация в Этиго была интереснее. Почему княжества этой провинции присоединились к войне? В период Эдо она была одной из крупнейших и самых населённых, при этом достаточно удалённой. В 1850–1860-е гг. люди здесь оставались индифферентны к политической активности в остальной части страны

Провинция не была монолитна. В Этиго правили 11 князей. Самой могущественной семьёй был род Сакакибара из Такада-хан (150 000 *коку*) в южной части провинции. Следом шёл влиятельный род севера провинции – Мидзогути из Сибата-хан (100 000). В центральной части стратегическое положение занимала семья Макино из Нагаока-хан (74 000). Прочие княжества были скромными: от 50 000 до 10 000 *коку*. Три крупнейших княжества задавали тон политике всей провинции.

Почему же провинция Этиго стала полем боя? Во-первых, волею судеб Этиго граничила с землями, которые оказывали сопротивление Новому правительству. Сразу к северу, вдоль побережья Японского моря, располагалось княжество Сё:най. К востоку, на обратной стороне горной гряды, находились владения Айдзу-хан, а ещё чуть северней – Ёнэдзава-хан. Проход через Этиго был необходим, чтобы ударить по трём княжествам с тыла. Во-вторых, в провинции Этиго расположился один из торговых портов – Ниигата²⁴. Через торговлю в Ниигата мятежные княжества получали значительную часть военного снаряжения.

7 июня силы *кангун* высадились на побережье Наоэцу (直江津), но кампания в Этиго не окончилась до 26 сентября. Передвижение с юга провинции до севера заняло у сил Нового правительства почти 4 месяца. Потребовалось привлечь до 30 000 солдат, чтобы преодолеть сопротивление не более 5000 человек. Княжества Сё:най, Айдзу и Ёнэдзава прекрасно понимали, что пройти к ним в тыл можно вдоль побережья Японского моря . Поэтому они посыпали свой контингент, чтобы защищать горные проходы из Этиго.

²³ Современная префектура Тиба.

²⁴ Порты, открытые для иностранной торговли согласно соглашениям, заключённым в 1858 г.

Однако *кангун* не могла встретить такое сопротивление без участия крупнейших княжеств региона. Пять доменов региона объявили о своей верности Новому правительству, а 25 июня к Союзу присоединились ещё пять других: Сибата, Мураками, Мурамацу, Миккаки и Курокава – все из северной части Этиго. В течение пары дней присоединилось и Нагаока-хан, сильнейшее княжество центра провинции. Это был первый шаг к войне, так как, несмотря на декларируемые мирные намерения, Союз явно занял враждебную Новому правительству позицию.

В условиях, когда княжества Японии и их правители не демонстрировали особенного желания ввязываться в военные действия, желая лишь, чтобы их собственные земли остались целы, княжества провинции Этиго показали удивительно высокий уровень вовлечённости в конфликт. Действительно, может показаться, что княжества Этиго чем-то отличались от других, однако на деле эта вовлечённость была обусловлена не уникальными чертами местных княжеств, не их чувством долга или политической осведомлённостью, а скорее внешним давлением. Доходность многих из присоединившихся к Союзу княжеств Этиго едва достигала 10 000 *коку*, т.е. они находились на самой нижней планке, чтобы иметь статус княжеств. Соответственно, у них не было ни сил, ни ресурсов для продвижения собственной политической повестки. Вместо этого мы имеем дело с феноменом коалиционного поведения княжеств. Маленькие домены следуют такой же политике, что и их крупные соседи (или главные ветви рода). Когда Сибата-хан вступил в Союз, так же поступили соседние Курокава и Миккаки. Когда Сибата-хан перешёл на сторону *кангун*, эти княжества сделали то же самое. По этому же принципу домены Итоигава и Сияя приняли власть Нового правительства, поскольку подобным образом поступил их сосед Такада²⁵.

По-другому повело себя княжество Нагаока. Этот домен выставил на поле боя 1500 человек – столько же, сколько Такада, имевшее вдвое больше земли. Тогда как княжество Такада потеряло к концу войны 15 % от общего количества участвующих в ней самураев, Нагаока-хан понёс безвозвратные потери почти в 40 % – 583 человека. Можно предположить, что так как Нагаока-хан обладал статусом *фудай*²⁶, то имел и «исторический долг» к сёгунату.

В таком анализе есть изъян. Правящий род Такада также был *фудай*²⁷, ещё ближе к Токугава и крупнее. Едва ли можно считать традиционные связи первостепенной причиной тех или иных действий в этот кризисный период. На стороне Союза выступили Сибата и Мурамацу, оба *тодзама*, без связей с Токугава. В свою очередь, все домены, вставшие на сторону *кангун*, были *фудай*, а Итоигава – ещё и *синпан*²⁸. Как уже неоднократно упоминалось, движение сопротивления 1868–1869 гг. не позиционировалось как платформа для реставрации власти Токугава. Союз отвергал подобные интенции.

Ныне историография сходится на том, что политический курс повернулся в сторону бескомпромиссного сопротивления именно в силу случайности. Как и в случае Сэра Сюдзо:

²⁵ Даже крупные княжества зависели от более крупных соседей. Например, Ёнэдзава-хан угрозами склонил Сибата к присоединению к Союзу. Со стороны *кангун* Такада-хан выбрал для ориентира своего юго-западного соседа – Кага-хан.

²⁶ Род Макино происходил от Мидзuno Тадасигэ (1541–1600), одного из «24-х генералов Токугава Иэясу».

²⁷ Род Сакакибара происходил от одного из «4-х небесных королей» Токугава, Сакакибара Ясумаса (1548–1606).

²⁸ «Родное княжество», управлялось побочными ветвями Токугава.

в Сэндай, Нагаока-хан был спровоцирован. В основе этого подхода лежит анализ конфликта между Каваи Цугуносукэ (1827–1868) из Нагаока и Ивамура Такатоси (Сэйтиро:) из Тоса.

Старший советник Каваи был примечательным человеком, мудрым администратором с визионерским образом мышления. Ивамура же был молодым и пылким офицером *кангун*, успевшим показать свой темперамент во время похода на Эдо. Как и Сэра, Ивамура начётнически следовал духу политики Нового правительства, требуя полного и бескомпромиссного подчинения. Там, где дело можно было решить гибкостью политической позиции, Ивамура предпочитал угрозы. Оба деятеля встретились 21 июня, спустя пару недель после прибытия сил *кангун* в Этиго. Инициатором встречи выступил Каваи. Встреча прошла в храме Дзигэн-дзи (慈眼寺) в г. Одзия, рядом с границей Нагаока.

Переговоры продлились не более 30 минут. Каваи предоставил офицеру *кангун* петицию, прося избавить земли Нагаока от присутствия войск Нового правительства. Аргументировал он это тем, что появление сил *кангун* разделит элиту Нагаока на два лагеря, а также спровоцирует на агрессивные действия войска Айдзу, Кувана, Ёнэдзава и отряды сёгуна. В очередной раз ключевым фактором стало недопущение кровопролития на своих землях.

Ивамура не выказал сочувствия, счтя просьбу Каваи попыткой выиграть время. Он обвинил Нагаока-хана в невыполнении указа императорского посланника, а также в том, что через Нагаока Айдзу и Кувана получают новое вооружение. В гневе Ивамура прервал встречу, что подвигло Каваи объявить властям Нагаока, что *кангун* отвергла петицию, собирается вторгнуться на земли княжества, навредить людям и помешать хозяйству. Следовательно, по логике Каваи, никакой это не императорский посланник, а предатель. Сыграл роль и тон 20-летнего Ивамура в общении с 41-летним Каваи, который был счтён неучтивым.

Далее последовали кровавые бои, шедшие с июля по октябрь 1868 г., которые обернулись для армии Нового правительства большими трудностями и потерей примерно 1000 солдат. Опыт войны в Этиго был столь шокирующим, что будущий маршал и дважды премьер-министр Японии Ямагата Аритомо (1838–1922), командовавший той кампанией, не мог вспоминать об одном из эпизодов войны в Этиго, не опуская голову: в боях погиб его друг детства и заместитель Токияма Наохати (1838–1868).

В итоге войска *кангун* всё равно одержали победу, во многом по причине предательства Сибата-хана. Это позволило провести высадку в тылу, захватить порт Ниигата и замок Нагаока. Провинция Этиго серьёзно пострадала: погибло не менее 1000 человек, сгорело большое количество построек, святынь. Северный союз в итоге также распался под натиском *кангун*. 27 октября сдалось княжество Сэндай, 6 ноября после кровавой осады пал замок Айдзу. Просуществовав порядка 6 месяцев, Союз не сумел продемонстрировать уровень военной организации, который соответствовал бы амбициозным планам его руководителей.

Заключение

Анализируя природу и причины создания Северного союза, необходимо ответить на главный вопрос: справедливо ли называть его просёгунским?

Полагаем, что нет. Во-первых, сёгунат де-юре не существовал с 1867 г., а де-факто административная система была ликвидирована в начале 1868 г. Ёсинобу потерпел поражение и лишился всего. Во-вторых, большая часть Союза состояла из доменов *тодзама*

(20 княжеств). Наиболее крупные княжества: Сэндай (семья Датэ), Ёнэдзава (Уэсуги), Акита (Сатакэ) – имели исторически сложные отношения с Токугава. В-третьих, нельзя полностью сбрасывать со счетов принца Китасиракава-но-мия Ёсихиса, который, возможно, выступал для членов Союза своим императором. Самый главный маркер – это цели Союза, о которых мы говорили ранее. Таким образом, Союз планировал стать полноценным соперником Нового правительства в борьбе за политическое господство.

Существует соблазн упростить картину гражданской войны в Японии, представив противников Нового правительства как монолитную «протокугавскую» силу. Так мы повторяем нарратив победителей в этой войне. Мэйдзийская историография рассматривала войну Босин в русле «злодеев» и «героев», относя к числу первых всех, кто не был согласен с политикой Нового правительства.

Однако руководители Союза не призывали к статус-кво. Союз возник уже тогда, когда сёгунат был мёртв. Тезис о противостоянии Союза реставрации власти императора следует отнести.

Мотив Союза был такой же, как у Нагаока-хан в Этиго – желание сохранить своё положение. Как видно из вышеприведённого анализа, войны с Союзом вполне можно было избежать. Однако требования *кангун* полного подчинения, подозрения со стороны Нового правительства к северным княжествам, а также боязнь доменов региона и бывших вассалов Токугава за своё будущее – всё это подтолкнуло их к сопротивлению. Главной целью на первом этапе было стать посредником в мирных переговорах между *кангун* и Айдзу и избежать кровопролития, иначе проливать кровь пришлось бы именно северным княжествам.

Сэра Сю:дзо и Ивамура Такатоси часто обвиняют в том, что по их вине началась война. Но в действительности их позиция была логична: они лишь следовали политике нулевой толерантности Нового правительства к любой попытке уклониться от указов императора, издаваемых в Киото. В противном случае это создало бы опасный прецедент, помешало бы процессу политической централизации и пустило бы «Реставрацию» по иному, непредсказуемому курсу. Гражданскую войну следовало закончить как можно скорее, но, возможно, будь на месте Сэра или Ивамура более умелый переговорщик, подчинить Север удалось бы меньшей кровью.

Для жителей северной Японии борьба за своё доброе имя, за отказ от риторики о войне «правительства» против «мятежников» остаётся важной и по сей день. Историки Хоси Рё:ити, Ямакава Кэндзиро: и др. многое сделали для пересмотра устоявшихся клише в академической литературе. Борьба за осознание того, что Союз в гражданской войне имел собственную правду и не был «врагом трона», продолжается и по сей день.

Хара Такаси (1856–1921), некогда самурай домена Мориока, в 1918 г. стал премьер-министром. В одной из речей он говорил: «Когда мы смотрим назад, как же мог любой японский подданный ныне или в былые времена натянуть тетиву лука в сторону императора? Период “Реставрации” был лишь конфликтом политических взглядов. В то время была популярна присказка: “Победим – *кангун* (правительственная армия – Д.Р.), проиграем – *дзокугун* (мятежники)”. Она точно описывает ситуацию в 1868 г. Но ныне все подданные разделяют сияние благосклонной милости императора, что очевидно для всех нас. Так что будьте спокойны!» [Oka 1986: 86–87].

Хара активно боролся с «завоевательской» риторикой в оценках войны Босин. Он потребовал убрать знамёна, использованные в ходе усмирения Северо-Востока. Как он

говорил: «Было решено, что сегодня, когда мы все являемся благодарными подданными императора, выражения, обычно используемые для описания иностранных завоеваний, являются неуместными...» [Oka 1986: 85–86].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. Москва: Лингвистика, 2023.

Молодяков В.Э. Непрошедшее прошлое. Очерки политической и интеллектуальной истории Японии XIX–XX веков. Москва: Нестор-История, 2019.

REFERENCES

- Meshcheryakov A.N. (2023). *Imperator Meydzi i yego Yaponiya [Emperor Meiji and His Japan]*. Moscow: Lingvistika. (In Russian).
- Molodyakov V.E. (2019). *Neproshedsheye proshloye. Ocherki politicheskoy i intellektual'noy istorii Yaponii XIX–XX vekov [The Unpast Past: Essays on the Political and Intellectual History of Japan in the 19th and 20th Centuries]*. Moscow: Nestor-Istoriya. (In Russian).
- * * *
- Beasley W.G. (1977). *Modern Japan: Aspects of History, Literature, and Society*. Berkeley: University of California Press.
- Dai Nihon Ishin shiryō kōyō 7 [Summary of the Collection of Historical Materials on the History of the Meiji Restoration, vol. 7]* (1997). Collection of Historiographical Institute of the University of Tokyo. URL: <https://clioimg.hi.u-tokyo.ac.jp/viewer/view/idata/M00/M/20/KE170/0158?m=all&s=0158> (accessed: Aug 30, 2025). (In Japanese). [維新史料綱要 卷 7, 維新史料編纂事務局].
- Fujiwara A. (1911). *Sendai Boshin-shi [The History of Sendai in the Boshin War]*. Sendai: Arai kappan seisōjo. (In Japanese). [藤原相之助. 仙台戊辰史. 荒井活版製造所].
- Fukko-ki 12 [Notes on the Restoration, vol. 12]* (1929–1931). Nagai shoseki. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/1148505/1/215> (accessed: Aug 30, 2025). (In Japanese). [復古記 第12冊. 内外書籍].
- Hoshi R. (1983). *Tonami ni ikita Aizu-han no hitobito [Life of Aizu People in Tonami]*. Tokyo: Rekishi shunjū-sha. (In Japanese). [星亮一. 斗南に生きた会津藩の人々. 歴史春秋社].
- Hoshi R. (1995). *Ōuetsu-reppan-dōmei. Higashi Nihon seifu juritsu no ume [Northern Alliance: The Dream of Establishing an East Japanese Government]*. Tokyo: Chūkōshinsho. (In Japanese). [星亮一. 奥羽越列藩同盟-東日本政府樹立の夢. 錦正社].
- Hoshi R. (2005). *Aizu sensō zenshi [The Complete History of the Aizu War]*. Tokyo: Kōdansha. (In Japanese). [星亮一. 会津戦争全史. 講談社選書].
- Hōya T. (2007). *Boshin sensō. Sensō no Nihon-shi 18 [Boshin War. Military History of Japan, vol. 18]*. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan. (In Japanese). [保谷徹. 戊辰戦争-戦争の日本史 18. 吉川弘文館].
- Iwakura-kō jikki, geka [Authentic Records of Prince Iwakura, vol. 3] (1906). Kōgōgū-shoku. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/781064/1/134> (accessed: Aug 30, 2025). (In Japanese). [岩倉公実記 下巻. 岩倉公旧蹟保存会].
- Iwate-ken shi, dai roku-kan. Kindai-hen 1 [History of Iwate Prefecture, vol. 6. Modern era 1]* (1972). Tokyo: Meicho-shuppan. (In Japanese). [岩手県史 第6巻. 名著出版].
- Jansen M.B. (1961). *Sakamoto Ryōma and the Meiji Restoration*. Princeton: Princeton University Press.
- Kaishū Zenshū dai kyū-kan. Kaishū nikki sonota [Complete Works of Katsu Kaishū, vol. 9. Kaishū's Diary and Others]* (1928). Under redaction of publication society of Complete Works of Katsu Kaishū. Tokyo: Kaizō-sha. (In Japanese). [海舟全集 第9巻. 改造社].

- Kanai M., Murai M. (1976). *Shinpen Monogatari hanshi* 4 [New Edition of the History of the Domains, vol. 4]. Tokyo: Shin jinbutsu ōraisha. (In Japanese). [金井円・村井益男(編). 新編 物語藩史 4. 新人物往来社].
- Kido Takayoshi *kankei bunsho, dai ni-kan* [Documents Related to Kido Takayoshi, vol. 2] (2007). Under redaction of Research group of the Documents Related to Kido Takayoshi. Tokyo: Tōkyō-daigaku shuppan-kai. (In Japanese). [木戸孝允関係文書. 第2巻. 東京大学出版会].
- Kimura S. (2018). *Senkyō-zukai: Boshin Sensō* [Illustrated Warfare: Boshin War]. Tokyo: San`ei-shobo. (In Japanese). [戦況図解-戊辰戦争. 三栄書房].
- Kumano S. (2013). *Kōgen hōshin`nō no Ōuetsu-reppan-dōmei ni okeru yakuwari nit suite* [On Prince Kōgen's Role in Northern Alliance]. *Taishō-daigaku daigakuin kenkyū ronshū* [Collection of research papers by graduate students at Taishō University], 37. (In Japanese). [熊野秀一. 公現法親王の奥羽越列藩同盟における役割について. 大正大学大学院研究論集, 第37号].
- Kuwata T. (1978). *Nihon no gassen, 8. Meiji Ishin* [Japan's Greatest Battles, vol. 8: The Meiji Restoration]. Tokyo: Shin jinbutsu ōraisha. (In Japanese). [桑田忠親. 日本の合戦 8, 明治維新. 新人物往来社].
- Misaki T. (2023). *Bakumatsu-Meiji no senran to gendai* [The Military Upheavals of the Bakumatsu-Meiji Period and the Present day]. Tokyo: Fūeisha. (In Japanese). [みさきたろう. 幕末明治の戦乱と現代. 風詠社].
- Miyagi-ken shi, dai ni-kan. Kinsei-shi* [History of Miyagi Prefecture, vol. 2. Early Modern Period] (1966). Under redaction of the Miyagi Prefectural History Compilation Committee. Sendai: Miyagi-ken shi kankō-kai. (In Japanese). [宮城県史. 第2(近世史). 宮城県史刊行会].
- Nagakura T., Höya T., Hakoishi H. (2018). *Boshin sensō no shinshiten, jou* [A New Look at the Boshin War, vol. 1]. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan. (In Japanese). [奈倉 哲三, 保谷 徹, 箱石 大. 戊辰戦争の新視点 上: 世界・政治. 吉川弘文館].
- Nakamura A. (2019). *Dappan daimyō: Hayashi Tadataka no Boshin sensō. Tokugawa no tame ni kesshishita otoko* [The "Runaway" daimyō Hayashi Tadataka and His Boshin War: The Man Who Rebelled in the Name of Tokugawa]. Tokyo: Wakku. (In Japanese). [中村 彰彦. 脱藩大名・林忠崇の戊辰戦争徳川のために決起した男. ワック].
- Oka Y. (1986). *Five Political Leaders of Modern Japan*. Transl. by Andrew Fraser and Patricia Murray. Tokyo: University of Tokyo Press.
- Sasaki S. (1977). *Boshin sensō. Haisha no Meiji Ishin* [Boshin War: The Meiji Restoration of the Losers]. Tokyo: Chūōkōronshinsha. (In Japanese). [佐々木 克. 戊辰戦争: 敗者の明治維新. 中央公論新社].
- Satow E. M. (1921). *A Diplomat in Japan. The Inner History of the Critical Years in the Evolution of Japan when the Ports Were Opened and the Monarchy Restored*. London: Seeley, Service & Co. Limited.
- Sendai-shi shi 10* [History of Sendai City, vol. 10] (1975). Under redaction of the Sendai City History Compilation Committee. Sendai: Man`yo-dō shoten. (In Japanese). [仙台市史. 第10巻. 万葉堂書店].
- Totman C. (1980). *The Collapse of the Tokugawa Bakufu*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Watanabe I. (1934). *Meiji-shi kenkyū 1* [Historical Research on the Meiji Period, vol. 1]. Tokyo: Rakuro shoin. (In Japanese). [渡辺幾治郎. 明治史研究. 楽浪書院].
- Yamada N. (1978). *Tōhoku-sensō* [War in Tōhoku]. Tokyo: Kyōiku-sha. (In Japanese). [山田 野理夫. 東北戦争. 教育社].
- Zusetsu bakumatsu-boshin-seinan sensō. *Kettei-ha* [Illustrated Album of the Bakumatsu, Boshin, Seinan Wars. Complete Edition] (2006). Rekishigunzō series. Tokyo: Gakken purasu. (In Japanese). [図説・幕末戊辰西南戦争. 歴史群像シリーズ. 学研プラス].

Поступила в редакцию:	15.09.2025	Received:	Sep 15, 2025
Принята к публикации:	08.10.2025	Accepted:	Oct 8, 2025

DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-56-69

Проблема ракетно-ядерного потенциала КНДР в треугольнике Япония – США – РК в 2023–2025 гг.

Домахина Юлия Андреевна¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. В статье проанализирована роль ракетно-ядерного потенциала КНДР как фактора развития сотрудничества между Японией, США и Республикой Корея в сфере безопасности в 2023–2025 гг. Позитивные тенденции по линии Токио – Вашингтон – Сеул наметились в 2022 г., а состоявшийся в 2023 г. саммит в Кэмп-Дэвиде вывел трёхстороннее партнёрство на новый уровень и заложил основы для его трансформации в институционализированный и всеобъемлющий альянс. Образование треугольника Япония – США – РК стороны обосновали необходимостью укрепления стабильности в АТР и противодействия «общим вызовам», в том числе со стороны КНДР. Для сдерживания так называемой северокорейской угрозы союзники выработали ответные меры, включая координацию санкционной политики, расширение взаимодействия в сфере обороны и дипломатических усилий.

Автор исследует результаты политики треугольника по противодействию КНДР в 2023–2025 гг. и рассматривает динамику развития трёхстороннего партнёрства после смены администраций в США и РК.

Автор приходит к выводу, что деятельность Вашингтона и его союзников создаёт риск роста напряжённости в АТР. Несмотря на это, тенденции развития политики треугольника во второй половине 2025 г. сигнализируют о нацеленности сторон на дальнейшее углубление сотрудничества в области безопасности.

Ключевые слова: Северная Корея, США, Республика Корея, Япония, санкции, безопасность, ракетно-ядерная программа, трёхстороннее сотрудничество.

Автор: Домахина Юлия Андреевна, младший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0009-0007-3182-8934. E-mail: domakhina_julia@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2024-0016 «Япония в АТР: политика, безопасность, экономика»).

Для цитирования: Домахина Ю.А. Проблема ракетно-ядерного потенциала КНДР в треугольнике Япония – США – РК в 2023–2025 гг. // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 4. С. 56–69. DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-56-69

DPRK's nuclear missile potential problem in the Japan – USA – ROK triangle in 2023–2025

Domakhina Yulia A.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article analyzes the role of North Korea's nuclear missile potential as a factor in the development of security cooperation between Japan, the US, and the Republic of Korea in 2023–2025. Positive trends along Tokyo–Washington–Seoul axis emerged in 2022, and the 2023 Camp David summit elevated the trilateral partnership to a new level and laid the foundation for its transformation into an institutionalized and comprehensive alliance. The parties justified the formation of the Japan – USA – ROK triangle by the need to strengthen stability in the Asia-Pacific region and counter “common challenges”, including those from the DPRK. To contain the so-called North Korean threat, the allies have developed retaliatory measures, including coordinating sanctions policy and expanding defense and diplomatic cooperation.

The author examines the results of the triangle's policy on countering the DPRK in 2023–2025 and describes the dynamics of the trilateral partnership after the change of administrations in the US and South Korea.

The author concludes that the activities of Washington and its allies create a risk of rising tensions in the Asia-Pacific region. Despite this, the trends in the development of the triangle's policy in the second half of 2025 signal the parties' commitment to further deepening security cooperation.

Keywords: North Korea, the US, South Korea, Japan, sanctions, security, missile-nuclear program, trilateral cooperation.

Author: Domakhina Yulia A., Junior Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0009-0007-3182-8934. E-mail: domakhina_julia@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0016 “Japan in the Asia-Pacific region: politics, security, economy”).

For citation: Domakhina Yu.A. (2025). Problema raketno-yadernogo potentsiala KNDR v treugol'nike Yaponiya–SShA–RK v 2023–2025 gg. [DPRK's nuclear missile potential problem in the Japan – USA – ROK triangle in 2023–2025]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (4): 56–69. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-56-69

Введение

Ситуация на Корейском полуострове уже более двух десятилетий остаётся одним из центров напряжённости в Азиатско-Тихоокеанском регионе. По мнению японских политиков и экспертов, ракетно-ядерная программа КНДР и обусловленная ею военно-политическая обстановка представляют серьёзную угрозу региональной безопасности. Северная Корея открыто провозгласила себя ядерной державой, а темпы развития ракетно-ядерной программы и испытаний баллистических ракет в последние годы подтверждают динамичное наращивание её арсенала. По оценкам SIPRI, в 2025 г. Северная Корея обладает запасом

приблизительно в 50 ядерных боеголовок¹. Эксперты из Федерации американских учёных полагают, что Пхеньян обладает потенциалом увеличить имеющийся арсенал до 130 боеголовок к концу 2020-х гг. [Калинин 2025]. Регулярные запуски всё более усовершенствованных ракет, от межконтинентальных баллистических до гиперзвуковых, демонстрируют рост возможностей Пхеньяна по преодолению противоракетной обороны. В подобных действиях ряд соседних с КНДР стран видит непосредственную угрозу своей национальной безопасности. В частности, японское правительство характеризует ракетно-ядерный потенциал Северной Кореи как «прямую и серьёзную угрозу безопасности Японии». Растущее с каждым годом беспокойство японской администрации относительно модернизации ракетно-ядерной программы Пхеньяна прослеживается в официальных документах. В ежегодном докладе министерства обороны Японии – Белой книге по обороне за 2025 г. – отмечается, что Северная Корея сосредоточена на качественном совершенствовании своего ядерного и ракетного потенциала. Продолжающиеся ракетно-ядерные разработки Пхеньяна уже более двух десятилетий являются предметом озабоченности Токио, однако в последнем издании Белой книги по обороне «угроза», исходящая от КНДР, оценивается «выше, чем когда-либо прежде». Особый акцент сделан на «стремительных темпах» разработки Пхеньяном новых видов вооружений и технологий, в том числе гиперзвуковых ракет и крылатых ракет большой дальности, способных нести ядерные боеголовки. Обеспокоенность у Токио также вызывает проведение КНДР с 2023 г. испытаний твёрдотопливных МБР класса «Хвасон-18» и «Хвасон-19». Подобная деятельность охарактеризована в докладе не только как «непосредственная угроза» национальной безопасности Японии, но и как «серьёзный вызов для всего международного сообщества»².

В Синей книге по дипломатии за 2025 г. ракетно-ядерные разработки КНДР названы «абсолютно неприемлемыми» и представлены как один из главных вызовов «свободному и открытому международному порядку»³.

Подобную позицию относительно модернизации ракетно-ядерной программы Пхеньяна разделяет и Южная Корея, территория которой находится в зоне прямой досягаемости для северокорейских ракет. Смена южнокорейской администрации в 2022 г. повлекла за собой ужесточение курса Сеула в отношении северокорейского соседа: в Белой книге по обороне от 2022 г. ракетно-ядерный потенциал Пхеньяна рассматривается как «серьёзная угроза национальной безопасности», а к правительству КНДР впервые за шесть лет применяется термин «враг»⁴.

Общее восприятие так называемой северокорейской угрозы стало фактором укрепления японо-южнокорейского сотрудничества в военной сфере [Tamaki 2020]. Несмотря на сложные исторические отношения и периодические политические трения,

¹ SIPRI Yearbook 2025. Stockholm International Peace Research Institute. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2025> (accessed: Jun 10, 2025).

² Defense of Japan 2025 (Annual White Paper). Ministry of Defense of Japan. URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/index.html (accessed: Jul 25, 2025).

³ Diplomatic Bluebook 2025. Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100866935.pdf> (accessed: Jul 12, 2025).

⁴ The Yoon Suk Yeol Administration's National Security Strategy. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea, Jun 8, 2023. URL: https://overseas.mofa.go.kr/eng/brd/m_25772/view.do?seq=16&page=1 (accessed: Jun 12, 2025).

необходимость совместного ответа на действия Северной Кореи послужила мощным стимулом для налаживания диалога и координации. Ключевую роль в «примирении» Токио и Сеула сыграл Вашингтон, который на протяжении многих лет выступал посредником в отношениях между своими главными союзниками в АТР. В рамках концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» США стремятся мобилизовать своих единомышленников и расширить сеть военных альянсов в регионе⁵. Это один из ключевых приоритетов американской внешней политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, направленной, в первую очередь, на сдерживание Китая. Несмотря на то, что США не рассматривают ракетно-ядерную программу КНДР в качестве центральной проблемы в АТР, Вашингтон использует северокорейский фактор как основной катализатор для преодоления разногласий между Японией и РК и для наращивания трёхстороннего сотрудничества в области безопасности.

Рост так называемой северокорейской угрозы стал обоснованием для расширения трёхстороннего военного сотрудничества между США, Японией и РК. Уже в сентябре 2022 г., впервые за пять лет, в ответ на серию ракетных испытаний Пхеньяна состоялись трёхсторонние противолодочные учения для отработки навыков противодействия угрозе северокорейских подводных лодок, способных запускать баллистические ракеты. К 2023 г. сложилась почва для укрепления сотрудничества в рамках треугольника Япония – США – РК, а ракетно-ядерная проблема КНДР стимулировала беспрецедентное сближение позиций Вашингтона, Сеула и Токио по вопросам региональной безопасности.

Политика треугольника по противодействию КНДР в 2023–2024 гг.

В период первого президентства Д. Трампа (2016–2020 гг.), придерживающегося скептического подхода к многосторонним институтам, возможности для сближения Токио, Вашингтона и Сеула в трёхстороннем формате были существенно ограничены. В противовес политике Трампа, администрация Дж. Байдена сразу после прихода к власти начала работать над активизацией взаимодействия в треугольнике США – Япония – РК [Истомин 2023]. Новые перспективы для развития сотрудничества открылись и с приходом к власти в РК президента Юн Сок Ёля в 2022 г. В отличие от своего предшественника Мун Чжэ Ина, Юн Сок Ёль объявил приоритетом нового международного курса линию на выстраивание всеобъемлющего глобального альянса с США [Давыдов 2023] и налаживание японо-южнокорейских отношений. При этом новый лидер изменил и подход в отношении КНДР: от поиска межкорейского диалога, характерного для администрации Мун Чжэ Ина [Воронцов 2021], Юн Сок Ёль сделал поворот в сторону конфронтации.

На фоне участившихся ракетных испытаний Пхеньяна (включая пуск новой МБР «Хвасон-18»), три страны в 2023 г. провели ряд совместных военных учений. В конце марта 2023 г. ЦТАК опубликовало фотографии визита Ким Чен Ына в Институт ядерных вооружений КНДР, в ходе которого был продемонстрирован новый тип ядерных боеголовок меньшего размера «Хвасан-31», а глава КНДР сделал заявление о необходимости увеличить производство оружейных материалов для расширения ядерного арсенала. Это событие стало обоснованием для проведения учений военно-морских сил США, Японии и РК после

⁵ Indo-Pacific Strategy of the US. *The White House*, Feb 12, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: Jun 17, 2025).

шестимесячного перерыва. По заявлению сторон, противолодочные учения были организованы с целью повышения способности стран реагировать на угрозы подводной безопасности, создаваемые баллистическими ракетами КНДР⁶. В июле 2023 г. военно-морские силы США, Японии и РК вновь провели совместные учения по противоракетной обороне в международных водах Японского моря. Регуляризация подобных учений свидетельствовала о значительном повышении уровня военного взаимодействия союзников перед лицом так называемой северокорейской угрозы.

Важно отметить, что в 2023 г. трёхстороннее сотрудничество вышло на новый уровень институционализации. 18 августа 2023 г. состоялся исторический саммит лидеров США, Японии и Южной Кореи в Кэмп-Дэвиде, ставший кульминацией дипломатических усилий Вашингтона по сближению союзников⁷ и заложивший основы постоянного формата взаимодействия. По итогам встречи были обнародованы совместные документы «Принципы Кэмп-Дэвида» и «Дух Кэмп-Дэвида», в которых стороны провозгласили приверженность идее «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» и подтвердили неизменность союзнических обязательств. Отдельным пунктом союзники подчеркнули необходимость «полной денуклеаризации КНДР» в соответствии с резолюциями СБ ООН⁸.

Итоги саммита обозначили нацеленность союзников на создание долгосрочной и устойчивой системы сдерживания КНДР. Для противодействия так называемой северокорейской угрозе был разработан следующий комплекс мер: 1) создание платформы регулярных консультаций, позволяющей трём странам оперативно обсуждать и координировать действия на угрозы со стороны КНДР; 2) обязательство проводить регулярные совместные военные учения; 3) активация трёхсторонней системы обмена данными о предупреждении о ракетном нападении КНДР в режиме реального времени, повышающей возможности союзников для обнаружения точки запуска и оценки баллистических ракет Пхеньяна; 4) формирование трёхсторонней рабочей группы для борьбы с «кибератаками со стороны КНДР и уклонением Пхеньяна от санкций с помощью кибертехнологий»; 5) развитие трёхстороннего сотрудничества в области ПРО⁹.

Помимо указанных мер стороны призвали государства-члены ООН «полностью выполнить все соответствующие резолюции Совета Безопасности» для разрешения ракетно-ядерной проблемы КНДР. Тем самым союзники подтвердили нацеленность на дальнейшее ужесточение санкционного режима против Пхеньяна.

В течение года сторонам удалось достичь заметного прогресса в осуществлении Кэмп-Дэвидских инициатив: в 2023–2024 гг. был налажен механизм трёхсторонних консультаций, повесткой которых становились новые ракетные испытания КНДР, проведены серии совместных военных учений вблизи Корейского полуострова, а в декабре 2023 г. союзники

⁶ US, Japan, South Korea conduct joint anti-submarine exercise. *The Diplomat*, Apr 5, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/04/us-japan-south-korea-conduct-joint-anti-submarine-exercise/> (accessed: Jun 19, 2025).

⁷ Депетрис Д. Преодоление одних разногласий, создание других. *Россия в глобальной политике*, 21.08.2023. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sozdanie-drugih-raznoglasij/?ysclid=mfibzcqc60299044193> (дата обращения: 15.07.2025).

⁸ Camp David Principles. *The White House*, Aug 18, 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/camp-david-principles/> (accessed: Jun 17, 2025).

⁹ The Spirit of Camp David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States. *The White House*, Aug 18, 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/the-spirit-of-camp-david-joint-statement-of-japan-the-republic-of-korea-and-the-united-states/> (accessed: Jun 18, 2025).

объявили о полной активации системы обмена данными о ракетных запусках Пхеньяна в режиме реального времени.

Новый этап в укреплении трёхстороннего военного сотрудничества обозначился в ходе ежегодной конференции по безопасности «Диалог Шангри-Ла», проходившей 31 мая – 2 июня 2024 г. в Сингапуре. На полях форума главы оборонных ведомств США, Японии и РК анонсировали запуск трёхсторонних многоступенчатых учений Freedom Edge¹⁰. Отличительной особенностью учений стала их направленность не на простые совместные манёвры, а на отработку интеграции сил трёх стран в разных сферах одновременно. В 2024 г. подобные учения проводились дважды: первый раунд состоялся в конце июня, второй – в ноябре. В ходе манёвров стороны отработали навыки противоракетной, противовоздушной и противолодочной обороны, действия по перехвату противника на море и проведение поисково-спасательных работ, кроме того, впервые в рамках трёхсторонних учений прошли совместные кибертренировки. Активация Freedom Edge свидетельствовала о практической реализации Кэмп-Дэвидских договорённостей и дальнейшем углублении военного сотрудничества между Токио, Вашингтоном и Сеулом.

Своеобразным катализатором и обоснованием необходимости более тесного трёхстороннего взаимодействия для союзников выступил прогресс на российско-северокорейском треке, наметившийся в 2023 г. Сближение Москвы и Пхеньяна и наиболее заметные события на этом направлении (визит министра обороны РФ С. Шойгу в Пхеньян в июле 2023 г., визит Ким Чен Ына в Россию в сентябре 2023 г., подписание российско-северокорейского Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве) незамедлительно встречали критику со стороны Токио, Вашингтона и Сеула. Так, подписание российско-северокорейского Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве стало основной темой на трёхсторонней встрече глав оборонных ведомств Японии, США и РК 28 июля 2024 г. Стороны назвали договор «свидетельством растущих обязательств России и КНДР в области военного и экономического сотрудничества». На этой же встрече союзники подписали Меморандум о сотрудничестве в области безопасности (Trilateral Security Cooperation Framework) и объявили о его вступлении в силу. Данный шаг обозначил продолжение институционализации сотрудничества в рамках треугольника¹¹.

Ряд зарубежных экспертов утверждает, что в условиях «всё более напряжённой обстановки в Индо-Тихоокеанском регионе, вызванной возрастанием ракетно-ядерной угрозы со стороны КНДР и усилением связей между Пхеньяном, Москвой и Пекином», Япония, Южная Корея и США должны проявить инициативу и воспользоваться появившимися возможностями для дальнейшей институционализации и укрепления трёхстороннего сотрудничества [Curtis, Wright, Kelley 2024].

Другие эксперты, в числе которых и представители азиатских стран, уверены: трёхстороннее партнёрство Японии, США и РК укрепляет решимость Пхеньяна продолжать модернизацию своей ракетно-ядерной программы и создаёт дополнительные риски для региональной безопасности [Park, Mochizuki 2024]. При этом российский востоковед

¹⁰ United States-Japan-Republic of Korea Trilateral Ministerial Meeting (TMM) Joint Press Statement. *Ministry of Defense of Japan*, Jun 2, 2024. URL: <https://www.mod.go.jp/en/article/2024/06/37c80018f5ac27f318b28102a4bc23521a3d3294.html> (accessed: Jun 20, 2025).

¹¹ Japan-United States-Republic of Korea Trilateral Ministerial Joint Press Statement. *Ministry of Defense of Japan*, Jul 28, 2024. URL: <https://www.mod.go.jp/en/article/2024/07/ef00b4b68a7e25af2815c384bac42d1024ec6d56.html> (accessed: Jun 22, 2025).

Г.Д. Толорая отмечает, что развитие геополитических отношений между Россией, КНДР и Китаем в некоторой степени стало ответом на формирование и политику треугольника Токио – Вашингтон – Сеул [Толорая 2025].

Глубоко укоренившиеся опасения Пхеньяна относительно падения существующего режима, спровоцированного Вашингтоном, подкрепляются историческим опытом Ирака, Ливии, Сирии, а также недавней атакой США на ядерные объекты Ирана. В этом контексте власти КНДР считают отказ от ядерного оружия равносильным крушению режима, а ракетно-ядерный арсенал рассматривают как надёжную гарантию безопасности. Предъявление нереалистичных требований о полной денуклеаризации КНДР и проведение совместных военных учений вблизи Корейского полуострова встречают резкую критику со стороны Пхеньяна, расценивающего треугольник Япония – США – РК как «азиатскую версию НАТО», а совместные манёвры союзников – как «репетицию возможного вторжения». В связи с этим любое усиление военного сотрудничества между Токио, Вашингтоном и Сеулом неизменно сопровождается ракетными запусками со стороны Пхеньяна в качестве «вынужденной ответной меры» на «агрессивные провокации» США и их азиатских союзников. Кроме того, политика союзников побуждает Пхеньян к более тесному сближению с Москвой и Пекином.

Помимо жёсткой линии, курс треугольника в отношении КНДР предполагает и политику диалога. Вашингтон, Сеул и Токио неоднократно заявляли о готовности к диалогу с Пхеньяном без предварительных условий, однако северокорейская сторона отвергает эти предложения, настаивая на признании своего ядерного статуса, который, по мнению северокорейских властей, не подлежит обсуждению. Дипломатическое взаимодействие США, Южной Кореи и Японии в 2023–2025 гг. было направлено на выработку единой стратегии в отношении КНДР и демонстрацию союзной сплочённости. После провала двусторонних переговоров США и КНДР в 2019 г. (саммиты в Сингапуре и Ханое) и последующего прекращения диалога основной упор был сделан на многостороннюю координацию между союзниками. Шестисторонние переговоры по денуклеаризации Корейского полуострова остаются замороженными из-за непримиримых разногласий и взаимного недоверия сторон [Домахина 2023]. В этих условиях Вашингтон, Токио и Сеул усилили консультации друг с другом, чтобы выступить единым фронтом.

В 2023 г. лидеры Японии и Республики Корея впервые за долгие годы провели двусторонние визиты (премьер-министр Кисида Фумио посетил Сеул, а президент Юн Сок Ёль – Токио), что, безусловно, способствовало частичному снятию напряжённости между двумя странами. Улучшение японо-южнокорейских отношений, во многом обусловленное осознанием общей северокорейской угрозы, позволило эффективнее вырабатывать согласованные дипломатические шаги. По инициативе Сеула и Токио на площадке ООН союзники совместно осудили пуски северокорейских ракет и призвали мировое сообщество к полному и строгому соблюдению санкционного режима.

Дипломатические усилия стран треугольника в 2023–2025 гг. были направлены не только на взаимодействие с самим Пхеньяном (который отказывается от идеи переговоров по ракетно-ядерной проблеме), сколько на углубление координации между союзниками и выработку единой стратегии сдерживания и диалога. Дипломатия трёх стран дополнила военные меры и санкционное давление, укрепив политическую основу совместного противостояния северокорейскому вызову.

18 августа 2024 г. президент РК Юн Сок Ёль, президент США Джо Байден и премьер-министр Японии Кисида Фумио выступили с совместным заявлением по случаю годовщины саммита в Кэмп-Дэвиде, в котором высоко оценили достижения трёхстороннего сотрудничества и обязались его поддерживать, несмотря на грядущую смену власти в Японии и США¹².

Деятельность треугольника Япония – США – РК в 2025 г.

Приход к власти в Японии нового премьер-министра Исиба Сигэру в октябре 2024 г. не оказал значительного влияния на деятельность треугольника. Напротив, новый глава в своём внешнеполитическом курсе сделал акцент на возросших проблемах безопасности и продолжил политику своего предшественника, в том числе по вопросам, касающимся взаимодействия с союзниками. 15 ноября 2024 г. Исиба Сигэру, Юн Сок Ёль и Джо Байден провели встречу в рамках саммита АТЭС в Лиме, в ходе которой анонсировали создание трёхстороннего секретариата, который, по мнению сторон, приведёт в дальнейшем к институционализации механизма трёхсторонних консультаций. Ещё действующий американский президент назвал треугольник «важной частью своего наследия» и выразил надежду, что сотрудничество США, Японии и РК будет продолжительным¹³.

Опасения в Японии и РК по поводу прихода к власти в США администрации Дональда Трампа вытекали из опыта первого президентского срока лидера, внешняя политика которого кардинально отличалась от курса Байдена. В сознании японской и южнокорейской элиты маячило множество «опасностей»: пренебрежительный подход американского лидера к многосторонним форматам и материальный интерес в отношениях с союзниками. Трамп не раз упрекал союзников в « злоупотреблении связями с Вашингтоном» и требовал многократно увеличить военные расходы на содержание американского военного контингента, проявлял непредсказуемость во внешней политике и склонность к односторонним действиям (двусторонние саммиты с северокорейским лидером Ким Чен Ыном в 2018–2019 гг.).

Подобную озабоченность разделяли и зарубежные аналитики, которые отмечали, что Дональд Трамп рассматривает альянсы с союзниками в качестве «инструментов, служащих интересам США» и отдаёт приоритет стратегии «Америка превыше всего», а не обеспечению безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Кроме того, по мнению экспертов, роль Трампа в качестве посредника между Токио и Сеулом представляется маловероятной, что приведёт к трещинам в трёхстороннем сотрудничестве¹⁴.

Несмотря на негативные прогнозы, администрация Трампа сохранила курс на развитие сотрудничества с Японией и РК в области безопасности. Это стало заметно на первой встрече Д. Трампа и С. Исиба в феврале 2025 г., в ходе которой лидеры выразили приверженность

¹² Лидеры США, Японии и Южной Кореи заявили о прогрессе в сотрудничестве. *РИА Новости*, 18.08.2024. URL: <https://ria.ru/20240818/lidery-1966837139.html?ysclid=mffsbxhhwy710170196> (дата обращения: 27.06.2025).

¹³ Biden meets South Korea, Japan leaders for pre-Trump huddle on risk. *Reuters*, Nov 16, 2024. URL: <https://www.reuters.com/world/biden-meet-south-korea-japan-leaders-pre-trump-huddle-risk-2024-11-15/> (accessed: Jun 29, 2025).

¹⁴ Cavarape C. Asian allies on edge: Japan and South Korea brace for uncertainty in Trump's second term. *The Diplomat*, Mar 11, 2025. URL: <https://thediplomat.com/2025/03/asian-allies-on-edge-japan-and-south-korea-brace-for-uncertainty-in-trumps-second-term/> (accessed: Jul 21, 2025).

«свободному и открытому Индо-Тихоокеанскому региону»¹⁵ и обозначили намерение «разивать многослойное и согласованное сотрудничество между странами-единомышленниками»¹⁶, в том числе в рамках треугольника США – Япония – Республика Корея. В первой половине 2025 г. союзники провели трёхсторонние военно-воздушные учения и две встречи на высшем уровне (в феврале и апреле) с участием глав внешнеполитических ведомств, основной повесткой которых была так называемая северокорейская угроза.

Тень сомнения относительно прочности треугольника накладывал и разразившийся в декабре 2024 г. внутриполитический кризис в Южной Корее. В апреле 2025 г. Конституционный суд РК утвердил импичмент бывшего президента Юн Сок Ёля, продвигавшего курс на налаживание отношений с Токио и углубление трёхстороннего сотрудничества с США. В июне 2025 г. по результатам внеочередных выборов новым южнокорейским лидером стал глава оппозиционной Демократической партии Ли Чжэ Мён. Ещё до вступления в должность он подвергал критике совместные военные учения США и их союзников, а после победы на выборах заявил о намерении установить диалог с КНДР и выстраивать прагматичные отношения с соседними странами. Однако после победы Ли Чжэ Мён подчеркнул необходимость поддерживать союз с США, а отношения с Токио охарактеризовал как «важное направление сотрудничества», особенно в рамках трёхстороннего формата¹⁷.

Победа Ли Чжэ Мёна была воспринята в Токио с осторожностью. Некоторые представители правительства Японии высказывали мнение, что позиция южнокорейского руководства может привести к новым трениям в отношениях Токио и Сеула, в связи с чем представляется вполне возможным сценарий выхода РК из трёхстороннего альянса. Выборы в РК широко освещались японскими СМИ, которые уделяли большое внимание перспективам японо-южнокорейских отношений после вступления Ли в должность. Так, журналист газеты Sankei Shimbun Рурико Кубота отмечала, что в избранном лидере РК «глубоко укоренились антияпонские настроения», а потому напряжённость в отношениях с Токио может вновь обостриться на фоне давних споров¹⁸. Агентство Kyodo сообщало, что, хотя Ли «демонстрирует готовность к сотрудничеству, его администрация занимает жёсткую позицию по отношению к Японии, что затрудняет прогнозирование развития двусторонних отношений»¹⁹. В свою очередь, Исиба Сигэру в своём поздравлении призвал Ли Чжэ Мёна к укреплению японо-южнокорейских отношений, подчеркнув, что их страны сталкиваются с общими проблемами, в том числе в области безопасности, и заявил о необходимости провести двусторонний саммит «как можно скорее»²⁰.

¹⁵ United States-Japan Joint Leaders' Statement. *The White House*, Feb 7, 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/2025/02/united-states-japan-joint-leaders-statement/> (accessed: Jul 3, 2025).

¹⁶ Терехов В. Визит премьер-министра Японии в США. *Новое Восточное Обозрение*, 20.02.2025. URL: <https://journal-neo.su/ru/2025/02/20/vizit-premer-ministra-yaponii-v-ssha/> (дата обращения: 08.10.2025).

¹⁷ Ishiba agrees to strengthen ties with South Korea's Lee in call. *The Japan Times*, Jun 10, 2025. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2025/06/10/japan/politics/japan-south-korea-leaders-phone-talks/> (accessed: Jul 7, 2025).

¹⁸ Why the rise of Lee Jae-myung is unnerving Tokyo and Washington. *Japan Forward*, Apr 25, 2025. URL: <https://japan-forward.com/why-the-rise-of-lee-jae-myung-is-unnerving-tokyo-and-washington/> (accessed: Jul 25, 2025).

¹⁹ Japan media reports Lee Jae-myung's election and warns of tough bilateral relations. *Chosunbiz*, Jun 4, 2025. URL: <https://biz.chosun.com/en/en-policy/2025/06/04/NJCJRAGP6RHNFXC3OBKMQFN5Y/> (accessed: Jul 27, 2025).

²⁰ Премьер Японии хотел бы как можно скорее встретиться с новым президентом Южной Кореи. *TACC*, 04.06.25. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24129623?ysclid=mfd32xfegn983477746> (дата обращения: 17.06.2025).

Спустя несколько месяцев после победы Ли Чжэ Мёна на президентских выборах стало очевидно, что негативные прогнозы относительно японо-южнокорейских отношений не оправдались – напротив, обозначились черты их дальнейшего укрепления. Примечательным стал тот факт, что Ли Чжэ Мён в качестве своей первой зарубежной поездки после вступления в должность предпочёл Японию Соединённым Штатам. Этот беспрецедентный шаг был охарактеризован экспертами как разрыв с прошлыми традициями (до этого момента южнокорейские лидеры отдавали приоритет визитам в США) и сигнал о намерении Сеула пересмотреть отношения с Токио для подготовки почвы перед предстоящими переговорами с Дональдом Трампом²¹. Дело в том, что и Япония, и РК сталкиваются с рядом пересекающихся проблем при администрации Трампа: обе страны находятся под давлением из-за необходимости значительно увеличить расходы на оборону и поддержку военного присутствия США в регионе и справиться с высокими таможенными пошлинами, введёнными Вашингтоном на японский и южнокорейский импорт. Оба лидера выразили оптимизм по поводу более тесных связей, при этом Ли назвал Японию «незаменимым партнёром» для экономического роста. В этой связи решение Ли Чжэ Мёна представляется стратегическим ходом, позволяющим скоординировать действия с Токио в отношении нынешней американской администрации.

С другой стороны, выбор южнокорейским лидером Японии в качестве отправной точки свидетельствует о том, что страны продолжают разделять озабоченность по поводу источников региональной нестабильности и схожего географического и geopolитического положения²². В ходе саммита стороны договорились укреплять связи в условиях «сложной стратегической обстановки в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе», сделав акцент на развивающемся ракетно-ядерном потенциале КНДР. Ответ на так называемую северокорейскую угрозу Токио и Сеул условились вырабатывать в рамках сотрудничества с международным сообществом для «соблюдения санкционного режима» и скоординированных действий РК, Японии и США²³. Несмотря на предвыборную риторику Ли Чжэ Мёна, состоявшийся саммит продемонстрировал, что курс нового лидера в отношении КНДР едва ли будет значительно отличаться от политики его предшественника.

Представляется важным отметить схожее восприятие так называемой северокорейской угрозы в японских и южнокорейских общественных кругах. В июне 2025 г. южнокорейская газета Dong-A Ilbo и японская Asahi Shimbun провели совместный опрос общественного мнения, приуроченный к 60-летней годовщине нормализации отношений между Японией и РК. Согласно данным опроса, 82 % японских респондентов заявили, что они «очень» или «в некоторой степени» обеспокоены ракетно-ядерной программой КНДР, а в Южной Корее процент обеспокоенности по этому вопросу достиг 52 %. Идея укрепления сотрудничества в области обороны получила поддержку большинства в обеих странах: 56 % в Японии и 60 %

²¹ Sneider D. President Lee Jae Myung's strategic decision to stop in Tokyo before Washington. *The Korea Economic Institute of America*, Aug 19, 2025. URL: <https://keia.org/the-peninsula/president-lee-jae-myungs-strategic-decision-to-stop-in-tokyo-before-washington/> (accessed: Sep 25, 2025).

²² Glosserman B. Japan–South Korea diplomatic breakthrough remains fragile despite promises. *East Asia Forum*, Sep 1, 2025. URL: <https://eastasiaforum.org/2025/09/01/japan-south-korea-diplomatic-breakthrough-remains-fragile-despite-promises/> (accessed: Sep 2, 2025).

²³ At meeting rich in symbolism, Ishiba and South Korea's Lee agree to steadily build ties. *The Japan Times*, Aug 24, 2025. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2025/08/24/japan/politics/south-korea-japan-ishiba-lee-summit/> (accessed: Aug 26, 2025).

в Южной Корее высказались «за». В отдельном вопросе, заданном только респондентам в РК, 58 % опрошенных заявили, что сотрудничество в области обороны с Японией следует укреплять на фоне растущих связей между КНДР, Китаем и Россией²⁴. Данные опроса свидетельствуют о том, что опасения по поводу развития Пхеньяном ракетно-ядерной программы остаются высокими в обеих странах, а общественное мнение, несмотря на существующие разногласия, считает укрепление двусторонних связей необходимым стратегическим выбором²⁵.

Во второй половине 2025 г., после длительного перерыва, связанного с нестабильной политической ситуацией в Южной Корее, заметно активизировались трёхсторонние военные учения. 18 июня Япония, США и РК провели совместные военно-воздушные манёвры к югу от острова Чеджудо «в рамках усилий по углублению трёхстороннего сотрудничества в области безопасности для противодействия так называемой северокорейской угрозе». Целью учений, по заявлению сторон, стало «укрепление сотрудничества Южной Кореи, США и Японии в области безопасности для сдерживания растущих ядерных и ракетных угроз со стороны Северной Кореи и поддержание мира и стабильности на Корейском полуострове и в регионе». В июле BBC США, Японии и РК вновь провели совместные военно-воздушные манёвры. В них были задействованы американский стратегический бомбардировщик B-52H, южнокорейские истребители KF-16 и японские истребители F-2, а целью учений было объявлено «расширение возможностей союзников по реагированию и сдерживанию северокорейской ракетно-ядерной угрозы»²⁶. Кроме того, впервые с ноября 2024 г. Токио, Вашингтон и Сеул провели третий раунд многодневных учений Freedom Edge. Пятидневные манёвры стартовали 15 сентября 2025 г. в международных водах к востоку и югу от острова Чеджудо и охватили целый ряд областей, включая противовоздушную и противолодочную оборону, борьбу с пиратством и киберучения. В Министерстве обороны РК отметили, что учения направлены на «укрепление совместных оперативных возможностей стран на море, в воздухе и киберпространстве и необходимы для противодействия усиливающимся ядерным и ракетным угрозам со стороны Пхеньяна»²⁷.

Как представляется, в ближайшей перспективе союзники продолжат продвигать жёсткую линию в отношении Пхеньяна, однако будущее треугольника будет зависеть от готовности правительства Японии и РК поддерживать возобновлённое сотрудничество, а также от политического курса администрации Трампа.

Заключение

В 2023–2025 гг. фактор КНДР стал одним из центральных драйверов сотрудничества США, Республики Корея и Японии в сфере безопасности. Токио и Сеул сумели снизить

²⁴ Poll: Japan favors security over economy in S. Korean ties. *The Asahi Shimbun*, Jun 23, 2025. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15859698> (accessed: Jun 29, 2025).

²⁵ Kim T. New South Korean President Lee Jae-myung and Japan. *Centre for Security, Diplomacy and Strategy, Brussels School of Governance*, Jun 6, 2025. URL: <https://csds.vub.be/publication/new-south-korean-president-lee-jae-myung-and-japan/> (accessed: Jul 30, 2025).

²⁶ Асмолов К. Президент новый, действия старые. *Новое Восточное Обозрение*, 14.08.2025. URL: <https://journal-neo.su/ru/2025/08/14/prezident-novyj-dejstviya-starye/> (дата обращения: 21.08.2025).

²⁷ US, South Korea and Japan open joint air and naval exercise. *AP News*, Sep 15, 2025. URL: <https://apnews.com/article/south-korea-us-japan-freedom-edge-drills-6577be92c68446e02c10e67211db1aff> (accessed: Nov 24, 2025).

уровень напряжённости в двусторонних отношениях на фоне ускоренного развития ракетной-ядерной программы Пхеньяна и, благодаря дипломатическим усилиям Вашингтона, консолидироваться перед лицом так называемой северокорейской угрозы. Фактор ракетно-ядерного потенциала КНДР выступил стимулом для институционализации трёхстороннего партнёрства: были заложены новые механизмы оборонного взаимодействия (совместные военные учения, обмен информацией, механизм консультаций), подтверждена единая позиция по санкциям и дипломатическим целям. Конечно, кооперация союзников имеет более широкий контекст сдерживания Китая, однако официально именно угроза со стороны КНДР остаётся главным обоснованием укрепления треугольника.

Можно констатировать, что к середине 2025 г. сотрудничество США – Япония – РК вышло на качественно новый уровень, во многом благодаря северокорейскому фактору. Взаимодействие треугольника приобрело всё более выраженные черты трёхстороннего военного союза, нацеленного не только на противодействие так называемой северокорейской угрозе, но и на сдерживание Китая и России. При этом в 2025 г. на повестку дня встал вопрос устойчивости этого партнёрства перед лицом внутренних политических изменений в странах-участницах. Вопреки негативным прогнозам, после смены администраций в США и РК стратегическое взаимодействие Токио, Вашингтона и Сеула не претерпело значительных изменений. Напротив, во второй половине 2025 г. заметно участились совместные военные учения и встречи на высшем уровне. Это отражает стремление союзников, несмотря на наличие трений в отношениях, сохранять курс на углубление трёхстороннего взаимодействия в области безопасности.

Представляется необходимым поставить под сомнение эффективность политики треугольника в качестве инструмента разрешения ракетно-ядерной проблемы. Санкционный трек остаётся важным элементом сотрудничества Японии, США и РК по северокорейскому вопросу, однако, несмотря на жёсткий санкционный режим, добиться изменения курса КНДР так и не удалось. Пхеньян сумел адаптироваться к длительному внешнему давлению и продолжил развитие ракетно-ядерной программы, а также законодательно закрепил статус ядерного государства.

Политика «давления» проявляется и в наращивании военной активности союзников в районе Корейского полуострова. Пхеньян видит в совместных военных манёврах подтверждение враждебных намерений треугольника и продолжает наращивать ракетно-ядерный потенциал – в свою очередь, союзники вырабатывают новый «ответ». Таким образом, политика треугольника в отношении КНДР приобретает циклический характер: усиление санкций и совместных военных учений Вашингтона и союзников – ракетные испытания Пхеньяна – усиление санкций и проведение новых учений – новые ракетные запуски и дальнейшее наращивание ракетно-ядерного потенциала. Сложившаяся ситуация не только не способствует разрешению ракетно-ядерной проблемы, но и создаёт риски дальнейшей эскалации напряжённости на Корейском полуострове, которая в теории может привести к гонке вооружений или военному столкновению.

«Диалоговая» линия треугольника Япония – США – РК в отношении КНДР также безрезультативна. Несмотря на то, что союзники подчёркивают приверженность «диалогу без предварительных условий», северокорейские власти уже неоднократно давали понять, что вопрос обладания ракетно-ядерным потенциалом в качестве главной гарантии безопасности режима не подлежит обсуждению. По сути, сегодняшний диалоговый подход

треугольника сводится к углублению дипломатических контактов между союзниками и поддержанию совместного политического курса в отношении так называемой северокорейской угрозы.

Несмотря на внутриполитические изменения, произошедшие в странах треугольника в 2025 г., союзники не отошли от прежнего курса в отношении КНДР, сохранив нацеленность на дальнейшее сдерживание Пхеньяна и углубление трёхстороннего военного взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Воронцов А.В. Что будет на Корейском полуострове в ближайшее десятилетие? // Международная жизнь. 2021. № 1. С. 122–132.
- Давыдов О.В. Внешнеполитическая стратегия администрации Юн Сок Ёля и американо-южнокорейский альянс // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 1. С. 68–79. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-1-68-79
- Домахина Ю.А. КНДР как фактор национальной безопасности Японии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 4. С. 6–21. DOI 10.24412/2686-7702-2023-4-6-21
- Истомин И.А. Вашингтон–Сеул–Токио в доктрине Байдена // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 208–212. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-208-212
- Калинин Р.Р. Ядерная проблема Корейского полуострова при Дональде Трампе: перспективы и вызовы 2025–2029 // Международная жизнь. 2025. № 4 (22). С. 40–49.
- Толорая Г.Д. Геополитические треугольники в «поясе соседства» в Восточной Азии: вызовы для России // Мир перемен. 2025. № 2. С. 85–110. DOI: 10.51905/2073-3038_2025_2_85

REFERENCES

- Davydov O.V. (2023). Vneshnepoliticheskaya strategiya administratsii Yun Sok Yelya i amerikano-yuzhnokoreyskiy al'yans [Yoon Suk-Yeol administration's foreign policy strategy and the U.S.–ROK alliance]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], 1 (67): 68–79. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-1-68-79
- Domakhina Yu.A. (2023). KNDR kak faktor natsional'noy bezopasnosti Yaponii [DPRK as a factor of Japan's national security]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4: 6–21. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2023-4-6-21
- Istomin I.A. (2023). Vashington–Seul–Tokio v doktrine Baydena [Washington–Seoul–Tokyo in the Biden doctrine]. *Rossiya v global'noy politike* [Russia in Global Affairs], 3 (21): 208–212. (In Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-208-212
- Kalinin R.R. (2025). Yadernaya problema Koreyskogo poluostrova pri Donal'de Trampe: perspektivy i vyzovy 2025–2029 [The nuclear issue of the Korean Peninsula under Donald Trump: prospects and challenges 2025–2029]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs], 4 (22): 40–49. (In Russian).
- Toloraya G.D. (2025). Geopoliticheskiye treugol'niki v «poyase sosedstva» v Vostochnoy Azii: vyzovy dlya Rossii [Geopolitical triangles in the «Neighborhood Belt» in East Asia: challenges for Russia]. *Mir peremen* [The World of Transformations], 2: 85–110. (In Russian). DOI: 10.51905/2073-3038_2025_2_85
- Vorontsov A.V. (2021). Chto budet na Koreyskom poluostrove v blizhaysheye desyatiliyi? [What will happen on the Korean peninsula in the next decade?]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs], 1: 122–132. (In Russian).

* * *

- Curtis L., Wright E., Kelley H. (2024). Forging a new era of U.S.–Japan–South Korea trilateral cooperation. *Center for a New American Security*. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/forging-a-new-era-of-u-s-japan-south-korea-trilateral-cooperation> (accessed: Jul 15, 2025).
- Park J., Mochizuki M. (2024). The U.S.–Japan–South Korea trilateral partnership: pursuing regional stability and avoiding military escalation. *Quincy Brief*, 54: 1–33. URL: <https://quincyinst.org/research/the-u-s-japan-south-korea-trilateral-partnership-pursuing-regional-stability-and-avoiding-military-escalation/#> (accessed: Jul 12, 2025).
- Tamaki T. (2020). It takes two to Tango: the difficult Japan–South Korea relations as clash of realities. *Japanese Journal of Political Science*, 21 (1): 1–18. DOI: 10.1017/S1468109919000161

Поступила в редакцию:

17.09.2025

Received:

Sep 17, 2025

Принята к публикации:

06.10.2025

Accepted:

Okt 6, 2025

DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-70-85

Проблемы исторического наследия японского колониального правления на современном Тайване

Перминова Вера Александровна^{1,2}

¹ Институт востоковедения РАН, ² МГИМО (У) МИД России

Аннотация. Проблемы исторического прошлого, связанные с военной экспансиеей Японской империи в Азии в конце XIX – первой половине XX вв., до сих пор отрицательно сказываются на развитии отношений между Японией и её бывшими колониями, а также странами, подвергшимися оккупации в годы Второй мировой войны. Вместе с тем жители Тайваня, находившиеся под контролем японских властей дольше всего (1895–1945 гг.), не сохранили в своей памяти резко негативного образа «японских оккупантов», характерного для народов других стран, также находившихся в прямой зависимости от Японской империи.

Статья посвящена изучению подходов к оценке японского колониального правления на современном Тайване, роли образовательной и просветительской политики властей в формировании исторической памяти у жителей острова. На примере содержания учебников истории, экспозиций исторических музеев и мемориалов в работе прослеживается связь между трактовками различных периодов тайваньской истории (японским периодом и правлением Гоминьдана), изучено их влияние на восприятие современной Японии в тайваньском обществе.

Ключевые слова: Тайвань, Япония, вопросы исторического прошлого, колониальное правление, исторические музеи, учебники по истории.

Автор: Перминова Вера Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12); участник научного коллектива проекта «Нarrативы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии», МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, 76). ORCID: 0000-0002-6626-7395. E-mail: verger177@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 23-18-00109 «Нarrативы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии»).

Для цитирования: Перминова В.А. Проблемы исторического наследия японского колониального правления на современном Тайване // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 4. С. 70–85. DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-70-85

The problems of historical legacy of Japanese colonial rule in contemporary Taiwan

Perminova Vera A.^{1,2}

¹ Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, ² MGIMO University

Abstract. The problems of the historical past associated with the military expansion of the Japanese Empire in Asia in the late 19th and first half of the 20th centuries still have a negative impact on the relations between Japan and its former colonies, as well as countries occupied during World War II. At the same time, the residents of Taiwan, who were under Japanese control for the longest period (1895–1945), have not retained in their memory the sharply negative image of the “Japanese occupiers” specific for other countries that were also directly dependent on the Japanese Empire.

The article examines approaches to assessing Japanese colonial rule in contemporary Taiwan, the role of the educational and enlightenment policies of the authorities in the formation of historical memory among the island's residents. Using the content of history textbooks, exhibitions at historical museums and memorials as an example, the work traces the connection between the interpretations of different periods of Taiwanese history (the Japanese period and the rule of the Kuomintang) and studies their influence on the perception of modern Japan in Taiwanese society.

Keywords: Taiwan, Japan, problems of historical past, colonial rule, history museums, history textbooks.

Author: Perminova Vera A., PhD (History), Researcher, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation); member of the research team of the project “Narratives of “historical grievances” in official discourse and state policy of the Northeast Asian countries”, MGIMO University (address: 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-6626-7395. E-mail: verger177@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. This research was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 23-18-00109 “Narratives of “historical grievances” in official discourse and state policy of the Northeast Asian countries”).

For citation: Perminova V.A. (2025). Problemy istoricheskogo naslediya yaponskogo kolonial'nogo pravleniya na sovremenном Tayvane [The problems of historical legacy of Japanese colonial rule in contemporary Taiwan]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (4): 70–85. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-70-85

Введение

Современный Тайвань последние несколько десятилетий активно развивает отношения с ближайшими регионами и странами, в числе которых важное место занимает Япония. С учётом сложившегося баланса сил в АТР и непростых отношений между берегами Тайваньского пролива, для Тайбэя связи с Токио всегда являлись крайне важными, если не сказать жизненно необходимыми. По этой причине власти Тайваня (Китайской Республики – КР) независимо от их партийной принадлежности традиционно стремятся поддерживать с этой страной тесные контакты и по возможности не обострять отношения. Стремление «сгладить острые углы» с тем, чтобы сохранить в лице Японии важного торгового партнёра и инвестора в полной мере характерно для Демократической прогрессивной партии (ДПП), находящейся у власти в настоящее время.

Одним из «острых углов» во взаимоотношениях Токио и Тайбэя остаются вопросы исторического прошлого – проблема трактовки японского колониального периода (1895–1945 гг.) и военной агрессии Японии в середине XX века. Эти вопросы хотя и не являются первоочерёдными в современной повестке двусторонних отношений, но неразрывно связаны с самыми насущными проблемами внутренней и внешней политики КР и играют важную роль в формировании такого феномена, как «тайваньская идентичность». При этом степень, в которой проявляется у жителей острова «тайванецентрическая» (некитайская) самоидентичность, также оказывается на оценке тайваньцами своего прошлого, на восприятии современной Японии, материкового Китая и перспектив выстраивания отношений между двумя берегами Тайваньского пролива. Иными словами, трактовка событий прошлого тесно связана с вопросом самоидентификации жителей острова и перспективами развития общества и государства на Тайване.

На протяжении последнего десятилетия, когда должности президентов КР занимают представители демократической партии (с 2016 г. – Цай Инвэнь 蔡英文, с 2024 г. – Лай Цинда 賴清德), концепция «тайваньской идентичности» занимает важное место в общем курсе на демократизацию и диверсификацию торгово-экономических связей Тайваня. Политика «декитаизации» 去中國化, начатая ещё при президенте Чэнь Шуйбяне 陳水扁 (2000–2008 гг.), так же как и раньше, ориентирована не только на ослабление зависимости от КНР, но и на популяризацию идеи о том, что тайваньское общество является мультикультурным и существенно отличается от китайского общества на материке. Проявлением такой политики стал пересмотр школьных программ по историческим дисциплинам, а также акцент на модернизаторской и просветительской роли японского колониального правления, которое нередко противопоставляется авторитарному правлению Гоминьдана в первые годы после окончания Второй мировой войны.

Проблеме исторического наследия и формированию на Тайване коллективной памяти о японском периоде посвящён ряд работ отечественных и зарубежных учёных. Все они связывают рост популярности идеи «тайваньской идентичности» и мультикультурализма тайваньского общества с начавшимся в 1990-е гг. процессом переосмысливания местной истории и роли Тайваня в АТР [Дикарев, Лукин 2021; Каимова 2020; Перминова 2021; Перминова 2022 (а); Не 2014; Huang 2003; Vickers 2007], что, в свою очередь, было напрямую обусловлено политическими интересами и амбициями КР, вставшей на путь демократического развития [Tu 1996; Lai 1997; Yau, Wong 2013; Peng 2004; Schneider 2005; Michelson 1998; Craig 2022]¹. В период президентства Ли Дэнхуэя 李登輝 (1988–2000 гг.) культуру Тайваня стали определять как мультиэтническую, поэтому большое внимание уделялось сохранению традиций и языка национальных меньшинств – коренных жителей острова малайского происхождения, обычно проживающих в горной местности. Такой «регионализм» (本土化/本地化) в культурно-языковой среде Тайваня стал в то время популярной идеей, поскольку он подтверждал уникальность острова – разнообразие этнического состава и традиций его жителей [Suzuki 2011: 236–237]. А элементы японской культуры и новая система ценностей, которые были привнесены на Тайвань в период его

¹ Vickers E. (2014). China–Taiwan history: no textbook answers. *East Asia Forum Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific*. URL: <https://eastasiaforum.org/2014/03/21/china-taiwan-history-no-textbook-answers/> (accessed: 15.07.2025).

колониального освоения в первой половине XX в., стали ещё одним аргументом, подтверждающим специфику острова и особую, некитайскую, самоидентичность местных жителей [Tu 1996; Lai 1997; Yau, Wong 2013; Chang 2014; Schneider 2005; Vickers 2010; Refracted Modernity... 2007]. Пересмотр оценки японского периода тайваньской истории стал одним из ключевых факторов, сформировавших современную политическую идентичность КР и до сих пор влияющих на перспективы выстраивания отношений Тайбэя с материковым Китаем, Японией, а также другими регионами и странами АТР.

В политике тайваньских властей, направленной на формирование у жителей острова определённой коллективной памяти о событиях прошлого, многие западные учёные прослеживают чёткую связь между трактовками периодов японского колониального правления, периодом действия Декрета о чрезвычайном положении на Тайване (правлением Гоминьдана в 1949–1987 гг.) и популяризацией идеи «тайваньской идентичности» [Morris et al. 2013; Vickers 2007; Peng 2004]. В период нахождения у власти представителей демократических сил (называемой «зелёной» коалицией²) внимание обычно сосредоточено на модернизации острова во время японского правления, «белом терроре»³ китайских властей в послевоенное время, отказе от «прокитайского» понимания местной истории и выходе на передний план идеи мультикультурализма и мультиэтничности тайваньского общества. В годы президентства представителей «синей» коалиции⁴ характерны иные трактовки событий прошлого – фокус внимания смещается к выявлению негативных сторон японского присутствия на Тайване (угнетении и дискриминации местных жителей), подчёркивается особая роль материковой культуры и истории в формировании современного Тайваня, приглушаются «травматичные» для местных жителей эпизоды правления Гоминьдана (в частности, подробности инцидента 28 февраля 1947 г.⁵). Отдельным аспектом указанной проблемы можно считать связь между трактовками событий тайваньской истории и стремлением Тайваня к приобретению статуса самостоятельного субъекта международных отношений и его фактической независимости от материкового Китая. Именно этому вопросу уделяют особое внимание китайские учёные [Liu 2017; Chen 2022; Tian 2016; Li 2008].

Статья посвящена изучению подходов к оценке японского колониального правления на современном Тайване, роли образовательной и просветительской политики властей в формировании исторической памяти у жителей острова. На примере содержания учебников истории, экспозиций исторических музеев и мемориалов в работе прослеживается связь между трактовками различных периодов тайваньской истории (японским периодом и правлением Гоминьдана), изучено их влияние на восприятие современной Японии в тайваньском обществе.

² «Зелёная» коалиция 绿营 – группа политических партий на Тайване во главе с Демократической прогрессивной партией (ДПП), выступающая за независимость острова.

³ «Белый террор» 白色恐怖 – преследование политической оппозиции на Тайване в период авторитарного правления Гоминьдана (1947–1987 гг.). Отправной точкой стало восстание местного населения против политики китайских властей 28 февраля 1947 г., завершением периода «белого террора» – отмена Декрета о чрезвычайном положении на Тайване 15 июля 1987 г.

⁴ «Синяя» коалиция 蓝营 – оппозиционная «зелёной» коалиции группа политических партий во главе с Гоминьданом, поддерживающая идею объединения Тайваня с материковым Китаем.

⁵ Антиправительственное восстание 28 февраля 1947 г. («Инцидент 228»; 二二八事件) стало реакцией местного населения на откровенно авторитарные методы управления китайских властей. Восстание было жестоко подавлено, по разным оценкам количество жертв варьируется от 10 до 25 тыс. человек.

Колониальное правление в учебниках истории

После реформирования всей образовательной системы в 1994–1996 гг. на Тайване действует принцип «одна программа – много учебников» 一綱多本, когда содержание учебников должно в целом соответствовать принятой Министерством образования единой программе обучения, однако сам текст может отличаться в зависимости от конкретного издания [Law 2002: 75]. Содержание учебных пособий по историческим дисциплинам для старшей средней школы строится по принципу «концентрических окружностей» 同心圓, где центральное место занимает Тайвань, его история, культура и традиции. Следующий, средний круг занимает история Восточной Азии (в которую включена история материкового Китая) и последний, внешний круг – всемирная история. История в средней школе преподаётся в рамках курса «Общество» 社會, состоящего из трёх разделов – «География» 地理, «История» 歷史, «Население, общество» 公民與社會. В настоящее время в школах Тайваня используются учебники, соответствующие «Программе 108» (108 課綱)⁶, принятой в 2018 г. и действующей с 2019 г.⁷.

В учебных пособиях для средней и старшей средней школы, опубликованных в 2019–2021 гг.⁸, период японского правления представлен преимущественно с позиции модернизации, сделан акцент на достижениях колониальной администрации в сфере экономики, распространении образования и улучшении общего уровня жизни жителей острова. Хотя в тексте содержится информация об антияпонских восстаниях, дискриминации местных жителей, притеснении аборигенных народностей и жёсткой системе контроля за населением, эти разделы не такие объёмные, как те, что посвящены положительным сторонам правления – более того, визуальный ряд (фотографии, картинки, карты, схемы) в большей мере ориентирован на демонстрацию достижений японских администраторов, инженеров и учёных, работавших на Тайване.

Примечательно, что глава, в которой описывается японский период, носит название «Формирование современного государства» (現代國家的形塑), а раздел, включающий как эпоху Цин, так и японское правление, озаглавлен «Переход от традиционной империи

⁶ 十二年國教課程綱要 [Программа двенадцатилетнего государственного образования]. URL: <https://12basic.edu.tw/12about-3-1.php> (дата обращения: 28.09.2022).

⁷ Полное название – «Программа 12-летнего базового образования» 十二年國民基本教育課程綱要. В сокращённом названии «Программа 108» (108 課綱) число 108 обозначает год (со времени основания КР в 1911 г.), когда её должны впервые использовать в учебном процессе, в данном случае – для начинающих обучение в сентябре 2019 г.

⁸ В нашем исследовании рассмотрены следующие учебные пособия: 国民中学. 社会. 课本. 第二册. 一年级下学期 [[Неполная]] средняя школа. Общество. Учебник. Часть 2. Первый год обучения, второй семестр]. Отв. ред. Чжэн Вэйшэн 鄭威聖. Тайвань: Ханьлинь чубань шие гүфэнъ юсянь гүнсы 翰林出版事业股份有限公司, 2020; 历史（一）普通型高级中等学校 [История. [Часть] 1. Общеобразовательная средняя школа высшей ступени]. Отв. ред. Чэн Хунту 陈鸿图. Тайвань: Нань-и шуцзюй цие гүфэнъ юсянь гүнсы 南一书局企业股份有限公司, 2021; 普通型高级中等学校历史第一册 [Общеобразовательная средняя школа высшей ступени. История. Часть 1]. Гл. ред.菂化元 Сюэ Хуа-юань. Тайбэй: Саньминь шуцзюй гүфэнъ юсянь гүнсы 三民书局股份有限公司, 2021; 普通型高级中学历史 1 [Общеобразовательная средняя школа высшей ступени. История. Часть 1]. Гл. ред. 戴宝村 Дай Баочунь. Синьбэй: Лунтэн вэньхуа шие гүфэнъ юсянь гүнсы 龍騰文化事業股份有限公司, 2021.

к современному государству» (傳統帝國過渡到現代國家)⁹. То есть переход под власть Японии представляется как начало пути тайваньцев к формированию современного общества в противоположность традиционному – китайскому. Более того, японское правление представлено не только как «современное» (現代), но и как включающее в себя элементы современного западного управления (досл. «Заемствование современной системы управления западных стран» 西方現代國家統治體制的引進)¹⁰. Эти элементы «системы западного управления» просматриваются, в первую очередь, в распространении современного образования (опять же, по западному образцу), привнесении на Тайвань элементов не только японской, но и западной культуры (в том числе, в сфере искусства, в привычках, одежде, культуре еды и др.)¹¹.

Напоминание о том, что Тайвань был передан по условиям Симонесекского договора (1895 г.) современной, модернизированной Японии, содержится также и в разделе, посвящённом переходу Тайваня под юрисдикцию Китая в 1945 г. Во всех изданиях говорится о разочаровании, которое испытали тайваньцы после того, как перешли под власть материковых китайцев. Главным образом это касается сохранения дискриминации по отношению к местным жителям, перераспределения прибылей в пользу нового правящего класса (теперь – китайцев с материка) и жёсткой системы контроля за населением. Причём на этот раз притеснения тайваньцам пришлось терпеть не от «современных» и «хорошо организованных» японцев, а от «отсталых, коррумпированных и не признающих порядка китайцев»¹². Указывается, что пришлые китайцы не отличались высокими моральными качествами, в материальном отношении были обеспечены гораздо хуже японцев, а их жизненный уклад и привычки были неприемлемы для тайваньцев. В качестве одного из примеров приводилось то, что гоминьдановцы были поражены материальным обустройством Тайваня (наличием электрических ламп, водопровода, современной инфраструктуры), а их невежество «доходило до того, что некоторые полагали, что если повесить на стену кран, то из него может политься вода»¹³. Очевидно, что такие сравнения полностью убеждают читателя в том, что первые годы администрации китайских властей были не лучше, а порой даже хуже, чем колониальное правление японцев. В разделе о послевоенной истории Тайваня подробно описывается антиправительственное восстание 28 февраля 1947 г. и последовавшие за ним жёсткие карательные меры властей, и это наглядно показывает, что «пришлые» китайцы оказались не лучше бывших японских «колонизаторов».

⁹普通型高级中学历史 1 [Общеобразовательная средняя школа высшей ступени. История. Часть 1]. Гл. ред. 戴宝村 Дай Баоцунь. С. 68.

普通型高级中等学校历史第一册 [Общеобразовательная средняя школа высшей ступени. История. Часть 1]. Гл. ред. 薛化元 Сюэ Хуа-юань. С. 62.

¹⁰普通型高级中学历史 1 [Общеобразовательная средняя школа высшей ступени. История. Часть 1]. Гл. ред. 戴宝村 Дай Баоцунь. С. 68.

¹¹ Там же, с. 161-168.

¹²普通型高级中学历史 1 [Общеобразовательная средняя школа высшей ступени. История. Часть 1]. Гл. ред. 戴宝村 Дай Баоцунь. С. 88-89; 普通型高级中等学校历史第一册 [Общеобразовательная средняя школа высшей ступени. История. Часть 1]. Гл. ред. 薛化元 Сюэ Хуа-юань. С. 123-125; 国民中学. 社会. 课本. 第二册. 一年级下学期 [[Неполная] средняя школа. Общество. Учебник. Часть 2]. С. 93-98.

¹³普通型高级中学历史 1 [Общеобразовательная средняя школа высшей ступени. История. Часть 1]. Гл. ред. 戴宝村 Дай Баоцунь. С. 89.

Антаяпонские выступления, как правило, описаны в разделах «Стремление к расширению прав» (追求權益的聲音)¹⁴ или «Стремление тайваньцев к самоопределению» (追求台灣自覺意識)¹⁵, где рассказывается о борьбе с произволом местных властей и ограничении их полномочий сначала военными, а затем мирными средствами, причём речь не идёт о ликвидации колониальной власти как таковой. Движение за расширение прав тайваньцев и попытка добиться учреждения органов местного самоуправления (в том числе, Движение за создание парламента) рассматривается в тесной связи с пробуждением самосознания тайваньской интеллигенции, получившей современное японское образование (нередко в метрополии), что привело к осознанию тайваньцами своей идентичности, уже не китайской (поскольку они «впитали» элементы японской и западной культур), но и не японской (так как в колонии сохранялась дискриминация по отношению к местному населению, с которой тайваньцы никак не могли смириться). Иными словами, привнесённые японцами современное образование, новая культура и уклад жизни привели к началу формирования «тайваньской идентичности»¹⁶. В числе важных факторов, повлиявших на рост самосознания тайваньцев, отмечается распространение идеи о праве наций на самоопределение – во всех учебных изданиях школьникам напоминают о важном вкладе в международное право президента США В. Вильсона, озвучившего этот принцип в конце Первой мировой войны¹⁷.

Отметим, что связь между политикой японской администрации и зарождением политического самосознания в среде тайваньской элиты подчёркивают многие учёные. По мнению ряда исследователей, самоидентичность тайваньцев в период японского правления (так называемая «колониальная идентичность») проявилась в первую очередь как реакция на жёсткий колониальный режим, однако впоследствии была естественным образом трансформирована под действием «современного» образования, культуры и образа жизни, воспринятых и перенятых местным населением от японцев [Lin, Wu 2023; Tu 1996: 1139; Yau, Wong 2013: 302–303; Schneider 2005; Refracted Modernity: Visual Culture... 2005; Morris et al. 2013]. Таким образом, за время колониального правления в самоидентичность тайваньцев были «вплетены» элементы японской и западной традиции, составившие впоследствии часть мультикультурного кода жителей острова. Продвижение идеи о культурном и этническом многообразии современного тайваньского общества составляет важную часть политики властей КР в настоящее время, поэтому на Тайване придают особое значение сохранению японского наследия как одного из факторов, приведших к формированию особой тайваньской самоидентичности. На практике это проявляется в превращении исторических зданий японского периода в объекты культурного наследия (проходит реставрация старых

¹⁴普通型高级中等学校历史第一册 [Общеобразовательная средняя школа высшей ступени. История. Часть 1]. Гл. ред. 薛化元 Сюэ Хуа-юань. С. 94–97.

¹⁵普通型高级中学历史 1 [Общеобразовательная средняя школа высшей ступени. История. Часть 1]. Гл. ред. 戴宝村 Дай Баоцунь. С. 71–74.

¹⁶历史（一）普通型高级中等学校 [Общеобразовательная средняя школа высшей ступени. История. Часть 1]. С. 59–63; 国民中学. 社会. 课本. 第二册. 一年级下学期 [[Неполная] средняя школа. Общество. Учебник. Часть 2. Первый год обучения, второй семестр]. С. 83–84.

¹⁷普通型高级中等学校历史第一册 [Общеобразовательная средняя школа высшей ступени. История. Часть 1]. Гл. ред. 薛化元 Сюэ Хуа-юань. С. 94; 普通型高级中学历史 1 [Общеобразовательная средняя школа высшей ступени. История. Часть 1]. Гл. ред. 戴宝村 Дай Баоцунь. С. 71.

¹⁸普通型高级中学历史 1 [Общеобразовательная средняя школа высшей ступени. История. Часть 1]. Гл. ред. 戴宝村 Дай Баоцунь. С. 77.

зданий, создание музеев и организация выставок и культурных мероприятий в бывших японских кварталах). Эти исторические здания служат не напоминаниями о колониальном угнетении, а символами новой локальной тайваньской культуры [Chang 2014: 235].

В терминах, которые используются авторами учебников, отсутствует явно негативный оттенок как при описании колониального правления, так и при упоминании о японских военных акциях в Азии в середине XX в. Например, Японская империя часто определяется как «современное», «модернизированное» государство, период японской власти на Тайване назван вполне нейтрально «колониальным правлением» 殖民統治 или «японским периодом» 日本時期, нет терминов «японская оккупация» 日據 или «захват территории» 占領. Возвращение Тайваня под юрисдикцию Китая везде обозначено как «переход» 接收 под власть Гоминьдана, популярный в послевоенный период термин «славное возрождение Тайваня» 台灣光復 отсутствует. Нет также и понятия «дискриминация» 歧視, хотя то, как описывается в учебнике отношение японцев к местному населению, вполне можно было бы обозначить данным термином – тем не менее в тексте это называется «разным отношением» 不平等待遇/差別待遇 к японцам и тайваньцам¹⁸.

Термины «развитие» 發展 и «модернизация» 現代化 часто встречаются в заголовках и текстах разделов, повествующих об экономике острова (например, «Экономическое развитие и преобразования на Тайване в колониальный период»). Применительно к культивации новых сортов сельскохозяйственных культур (риса *хорай*¹⁹) говорится о «зелёной революции» 綠色革命, предполагая огромный вклад японских учёных в адаптацию сорта *хорай* под тропические условия, так что его могли потом выращивать многие страны Юго-Восточной Азии. В разделе о системе управления на колониальном Тайване также использован термин «модернизация» («Применение модернизированной системы управления»). Вообще с понятием «модернизация» применительно к японскому периоду связывают следующие сферы: инфраструктура, здравоохранение, образование, судопроизводство, упорядочивание мер и весов, унификация валюты, введение стандартизированной системы времени (отказ от лунного календаря, чёткое определение рабочего времени, праздников и выходных) и связанная с этим организация общественного досуга в выходные и праздники (выставки, спортивные состязания, показ фильмов, организация мест общественного купания, культура посещения горячих источников и др.).

Военные действия Японии в Азии названы либо «войной» (без уточнения названия), либо «политикой Японии по продвижению на юг» 南進政策 без указания на конкретные военные акции и без описания хода военных действий. В одном из изданий для средней школы в дополнительных материалах дана краткая справка, где перечислены знаковые даты японского вторжения на территорию Китая (1931 и 1937 гг.)²⁰, но опять же, без подробностей. При повествовании о 1930–1940-х гг., когда на Тайване было возобновлено военное управление, не приводится анализа общей внешнеполитической обстановки, в которой происходила вынужденная перестройка всей экономики и общественной жизни на

¹⁸ 普通型高级中学历史 1 [Общеобразовательная средняя школа высшей ступени. История. Часть 1]. Гл. ред. 戴宝村 Дай Баоцунь. С. 74, 76.

¹⁹ Кит. яз. – пэнлайми 蓬萊米.

²⁰ 国民中学. 社会. 课本. 第二册. 一年级下学期 [[Неполная] средняя школа. Общество. Учебник. Часть 2. Первый год обучения, второй семестр]. С. 70–72.

острове. Отсутствие контекста, причин и предпосылок происходивших на Тайване событий, их «оторванность» от истории материка, как представляется, лишают читателя понимания объективных причинно-следственных связей между историческими событиями в регионе.

Отметим также, что каких-либо чётких выводов к разделам, посвящённым японскому правлению, в учебниках нет. Однако исходя из того, насколько подробно (с применением иллюстраций) описываются достижения колониальных властей, можно сделать самостоятельный вывод о том, что японский период представлен преимущественно с положительной стороны. В учебниках для средней школы приводятся дополнительные тексты, в которых описываются как положительные, так и отрицательные стороны японского периода (в частности, на примере правления Кодама Гэнтаро 児玉源太郎: один из представленных текстов повествует о мерах по модернизации экономики, другой – об ужесточении контроля за населением)²¹. В качестве задания ученику предлагается самостоятельно выбрать наиболее объективное описание правления Г. Кодама, указать на возможные неточности в тексте того или иного фрагмента. По всей видимости, авторы учебника хотят подвести ученика к мысли о том, что ни один из текстов не даёт правильного понимания данного исторического периода, так как каждый фокусирует внимание либо только на проявлениях модернизации, либо только на дискриминационных мерах по отношению к тайваньцам. В случае же с дополнительными материалами к разделу об Инциденте 28 февраля 1947 г. двусмысленности нет: в текстах для обсуждения, как правило, приводятся дополнительные сведения о жестокости мер подавления восстания²².

Колониальное правление в экспозиции исторических музеев

Экспозиции тайваньских исторических музеев (в частности, Национального музея Тайваня 國立臺灣博物館 и Национального исторического музея Тайваня 國立臺灣歷史博物館) наглядно свидетельствуют о том, что японский период на современном Тайване оценивают преимущественно с позиции модернизации.

Здание Национального музея Тайваня было построено в Тайбэе в 1908 г. и открыто колониальными властями в честь запуска новой железнодорожной ветки (север-юг) как Музей отдела развития промышленности гражданской администрации тайваньского генерал-губернаторства (臺灣總督府民政部殖產局附屬博物館). В то время коллекция музея насчитывала более 10 000 экспонатов. В 1935 г. во время выставки достижений Тайваня, приуроченной к 40-летию японского правления, там размещался Первый культурный павильон.

В музее до сих пор хранятся экспонаты, бывшие там ещё при японских властях: образцы местных растений, зерновых культур и товары, произведённые на острове. Подробно рассказывается о работе японских учёных (этнографов, биологов, ботаников, селекционеров и др.) на Тайване, представлены написанные ими публикации и обзорные справочники о флоре и фауне острова. Заметно, что залы, посвящённые японскому правлению, – это, в первую очередь, экспозиции достижений колониальных властей. Здесь

²¹ 国民中学. 社会. 课本. 第二册. 一年级下学期 [[Неполная] средняя школа. Общество. Учебник. Часть 2. Первый год обучения, второй семестр]. С. 74, 118.

²² Там же, с. 119.

наглядно представлены результаты «научного подхода»²³ в освоении острова, разработанного при Кодама Гэнтаро 児玉源太郎 и Гото Симпэй 後藤新平 (1898–1906 гг.).

Национальный исторический музей Тайваня, расположенный в г. Тайнане, начал свою работу в 2011 г. Значительная часть его экспозиции посвящена японскому периоду с акцентом на достижения колониальной администрации: большое внимание уделено образованию, развитию промышленности, культурной жизни, проведению выборов в местную администрацию, развитию острова как туристического объекта. Сопротивление местного населения установлению японской власти представлено, в первую очередь, как борьба за самостоятельность острова, а последующие антияпонские выступления – как борьба за самоуправление (а не как борьба с «милитаристами», «империалистами» или «колонизаторами»). Тот факт, что экспозиция музея стремится создать положительный образ Японии, подтверждает, что в каждом из залов Японская империя предстаёт не как страна-агрессор или захватчик, а, в первую очередь, как модернизованные, современные государство, стремившееся «цивилизовать» «дикий» Тайвань. Присоединение острова к Японии в 1895 г. представлено не как часть её захватнической политики в отношении Китая, а как необходимость расширить свои границы. Залы с названием «Новое образование и современная культура» также призваны познакомить посетителя с Японией как страной-носителем и распространителем модернизации в Азии, заложившей основу для формирования на Тайване современного общества. Неудивительно, что «проблемные» эпизоды присутствия Японии на Тайване (отправка тайваньских девушек на «станции для утешения»²⁴, создание «добровольческих отрядов» из представителей аборигенных народностей для отправки на войну, принудительный детский труд на японских авиазаводах) никак в экспозиции не обозначены.

Важно отметить, что особая роль японского периода заключалась не только в модернизации, но и в том, что именно при колониальной власти начала формироваться политическая осознанность тайваньцев, что позднее переросло в феномен «тайваньской идентичности». В экспозиции музея эта идея чётко прослеживается – особое внимание уделено созданию Тайваньской Республики²⁵ в 1895 г. и попыткам тайваньцев отстоять свою независимость от Японской империи в первые годы после передачи острова японцам. Широко представлено движение за расширение политических прав местного населения в 1920–30-х гг., проведение местных выборов в середине 1930-х гг. Посетитель музея неизбежно приходит к выводу, что основная идея экспозиции – показать, что остров принадлежит тайваньцам, у которых есть собственное политическое самосознание, своя культура и традиции, своя идентичность. Исторические эпохи, определяемые той или иной иноземной властью (испанцами, голландцами, китайцами, японцами), сменяют друг друга, внося определённый вклад в развитие острова и его культуру.

²³ «Научный подход» в управлении Тайванем предполагал разработку культурно-образовательной политики на основе результатов научных исследований – сбора и анализа информации об этническом составе населения, распространённых языках, обычаях и традициях тайваньцев.

²⁴ «Станции для утешения» (вэйаньсо 慰安所) – публичные дома, организованные японцами в период Второй мировой войны для солдат японской армии.

²⁵ Государство народного правления Тайвань (Тайваньская Республика 台湾民主国) было провозглашено 23 мая 1895 г. и просуществовало 150 дней. Заявление местных властей о независимости Тайваня от Цинской империи являлось попыткой воспрепятствовать присоединению острова к Японии по условиям Симонесекского договора.

Исследователь проблем исторического прошлого на Тайване Эдвард Викерс утверждает, что благодаря смене различных эпох правления иноземцев там не сформировалось единой тайваньской нации, зато возникло «тайваньское самосознание». По его мнению, основа «тайваньскости» заключается в мозаичном разнообразии этносов, культур и традиций, привнесённых на остров представителями народностей, исторически не проживавших на Тайване. Он проводит сравнение с материковым Китаем, где «монолит» китайской нации создаётся благодаря сплочению перед лицом внешнего захватчика. Тайвань же, наоборот, приспосабливается к внешней угрозе, что приводит к культурному обогащению и синтезу различных традиций на острове [Vickers 2013: 26–28]. Именно эта характерная черта современного тайваньского общества прослеживается в экспозиции тайваньского музея.

Проблема «женщин для утешения»

Проблема «женщин для утешения» (*вэйаньфу* 慰安婦)²⁶ является одним из негативных проявлений японской колониальной власти на Тайване. К настоящему времени в тайваньском обществе не сложилось однозначного подхода к решению данного вопроса – в то время, когда одни стремятся сохранить память об этом явлении, другие считают его пережитком прошлого и намеренным осложнением отношений с Японией. Кроме того, дискуссии в обществе по поводу компенсаций бывшим *вэйаньфу* зачастую сильно политизированы и нередко переходят на уровень межпартийного противостояния. Об этом наглядно свидетельствует история с мемориалом, установленным в память о тайваньских «женщинах для утешения».

На Тайване в период с 2018 по 2024 г. находилась одна бронзовая статуя *вэйаньфу*. Её установили в г. Тайнань на частные пожертвования и при поддержке Гоминьдана. Сам факт появления статуи вызвал неоднозначную реакцию общества: по крайней мере, официальные власти (на тот момент – ДПП) высказались против её открытия мемориала. В год установки памятника произошёл инцидент, когда один из японских делегатов, прибывших на Тайвань для обсуждения вопроса о компенсациях *вэйаньфу*, пнул бронзовую статую. Этот момент попал на камеры наружного наблюдения, после чего запись разместили в Интернете, что вызвало волну негодования среди тайваньцев²⁷. Критика действий японского представителя за пренебрежительное отношение к памяти о «женщинах для утешения» довольно быстро переросла в критику властей. Отсутствие каких-либо официальных комментариев от правящей партии (ДПП) освещалось в некоторых СМИ как её поражение. Партию обвиняли в коррумпированности, отсутствии национальной гордости и неспособности защитить интересы жителей Тайваня.

²⁶ «Женщины для утешения» (*вэйаньфу* 慰安婦) – эвфемизм, которым принято обозначать женщин, принуждённых работать в годы Второй мировой войны в публичных домах японской армии. Общее количество тайваньских *вэйаньфу* составляло примерно 2 тыс. человек.

²⁷ Подробнее об этом инциденте см.: A Japanese man appeared to kick a statue dedicated to “Comfort Women” in Taiwan and people are pissed. *BuzzFeedNews*, Sep 10, 2018. URL: <https://www.buzzfeednews.com/article/williamyang/taiwan-comfort-women-statue> (accessed: Apr 17, 2021); 那个脚踹台湾慰安妇像的日本人被所属组织抛 [Уволен со своего места работы японец, который ударил ногой статую «женщины для утешения» на Тайване]. *Taiwan.huanqiu.com*, 13.09.2018. URL: <https://taiwan.huanqiu.com/article/9CaKrnKcz1d> (дата обращения: 17.03.2021). (На кит.); [Перминова (б) 2022].

В частности, нынешний президент КР Лай Циндэ, занимавший тогда должность премьер-министра, после просьбы прокомментировать случившееся заявил, что «позиция правительства по вопросу *вэйаньфу* остаётся неизменной – отстаивать достоинство этих женщин», «не следует использовать проблему *вэйаньфу* для достижения собственных политических интересов»²⁸. Такой ответ не всем показался удовлетворительным, усилия правительства по достижению справедливости по вопросу *вэйаньфу* посчитали недостаточными – в частности, Лай Циндэ обвиняли в том, что за последние годы он изменил свою позицию на про-японскую. Ему напомнили, что в ноябре 2008 г., когда Законодательный Юань официально направлял Токио требование о компенсациях бывшим «женщинам для утешения», он, занимая должность депутата, также подписал эту петицию, а сейчас (в 2018 г.) по сути отказался от продолжения борьбы за права этих женщин²⁹.

После того, как инцидент со статуей был исчерпан, внимание к проблеме *вэйаньфу* внутри Тайваня до некоторого времени ограничивалось ежегодными акциями памяти у тайваньской бронзовой статуи в Международный день памяти «женщин для утешения» (14 августа)³⁰. 18 сентября 2024 г. (в годовщину вторжения японцев в Маньчжурию) мемориал убрали³¹.

В современных тайваньских учебниках истории вопрос «женщин для утешения» практически не фигурирует ни как проблема, ни как само явление. Единственное упоминание о них содержится в учебнике для средней школы, где в небольшом абзаце, повествующем о периоде военного управления на Тайване в 1940-е гг., есть одно предложение: «В период войны некоторые тайваньские женщины были принуждены стать «женщинами для утешения», они стали жертвами войны»³². Как видно, нет никакого пояснения, что вообще значит термин *вэйаньфу*, не говоря уже о каких-либо подробностях относительно этих женщин.

В крупных исторических музеях Тайваня также нет никакого упоминания о «женщинах для утешения»: военный период представлен в основном экспозицией о тайваньских добровольцах в рядах японской армии, бомбардировках тайваньских городов, даны общие сведения о расстановке сил в регионе, оккупации Японией стран Юго-Восточной Азии и её

²⁸ 賴揆：爭取慰安婦尊嚴 政府立場不變 [Премьер-министр Лай: позиция правительства по вопросу *вэйаньфу* остаётся неизменной – отстаивать достоинство этих женщин]. *Cna.com.tw*, 25.09.2018. URL: <https://www.cna.com.tw/news/api/201809250154.aspx> (дата обращения: 01.08.2025); 蓝谈慰安妇 赖清德：政党勿藉此谋政治利益 [«Сине» крыло обсуждает проблему *вэйаньфу*. Лай Циндэ: политическим партиям не следует использовать проблему *вэйаньфу* для достижения собственных интересов]. *CRNTT.com*, 09.10.2018. URL: <https://gb.crntt.com/crn-webapp/doc/docDetailCreate.jsp?coluid=2&kindid=4&docid=105211148> (дата обращения: 01.08.2025). (На кит.).

²⁹ 蓝谈慰安妇 赖清德：政党勿藉此谋政治利益 [«Сине» крыло обсуждает проблему *вэйаньфу*. Лай Циндэ: политическим партиям не следует использовать проблему *вэйаньфу* для достижения собственных интересов]. *CRNTT.com*, 09.10.2018. URL: <https://gb.crntt.com/crn-webapp/doc/docDetailCreate.jsp?coluid=2&kindid=4&docid=105211148> (дата обращения: 01.08.2025). (На кит.).

³⁰ 民进党当局冷漠对待“慰安妇”议题，已成侵华日军的帮凶 [Власти Демократической прогрессивной партии, относящиеся с равнодушием к проблеме «женщин для утешения», становятся пособниками японской армии, вторгшейся в Китай]. *Taiwan.cn*, 15.08.2014. URL: http://www.taiwan.cn/plzhx/plyzl/202408/t20240815_12642791.htm (дата обращения: 01.08.2025). (На кит.).

³¹ 台南移除孙中山、“慰安妇”铜像，欲立“台独”？ [В Тайнане убрали бронзовые статуи Сунь Ятсена и «женщины для утешения», это означает желание отстаивать независимость Тайваня?]. *Sohu.com*, 20.12.2024. URL: https://www.sohu.com/a/839958801_121107000 (дата обращения: 01.08.2025). (На кит.).

³² 国民中学. 社会. 课本. 第二册. 一年级下学期 [[Неполная] средняя школа. Общество. Учебник. Часть 2. Первый год обучения, второй семестр...]. С. 70.

последующей капитуляции. Единственным музеем, где можно довольно подробно ознакомиться с историей *вэйаньфу*, является небольшой музей «Ама» 阿嬈家³³, специально посвящённый этим женщинам и находящийся сейчас в офисе Тайбэйского фонда спасения женщин 婦女救援基金會. Музей был открыт при поддержке Гоминьдана в 2016 г., не работал в период пандемии, затем был повторно открыт, но уже в другом здании – без каких-либо вывесок и опознавательных знаков, без прямого входа с улицы, как это было раньше.

Экспозиция этого небольшого музея посвящена не только *вэйаньфу*, но и борьбе женщин за свои права, роли женщины в тайваньском обществе. Те экспонаты, которые имеют непосредственное отношение к «женщинам для утешения» (вещи, одежда, фотографии, аудиозаписи историй жизни, рассказанных самими *вэйаньфу*), наглядно демонстрируют все тяготы и лишения девушек, которые были отправлены на «станции для утешения». Истории их жизни свидетельствуют о том, что большинство из них попадали на такие «станции», потому что были обмануты – их приглашали для работы домохозяйками, нянями, уборщицами. Есть свидетельства того, что система «станций для утешения» была хорошо организована, строго прописан режим и условия работы. Здесь же представлены видеоинтервью с некоторыми из этих женщин, где они рассказывают о своей жизни и сложностях, с которыми им пришлось столкнуться после возвращения домой (в частности, невозможность построить полноценную семью из-за осуждения обществом их прошлого, невозможность иметь детей и осуждение со стороны общества того, что они живут без семьи).

В целом, музей «Ама» непредвзято освещает историю жизни и проблемы «женщин для утешения», однако его негосударственный статус, существенное сокращение экспозиции после переезда в другое здание и тот факт, что музей очень сложно найти самостоятельно, говорят о том, что современные власти «убрали с глаз долой» любые напоминания о проблеме *вэйаньфу* и стремятся не акцентировать на ней внимание.

В настоящее время вопрос о компенсациях «женщинам для утешения» на Тайване не актуален – во-первых, потому что многие из бывших *вэйаньфу* получили компенсации в середине 1990-х гг.³⁴, во-вторых, потому что на данный момент на Тайване не осталось в живых ни одной из этих женщин. Память о них сохраняется лишь в отдельных экспозициях частных музеев, не привлекая внимание широкой общественности.

Заключение

Активизация японо-тайваньских связей, политика «декитаизации» и рост популярности «тайваньской идентичности», а также укоренение в сознании жителей Тайваня идеи о том, что КР следует в большей мере ориентироваться на сотрудничество с западными странами и Японией привели к тому, что проблемы исторического прошлого отошли на второй план.

Вопрос о компенсациях бывшим «женщинам для утешения» в период правления ДПП остаётся в пределах внутриполитических дискуссий. Хотя этот вопрос до сих пор формально считается неурегулированным, власти Тайваня на протяжении нескольких лет не выносят его

³³ В переводе с тайваньского «ама» 阿嬈 означает «бабушка» и употребляется при обращении к оставшимся в живых *вэйаньфу*.

³⁴ Подробнее об актуализации проблемы «женщин для утешения» на Тайване в 1990-е гг. см.: [Suzuki 2011; Перминова 2021].

на повестку двусторонних отношений с Токио, стремясь сохранить тесные связи с Японией. Это же касается и вопроса трактовки колониального периода, который при продолжении политики «декитаизации» представляется для широкой общественности преимущественно с позиции модернизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Дикарев А.Д., Лукин А.В. «Тайваньская нация»: от мифа к реальности? // Сравнительная политика. 2021. № 1. С. 118–133.
- Каимова А.С. Тайваньская идентичность: история самосознания тайванцев в послевоенный период (1945–2008). М.: Языки Народов Мира, 2020.
- Перминова В.А. Историческая память на Тайване и ее влияние на японо-тайваньские связи во второй половине XX в. // Вестник Института востоковедения РАН. 2021. № 3. С. 86–101. DOI 10.31696/2618-7302-2021-3-86-101
- Перминова В.А. (а) Проблемы исторического прошлого в тайваньских учебниках истории // Ориенталистика. 2022. Вып. 5 (4). С. 773–789. DOI 10.31696/2618-7043-2022-5-4-773-789
- Перминова В.А. (б) Японо-тайваньские связи и их роль во внешнеполитической деятельности Китайской Республики при президенте Цай Инвэнь // Уральское востоковедение. 2022. Вып. 12. С. 14–36.

REFERENCES

- Dikarev A.D., Lukin A.V. (2021). «Tayvan'skaya natsiya»: ot mifa k real'nosti? [«The Taiwanese nation»: From myth to reality?]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]*, 1: 118–133. (In Russian).
- Kaimova A.S. (2020). *Tayvan'skaya identichnost': istoriya samosoznaniya tayvan'tsev v poslevoyennyy period (1945–2008)* [Taiwanese Identity: a history of Taiwanese self-consciousness in the postwar period (1945–2008)]. Moscow: Yazyki Narodov Mira. (In Russian).
- Perminova V.A. (2021). Istoricheskaya pamyat' na Tayvane i yeze vliyaniye na yapono-tayvan'skiye svyazi vo vtoroy polovine XX v. [Historical memory in Taiwan and its influence on Japanese-Taiwanese relations in the second half of the twentieth century]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN [Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]*, 3: 86–101. (In Russian). DOI 10.31696/2618-7302-2021-3-86-101
- Perminova V.A. (2022a). Problemy istoricheskogo proshloga v tayvan'skikh uchebnikakh istorii [Problems of the historical past in Taiwanese history textbooks]. *Orientalistika [Oriental Studies]*, 5 (4): 773–789. (In Russian). DOI 10.31696/2618-7043-2022-5-4-773-789
- Perminova V.A. (2022b). Yapono-tayvan'skiye svyazi i ikh rol' vo vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti Kitayskoy Respubliky pri prezidente Tsay Inv'en' [Japanese-Taiwanese relations and their role in the foreign policy of the Republic of China under President Tsai Ing-wen]. *Ural'skoye vostokovedeniye [Ural Oriental Studies]*, 12: 14–36. (In Russian).

* * *

- Chang Lung-chih (2014). Island of memories: postcolonial historiography and public discourse in contemporary Taiwan. *International Journal for History, Culture and Modernity*, 2 (3): 229–244.
- Chen Zhongchun (2022). Taiwan diqu jiaokeshu de liang an guanxi lunshu tanxi – yi gao yi Taiwan lishi jiaokeshu wei li [Narrative of cross-strait relations in Taiwan textbooks – a survey of different editions of Taiwan history textbook in first grade in senior high school]. *Taiwan lishi yanjiu [Taiwan History Studies]*, 2: 89–101. (In Chinese). [陈忠纯. 台湾地区教科书的两岸关系论述探析——以高一台湾史教科书为例. 台湾历史研究. 2022 年. 第 2 期. 页 89–101].

- Craig A. Smith (2022). Making the past into this moment: historical memory in Taiwan. In: Linda Jaivin and Esther Sunkyung Klein with Sharon Strange (eds.), *China Story Yearbook: Contradiction*. Canberra: ANU Press. P. 209–215.
- He Yinan (2014). Identity politics and foreign policy: Taiwan’s relations with China and Japan, 1895–2012. *Political Science Quarterly*, 129 (3): 469–500.
- Huang Chih-huei (2003). The transformation of Taiwanese attitudes toward Japan in the post-colonial period. Chapter 13. In: Li Narangoa, Cribb R. (eds.), *Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895–1945*. London: RoutledgeCurzon. P. 296–314.
- Jones A. (2013). Triangulating identity: Japan’s place in Taiwan textbooks. Chapter 9. In: Paul Morris, Naoko Shimazu and Edward Vickers (eds.), *Imagining Japan in Post-War East Asia: Identity Politics, Schooling and Popular Culture*. London: Routledge. P. 170–189.
- Lai Jianguo (1997). Taiwan zhuti yishi fazhan yu dui liang an guanxi de yingxiang [The development of Taiwanese consciousness and its impact on the relationship with mainland China]. Unpublished MA thesis, Graduate Institute of East Asian Study, National Chengchi University. 192 p. (In Chinese). [賴建國. 台湾主体意识发展与对两岸关系之影响. 国立政治大学, 1997 年. 192 页].
- Law Wing-Wah (2002). Educational reform in Taiwan: a research for a ‘national’ identity through democratisation and taiwanisation. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*, 32 (1): 61–81.
- Li Li (2008). “Qu zhongguohua” de Taiwan zhongxue lishi jiaokeshu bianzuan [“Desinicization” in the compilation of history textbooks for Taiwanese secondary schools]. *Taiwan yanjiu jikan* [*Taiwan Studies Quarterly*], 2: 26–36. (In Chinese). [李理. “去中国化”的台湾中学历史教科书编纂. 台湾研究集刊. 2008 年. 第 2 期. 页 26–36].
- Lin Xiaofang, Wu Weiwei (2023). Taiwan lishi jiaokeshu zhong “Taiwan yishi” huayu liubian ji qi yingxiang [Semantic evolution and influence of “Taiwan consciousness” discourse in Taiwan history textbooks]. *Min tai guanxi yanjiu* [*Minnan and Taiwan Relations Studies*], 2: 87–98. (In Chinese). [林小芳, 吴巍巍. 台湾历史教科书中“台湾意识”话语流变及其影响. 闽台关系研究. 2023 年. 第 2 期. 页 87–98].
- Liu Xiangping (2017). Lun lishi jiyi de chonggou yu Taiwan de “qu huaxiahua” – qian lun “wenhua Tai du” zhe de siwei luoji ji lujing xuanze [Analysis on the reconstruction of historical memory and the desinicization of Taiwan – the logic of “cultural independence of Taiwan” advocates and their choice of path]. *Taiwan yanjiu* [*Taiwan Studies*], 3: 1–12. (In Chinese). [刘相平. 论历史记忆的重构与台湾的“去华夏化”——兼论“文化台独”者的思维逻辑及路径选择. 台湾研究. 2017 年. 第 3 期. 页 1–12].
- Michelson L. (1998). Rewriting the textbooks: an educational reform... or a political one? *China Perspectives*, 15: 52–57.
- Morris P., Shimazu Naoko, Vickers E. (2013). East Asian images of Japan – an overview. Introduction. In: Paul Morris, Naoko Shimazu and Edward Vickers (eds.), *Imagining Japan in Post-War East Asia: Identity Politics, Schooling and Popular Culture*. London: Routledge. P. 3–26.
- Peng Minghui (2004). Taiwan’s history education and history textbooks, 1945–2000. *Historiography East and West*, 2 (2): 228–269.
- Refracted Modernity: Visual Culture and Identity in Colonial Taiwan* (2007). Ed. by Kikuchi Yuko. Honolulu: University of Hawaii Press. 298 p.
- Schneider C. (2005). Looking at our story with different eyes: history textbooks on both sides of the Taiwan Strait. *Internationale Schulbuchforschung*, 27 (1): 59–78.
- Suzuki Shogo (2011). The competition to attain justice for past wrongs: The “Comfort Women” issue in Taiwan. *Pacific Affairs*, 84 (2): 223–244.
- Tian Lei (2016). Taiwan zhongxue lishi jiaokeshu de yanjiu huigu [Retrospective studies of history textbooks in Taiwan middle school]. *Dangdai jiaoyu lilun yu shijian* [*Modern Theory and Practice in*

- Education]*, 8 (4): 40–43. (In Chinese). [田磊. 台湾中学历史教科书的研究回顾. 当代教育理论与实践. 2016 年. 第 8(4)期. 页 40–43].
- Tu Wenming (1996). Cultural identity and the politics of recognition in contemporary Taiwan. *China Quarterly*, 148: 1115–1140.
- Vickers E. (2007). Frontiers of memory: conflict, imperialism, and official histories in the formation of post-Cold War Taiwan identity. In: Jager S. M., Mitter R. (eds.), *Ruptured Histories: War, Memory, and the Post-Cold War in Asia*. Harvard University Press: Cambridge. P. 209–232.
- Vickers E. (2010). History, identity and politics of Taiwan's museums: reflections on the DPP–KMT Transition. *China Perspectives*, 3: 92–106.
- Vickers E. (2013). Transcending Victimhood: Japan in the public historical museums of Taiwan and the People's Republic of China. *China Perspectives*, 4: 17–28.
- Yau Hoi-Yan, Wong Heung-Wah (2013). The legacy of Japan's colonial past: cultural influences on Taiwanese identity and implications for cross-strait relations. In: C. Rose & V. Teo (eds.), *The United States between China and Japan*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. P. 296–319.

Поступила в редакцию:

17.09.2025

Received:

Sep 9, 2025

Принята к публикации:

13.10.2025

Accepted:

Oct 13, 2025

DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-86-98

Гендерная поляризация молодёжи в современной Республике Корея

Ширикалова Алиса Алексеевна¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. Статья посвящена эволюции южнокорейской интернет-культуры в период с конца 1990-х до 2020-х гг. и её роли в формировании гендерных конфликтов и электоральных предпочтений молодого поколения Республики Корея. Основная цель работы – анализ факторов, способствующих формированию молодёжной политической повестки в современной Республике Корея, с акцентом на роль интернет-культуры, цифрового дискурса и гендерных конфликтов. С конца 1990-х гг. южнокорейская интернет-культура прошла путь от спонтанных анонимных онлайн-дискуссий до становления значимым фактором в общественно-политической жизни страны, а интернет-неологизмы, зародившиеся как форма сатирического высказывания, со временем эволюционировали в идеологические маркеры и средство выражения коллективных настроений. К началу 2020-х гг. сетевые конфликты и их язык, а также цифровой активизм оказали значительное влияние на трансформацию идентичности и политическое самоопределение молодёжи, постепенно став частью популистской политики. Президентские выборы 2022 и 2025 гг. продемонстрировали нарастающую поляризацию электорального поведения молодого поколения, что связывается с заявлениями кандидатов об актуальных для молодёжи проблемах, включая вопрос гендерной дискриминации. Социальные сети и онлайн-платформы способствовали усилению гендерной поляризации южнокорейского общества, но и одновременно предоставили молодому поколению новые формы политического участия. Использование цифровых сообществ и риторики «справедливости» политическими лидерами, такими как Юн Сок Ёль и Ли Джун Сок, демонстрирует институционализацию интернет-дискурса в рамках электоральной политики и оформление «сетевых» идентичностей в реальную политическую силу.

Ключевые слова: Республика Корея, интернет-неологизмы, гендерные конфликты, цифровая культура, антифеминизм, гендерная поляризация, *идэнам*.

Автор: Ширикалова Алиса Алексеевна, младший научный сотрудник, Центр корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0009-0008-0047-5029. E-mail: alisashirikalova@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FMSF-2024-0018 «Перспективы корейского урегулирования и интересы России»).

Для цитирования: Ширикалова А.А. Гендерная поляризация молодёжи в современной Республике Корея // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 4. С. 86–98. DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-86-98

Gender polarization of youth in the modern Republic of Korea

Shirikalova Alisa A.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article examines the evolution of South Korean Internet culture from the late 1990s to the 2020s and its role in shaping gender conflicts and the electoral preferences of the young generation in the Republic of Korea. The main purpose of the study is to analyze the factors contributing to the formation of the youth political agenda in contemporary South Korea, with a focus on the role of Internet culture, digital discourse, and gender conflicts. Since the late 1990s, South Korean Internet culture has evolved from spontaneous anonymous online discussions into a significant factor in the country's socio-political life. Internet neologisms, which initially emerged as a form of satirical expression, have gradually transformed into ideological markers and a means of articulating collective sentiment. By the early 2020s, online conflicts and their language, as well as digital activism, have significantly influenced the transformation of youth identity and political self-determination, gradually becoming part of populist politics. The 2022 and 2025 presidential elections demonstrated the growing polarization of the electoral behavior of the young generation, which is associated with the candidates' statements on issues relevant to youth, including gender discrimination. Social networks and online platforms have contributed to the intensification of gender polarization in South Korean society, while simultaneously providing young people with new forms of political participation. The use of digital communities and the rhetoric of "justice" by political leaders such as Yoon Suk-yeol and Lee Jun-seok illustrates the institutionalization of Internet discourse within electoral politics and the transformation of "online" identities into a tangible political force.

Keywords: Republic of Korea, Internet neologisms, gender conflicts, digital culture, antifeminism, gender polarization, Idaenam.

Author: Shirikalova Alisa A., Junior Researcher, Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0009-0008-0047-5029. E-mail: alisashirikalova@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0018 "Prospects for a Korean settlement and Russia's interests").

For citation: Shirikalova A.A. (2025). Gendernaya polyarizatsiya molodezhi v sovremennoy Respublike Koreya [Gender polarization of youth in the modern Republic of Korea]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (4): 86–98. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-86-98

Введение

В XXI в. Республика Корея переживает не только политическую нестабильность, но и серию внутренних социальных конфликтов, связанных с проблемами гендерной дискриминации и растущим экономическим неравенством. Одним из индикаторов этих изменений стала интернет-культура – в частности, интернет-неологизмы, рождающиеся в анонимной онлайн-среде и быстро закрепляющиеся в массовом дискурсе. Эти термины, зачастую язвительные и опирающиеся на стереотипы, способны как служить инструментами

самовыражения и социальной критики, так и играть роль в конструировании политических настроений внутри молодого поколения. Корейские интернет-сообщества породили ряд неологизмов, отражающих растущую напряжённость между мужчинами и женщинами, и с их помощью пользователи интернета выражают недовольство текущим распределением ресурсов и ролей в обществе. Согласно данным Всемирного экономического форума, индекс гендерного равенства Республики Корея в 2025 г. составил 0,687, что поставило страну на 101-е место среди 148 государств¹. Несмотря на достигнутые институциональные успехи в сфере прав женщин, межгендерное напряжение, особенно среди молодого поколения, остаётся значительным, а дискуссии о справедливости и равноправии приобретают всё более массовый характер.

В период президентства Мун Чжэ Ина (2017–2022), который открыто заявлял о своей приверженности принципам феминизма и дал обещание стать «президентом-феминистом»² во время президентской кампании, Республика Корея заняла 118-е место по величине индекса гендерного равенства на момент его вступления в должность в 2017 г.³ и 99-е место к окончанию президентского срока в 2022 г.⁴. С самого начала своего президентства Мун Чжэ Ин последовательно выражал обеспокоенность проблемой гендерного насилия, включая случаи сексуальных преступлений и преследования в сети, и инициировал реформы, направленные на укрепление законодательных и институциональных механизмов защиты прав женщин⁵. Однако активизация государственной риторики в поддержку гендерного равенства сопровождалась ростом антифеминистских настроений внутри молодого поколения⁶, что выражалось в возникновении интернет-сообществ и организаций, позиционирующих себя как оппозиция «феминистской республике». Постепенно эти движения перешли из виртуального пространства в реальную политическую сферу, оказав заметное влияние на общественные настроения и электоральные процессы. Подобная трансформация виртуальных пространств как маркера социальной напряжённости неразрывно связана с социально-экономическими преобразованиями внутри страны.

Гендерные стереотипы в корейском онлайн-дискурсе 1990–2010-х гг.

Одним из ранних примеров, демонстрирующих, как структурные изменения в экономике и социальной политике активизируют гендерную поляризацию, стало

¹ Global Gender Gap Report 2025. *World Economic Forum*, Jun 11, 2025. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2025/> (accessed: Sep 22, 2025).

² 문재인 “페미니스트 대통령 되겠다” [Мун Чжэ Ин: «Я стану президентом-феминистом】]. *한겨레신문사* [The Hankyoreh], 16.02.2017. URL: https://www.hani.co.kr/arti/politics/politics_general/783028.html (дата обращения: 22.09.2025). (На кор.).

³ Global Gender Gap Report 2017. *World Economic Forum*, Nov 2, 2017. URL: <https://www.weforum.org/publications/the-global-gender-gap-report-2017/> (accessed: Sep 22, 2025).

⁴ Global Gender Gap Report 2022. *World Economic Forum*, Jun 13, 2022. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2022/> (accessed: Sep 22, 2025).

⁵ 문재인 정부 4년] 젠더폭력 대응 적극적, 성평등 실현은 뒷걸음 [Четыре года Мун Чжэ Ина. Активная борьба с гендерным насилием, регресс в вопросах гендерного равенства]. *여성신문* [The Women's News], 30.04.2021. URL: <https://www.womennews.co.kr/news/articleView.html?idxno=210906> (дата обращения: 22.09.2025). (На кор.).

⁶ 이대남을 화나게 한 ‘그 페미니즘’ [Феминизм, возмущивший идэнам]. *한겨레신문사* [The Hankyoreh], 25.12.2021. URL: https://www.hani.co.kr/arti/society/society_general/1024750.html (дата обращения: 22.09.2025). (На кор.).

общественное недовольство вокруг системы военных баллов (*군가산점제도*) в конце 1990-х гг. Согласно действовавшей системе, мужчины, прошедшие обязательную военную службу, могли получить бонусные баллы (обычно 3–5 %) при сдаче государственных экзаменов или экзаменов на определённые государственные лицензии⁷. Эта система существовала в Республике Корея с 1961 г. и была создана как инструмент социальной компенсации за время, потраченное на исполнение воинского долга, и как мера поощрения, направленная на укрепление национальной безопасности. Однако к концу 1990-х гг. социально-экономическая ситуация в стране претерпела значительные изменения: после азиатского финансового кризиса 1997 г. южнокорейский рынок труда столкнулся с массовыми увольнениями, ростом безработицы и усилением конкуренции за стабильные рабочие места [Самсонова 2025: 49–50]. В новых условиях система военных баллов начала восприниматься молодёжью (в первую очередь освобождёнными от военной службы женщинами и людьми с ограниченными возможностями) как источник институционализированного неравенства, ограничивающий трудовые возможности.

В ответ на рост общественного недовольства Конституционный суд Республики Корея инициировал пересмотр правомерности системы военных баллов и в 1999 г. признал её неконституционной⁸. Отмена системы спровоцировала волну негодования со стороны мужского населения, особенно среди тех, кто ещё проходил или завершил обязательную военную службу.

Важным фактором, оказавшим влияние на трансформацию гендерных отношений в Республике Корея конца 1990-х – начала 2000-х гг., также стал быстрый рост уровня образования среди женщин. Согласно данным корейского статистического агентства KOSIS, доля женщин, поступающих в университет, существенно возросла в 1990–2000 гг. В 2000 г. после окончания средней школы учёбу в университете начинали около 65,4 % женщин, к 2005 г. эта цифра достигла 80,8 % и 80,5 % в 2010 г., что уже превышало мужской показатель в 77,6 %⁹. Этот рост доступа женщин к высшему образованию совпал с изменениями на рынке труда и в социальной политике, которые не успевали адаптироваться к новым ожиданиям.

В условиях усиливающейся конкуренции мужчины, прежде всего молодёжь, начали воспринимать женщин как прямых конкурентов в борьбе за ограниченные социально-экономические ресурсы. Тогда анонимные онлайн-форумы стали пространствами для выражения чувства несправедливости, переживаемого мужчинами, а также каналами распространения мизогинной риторики. Подобное выражение коллективного недовольства постепенно оформилось в устойчивую интернет-культуру, в рамках которой враждебность к женщинам становилась нормой, что стало идеологической основой для антифеминистских настроений 2000–2010-х гг.

⁷ Указ Президента РК «О введении в действие Закона о поддержке уволенных военнослужащих» от 21 августа 1998 г. № 15870 [제대군인지원에 관한 법률 시행령 1998-08-21].

⁸ Решение Конституционного суда РК «О неконституционности статьи 8, пункта 1 и т. д. Закона о поддержке уволенных военнослужащих» от 23 декабря 1999 г. [제대군인지원에관한법률 제 8 조 제 1 항 등 위헌확인].

⁹ Отчёт KOSIS «Жизнь женщин в статистике 2011» от 27 июня 2011 г. *Корейское статистическое агентство KOSIS* [2011 통계로 보는 여성의 삶].

Так, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. неологизм «твэнджаннё» (된장녀), или «девушка-твэнджан», стал одним из ранних проявлений гендерного напряжения в онлайн-пространстве. Термин отсылает к *твэнджсану* – корейской соевой пасте, которая используется для приготовления блюд традиционной кухни. Считается, что самые дешёвые блюда готовятся на её основе, и таким образом данный неологизм описывает молодых женщин, чьи потребительские предпочтения не соответствуют их реальному уровню дохода [Song 2014: 445]. Термин метафорично обыгрывает материализм современных девушек: внешняя роскошь при внутренней экономии, дорогой стакан кофе в руках и дешёвый *твэнджсан-чиге* дома. Таким образом, «твэнджаннё» стали объектом критики не столько за экономическое поведение, сколько за стремление «присвоить» статус, ассоциированный с западной культурой потребления, без наличия достаточного для этого социального или экономического капитала.

Возникновение и закрепление образа «девушки-твэнджан» также связано с открытием в 1999 г. первой в Корее кофейни “Starbucks”, расположенной у стен женского университета Ихва в Сеуле. Само расположение перед крупнейшим женским вузом страны символически укрепило ассоциацию между западной культурой потребления и корейскими студентками. В начале 2000-х гг. на корейских анонимных интернет-форумах, в частности DC Inside¹⁰, пользователи делились мнениями о том, что Starbucks наживается на кореянках: девушки чрезмерно восприимчивы к западной моде и становятся жертвами навязанной культуры потребления, растративая свои скромные средства на подражание роскошному образу жизни [Choi 2017: 30]. Считалось, что молодые девушки видели в кофейном стаканчике с логотипом сети символ утончённого вкуса и статуса, однако для обладания этим статусом они зарабатывали недостаточно, поэтому могли лишь «завладеть» его эстетикой через покупки, чтобы имитировать американский образ жизни [Song 2014: 430]. «Статусная» западная символика, включая бумажный стаканчик Starbucks, стала знаком женской эмансипации и отказа от конфуцианских моделей женственности [Ashman 2021: 237]. В преддверии нового века рост потребления среди женщин стал восприниматься и как угроза справедливому распределению ресурсов, и как подрыв традиционных гендерных ролей.

Помимо образа студентки-«твэнджаннё», в корейском онлайн-дискурсе 2000-х гг. получает распространение ещё один неологизм – «сонгве» (성괴 / 성형괴물), сокращённая комбинация слов «пластиическая хирургия» (성형) и «монстр» (괴물) [Ahn 2018: 114]. Термин используется для обозначения женщин, которые, по мнению интернет-пользователей, слишком увлекаются косметическими операциями, теряя естественность во внешности. Подобная риторика продолжала логику, заложенную в образе «твэнджаннё», высмеивая женскую «искусственность», будь то чрезмерное потребление, стремление к статусу или внимание к собственной внешности.

Закрепление неологизмов, высмеивающих женщин, в массовом дискурсе вызвало стремление к созданию симметричного образа. В ответ на критику женщин в онлайн-пространстве возник неологизм «кочхуджаннам» (고추장남), или «парень-кочхуджан», описывающий молодого мужчину с низкой мотивацией, отсутствием вкуса и склонностью

¹⁰ 허영부리는 '된장女' vs 궁상떠는 '고추장男' [Тщеславная «твэнджаннё» против жалкого «кочхуджаннама»]. 조선일보 [Chosun Ilbo], 04.08.2006. URL: https://www.chosun.com/site/data/html_dir/2006/08/04/2006080470083.html (дата обращения: 05.04.2025). (На кор.)

к «геймерскому» (затворническому) образу жизни [Мозоль 2021: 225]. Несмотря на попытку выровнять гендерный баланс в иронической критике, женщины всё же оставались в более уязвимой позиции – потребительская амбициозность вызывала более резкую реакцию, чем мужская пассивность [Song 2014: 443]. Этот гендерный перекос стал одним из оснований для формирования устойчивого паттерна так называемых гендерных войн (*젠더 분쟁*) в корейском обществе.

Начиная с 2012 г., подобные «твэнджаннё» и «сонгве» негативные образы женщин стали объединяться в более универсальную категорию «кимчхинё» (*김치녀*), или «девушка-кимчи» [Jung 2021: 81]. Неологизм «кимчхинё» происходит от традиционного корейского блюда из ферментированной капусты, символизируя стереотипную «корейскую» девушку, подпадающей под эту широкую категорию. Если ранние неологизмы были адресованы конкретным потребительским практикам, то «кимчхинё» служила универсальным ярлыком, применяемым к женщинам, чьё поведение, по мнению пользователей сети, заслуживает общественного порицания. Термин обозначает эгоистичную молодую женщину, требующую от мужчин чрезмерных финансовых вложений [Kim 2018: 158]. Данный неологизм отражает транзакционный характер ожиданий от отношений между полами: мужчина предоставляет женщине материальные ресурсы и делится с ней капиталом, на что та должна отвечать покорностью и заботой. В то же время женщина, нарушающая эту негласную схему, предъявляя чрезмерные требования мужчине, заслуживает стать объектом общественного осуждения. Подобная логика предполагает, что женское положение в обществе должно определяться через правильное поведение в рамках семейных отношений. Истоки этих ожиданий можно найти в неоконфуцианской традиции эпохи Чосон (1392–1897), когда права и обязанности женщины были жёстко привязаны к её семейной роли и регулировались конфуцианскими предписаниями о нормах женского поведения [Ким, Хохлова 2017: 108–109].

Однако по мнению анонимных комментаторов, в современных реалиях женщины занимают «привилегированное» положение, т.е. роль «паразитирующего потребителя» мужских ресурсов [Kim 2018: 9]. Так, «кимчхинё» становится не просто образом для высмеивания женщин, а отражением социальной несправедливости, в которой общественные ожидания продолжают требовать от мужчины исполнения традиционных обязанностей по материальному обеспечению жены, в то время как современная женщина от традиционных обязанностей покорности мужу освобождена. В противопоставление стереотипной и нежеланной кореянки «кимчи» возник контрастный неологизм «ссыгинё» (*스시녀*), или «девушка-суши» [Choi 2017: 33], описывающий японок как «идеальных партнёрш» для корейцев. Согласно этому стереотипу, японские женщины скромны, хозяйственны и покорны, что противопоставляется образу кореянок, обвиняемых в материализме и требовательности [Kim J. 2018: 161]. Оппозиция «девушки-кимчи» и «девушки-суши» отражает межгендерную напряжённость в корейском обществе и воспроизводит культурно-национальные стереотипы, противопоставляющие второсортных «своих» и желаемых «чужих» женщин.

Таким образом, интернет-неологизмы конца 1990-х – 2010-х гг., изначально направленные на высмеивание отдельных моделей поведения молодых женщин, постепенно трансформировались в универсальные ярлыки, негативно характеризующие кореянок в целом. В процессе развития анонимного сетевого дискурса они перестали быть лишь формой сатиры и стали самостоятельными инструментами закрепления гендерных и национальных

стереотипов, нормализации мизогинной риторики и формирования устойчивого фундамента для «гендерных войн», в рамках которых женщины всё чаще позиционировались не только как конкуренты, но и как «паразитирующие» субъекты.

Цифровой активизм 2015–2025 гг. и президентские выборы 2022, 2025 гг.

Следующая волна «гендерных войн» в Республике Корея пришла на 2010-е гг. Одним из этапов стало стихийное возникновение движения Megalia, использовавшего стратегию «зеркального отражения» (*mirroring / отзеркаливание*) для борьбы с мизогинией в цифровой среде. Megalia возникла во время эпидемии MERS в 2015 г. в Корее. На платформе DC Inside с доминирующей мужской пользовательской аудиторией распространялись слухи о том, что две кореянки, летевшие в Гонконг, отказались проходить тестирование, несмотря на контакт с заражённым пассажиром. Реакцией на слухи стала волна сексистских комментариев, в которых фигурировал и неологизм «девушка-кимчи» [Choi 2017: 2]. Это подтолкнуло пользовательниц к созданию движения зеркального протеста против онлайн-мизогинии. Стратегия движения заключалась в следующем: переадресовать мужские оскорблений обратно мужчинам [Kim Y. 2021: 21].

Одним из примеров стратегии отзеркаливания стали термины «парень-кимчи» (김치남) и «парень-западный бог» (갓양남) – прямые или адаптированные аналоги «девушки-кимчи» и «девушки-суши» соответственно [Kim D. 2020: 156]. Эти неологизмы позволяли в сатирической манере продемонстрировать абсурдность ожиданий, предъявляемых женщинам.

Хотя движение Megalia начиналось исключительно как интернет-движение, оно инициировало реальные общественные кампании: борьбу с сексистскими комментариями в СМИ, бойкоты компаний и, в частности, кампанию, которая привела к закрытию в апреле 2016 г. крупнейшего корейского сайта SoraNet, на котором массово распространялся эксплицитный контент скрытых съёмок интимного характера¹¹. В мае 2016 г. произошло ещё одно событие, послужившее одним из катализаторов активизации корейского женского протesta. В Сеуле у станции Каннам 34-летний мужчина убил незнакомую ему 23-летнюю женщину, напав на неё в общественном туалете караоке. После задержания преступник объяснил свой поступок тем, что женщины всю жизнь игнорировали его¹². Это событие спровоцировало рост женского активизма, а также усилило популярность сайта WOMAD, отколовшегося от Megalia на фоне множественных противоречий внутри движения. Активистки инициировали акции «побег от корсета» (탈코르셋), массово отказываясь от макияжа и дорогостоящих косметических процедур как символов системы, навязывающей женщинам стандарты внешнего вида¹³. Одновременно с ростом популярности «побега от корсета» возникает движение «4В» (движение четырёх отказов): сторонницы этого движения

¹¹ 소라넷 폐쇄. 여성혐오 공론화 이끈 메갈리아와 자매들 [Мегалия инициировали закрытие Soranet]. 여성신문 [The Women's News], 02.06.2012. URL: <https://www.womennews.co.kr/news/articleView.html?idxno=94529> (дата обращения: 26.10.2025). (На кор.).

¹² 강남 살인사건이 ‘여성혐오 범죄’인 이유 [Почему дело об убийстве в Каннаме было «преступлением на почве женоненавистничества»]. 한겨레신문사 [The Hankyoreh], 19.05.2016. URL: https://www.hani.co.kr/arti/society/society_general/744707 (дата обращения: 26.10.2025). (На кор.).

¹³ 'Escape the corset': South Korean women rebel against strict beauty standards. *The Guardian*, Oct 26, 2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/oct/26/escape-the-corset-south-korean-women-rebel-against-strict-beauty-standards> (accessed: Oct 26, 2025).

не вступают с мужчинами в романтические и интимные отношения, отказываются от брака и не заводят детей [Andronic 2025: 62].

Восприятие романтических и брачных отношений начинает всё чаще интерпретироваться сквозь призму рыночной логики и конкуренции. В цифровом пространстве начинают формироваться новые культурные конструкции, пересматривающие понятия уязвимости и статуса в интимных отношениях. Одним из примеров подобной динамики стало появление неологизма «понпондан» (퐁퐁단)¹⁴. «Понпон» в настоящем неологизме является популярным брендом моющего средства “Pong Pong”, что служит метафорой «мытья посуды» как обозначения отношений с партнёрами, прежде состоявшими в романтических отношениях. Таким образом, слово «понпондан» применяется к человеку, который вступает в отношения, зачастую впервые, с партнёром, имеющим опыт многочисленных предыдущих связей. Иными словами, «понпондан» символически уподобляется тому, кто домывает тарелку, оставшуюся после других. Этот неологизм формирует новую идентичность, ассоциируемую преимущественно с мужской уязвимостью, пониженным социальным статусом и ролью «последнего» в романтических и брачных отношениях. Образы «понпонданов» активно воспроизводятся в формате мемов и комиксов, становясь частью нового культурного конструкта, закрепляющего изменённые представления о гендерной иерархии. Формирование в Интернете подобных идентичностей отражает более широкую тенденцию роста тревожности среди молодых мужчин, что, в свою очередь, находит выражение не только в цифровой среде, но и в политических процессах.

В последние годы в Республике Корея наблюдается укрепление антифеминисткой политической повестки среди молодых мужчин и консерваторов. Молодые мужчины формируют новую модель самоидентификации, основанную на восприятии себя как «жертв феминизма». В их риторике именно мужчины оказываются пострадавшей стороной в результате политики равенства полов, которая, по их мнению, нарушает принципы справедливости и конкуренции. Квоты для женщин в трудоустройстве и политике, приём в полицию, поддержка женских организаций и внедрение «гендерной чувствительности» в судопроизводство нередко интерпретируются ими как проявления «системной дискриминации мужчин» [Kim 2024: 191]. Особенно заметно это было в предвыборной президентской кампании 2021–2022 гг. Кандидат от Консервативной партии Юн Сок Ёль в ходе президентской кампании открыто отрицал существование «структурного» гендерного неравенства¹⁵ и объявил о намерении упразднить Министерство по вопросам гендерного равенства и семей, опубликовав на своей официальной странице в соцсети краткое заявление («여성가족부 폐지»)¹⁶. Ещё в 2021 г. Юн Сок Ёль придерживался умеренной позиции,

¹⁴ 풍퐁단? 풍퐁시티? 온라인 달군 ‘설거지론’... 남남 갈등으로 번졌다 [«Понпондан»? «Понпон Сити»? «Теория мытья посуды», набирающая обороты в Интернете, перерастает в конфликт между мужчинами и женщинами]. 조선비즈 [Chosun Biz], 26.10.2021. URL: <https://biz.chosun.com/topics/social/2021/10/26/YTYC2EB775HXJBFEXT4IFLXP2E/> (дата обращения: 05.04.2025). (На кор.).

¹⁵ 윤석열 “내가 보복정치?” [Интервью Юн Сок Ёля: «Я занимаюсь политикой возмездия?»]. 한국일보 [Hankook Ilbo], 07.02.2022. URL: <https://www.hankookilbo.com/News/Read/A2022020616070004064> (дата обращения: 22.09.2025). (На кор.).

¹⁶ 윤석열, 이준석과 화해한 뒤 폐북에 “여성가족부 폐지” [Примирившись с Ли Джун Соком, Юн Сок Ёль опубликовал в Facebook: «Упразднить Министерство...»]. 한겨레신문사 [The Hankyoreh], 07.01.2022. URL: https://www.hani.co.kr/arti/politics/politics_general/1026468.html (дата обращения: 22.09.2025). (На кор.).

заявляя, что министерство необходимо переименовать и перераспределить его функции, чтобы интегрировать поддержку и мужчин, и женщин¹⁷. При этом консервативный кандидат в президенты описывал гендерную политику как вредоносную привилегию для женщин, а также заявил, что министерство «приравнивает мужчин к потенциальным преступникам»¹⁸. Эти заявления усилили его поддержку среди молодых мужчин, так называемых *идэнам* (이대남) – мужчин в возрасте от двадцати до тридцати лет. Также в ходе президентской кампании 2022 г. Консервативная партия продемонстрировала непосредственное сотрудничество с антифеминистскими мужскими объединениями.

Так, лидеры Корейской ассоциации за гендерное равенство (한국성평화연대 // 한성연), основанной в 2018 г. в ответ на усиление феминистских движений, Ли Мён Чжун и Чхве Ин Хо, были приглашены в предвыборный штаб Юн Сок Ёля и вошли в состав Специального комитета по вопросам гендерного равенства Молодёжного штаба. Параллельно радикальная молодёжная группа «Новая мужская солидарность» (신남성연대) организовала так называемую команду комментаторов (댓글부대팀), целью которой являлись систематическое манипулирование комментариями к статьям, посвящённым выборам, и искажение общественного мнения в онлайн-пространстве в интересах консервативного кандидата [Kim 2024: 194]. Практика организации «отрядов комментаторов» – распространённое явление в современном цифровом пространстве, использующееся в различных сферах от популярной культуры и маркетинга до политики с целью формирования общественного мнения, продвижения определённых идей и манипулирования информацией в Интернете.

На своей странице в социальной сети Ли Мён Чжун, основатель Корейской ассоциации за гендерное равенство и член предвыборного штаба Юна, опубликовал пост, одобряющий деятельность «Новой мужской солидарности». Он отметил, что организация «раскрыла проблемы радикального феминистского фашизма» и стала «движущей силой, объединившей множество молодых людей», а также подчеркнул её успех в продвижении так называемой рыночной модели антифеминизма. Ли заявил, что вместе они находятся на передовой в создании «нового языка и культуры гендерной гармонии»¹⁹. Однако вскоре публикация была удалена, а позднее Демократическая партия обвинила семерых членов Консервативной партии и «Новой мужской солидарности» в координированных попытках манипуляции онлайн-комментариями и дезинформации в ходе избирательной кампании²⁰.

¹⁷ 윤석열 “여가부 개편·축법소년 만 12 세로 하향” 청년 공약 발표 [Юн Сок Ёль заявляет о реорганизации Министерства...]. 동아일보 [The Dong-A Ilbo], 21.10.2021. URL: <https://www.donga.com/news/Politics/article/all/20211021/109820773/1> (дата обращения: 22.09.2025). (На кор.).

¹⁸ 이대남에 손짓하는 이재명·윤석열, 나란히 '여가부 개편' 공약 [Ли Джэ Мён и Юн Сок Ёль обращаются к идэнам, обещая реорганизовать Министерство...]. 연합뉴스 [Yonhap News], 10.11.2021. URL: <https://www.yonhapnews.co.kr/view/AKR20211110049200001> (дата обращения: 26.10.2025). (На кор.).

¹⁹ “신남성연대 응원” 글 삭제한 국힘 양성평등특위장..."전혀 무관" [Глава Комитета по гендерному равенству Консервативной партии удалил пост в поддержку «Новой мужской солидарности», заявив, что он «совершенно не имеет к нему отношения】. 부산일보 [Busan Ilbo], 28.01.2022. URL: <https://www.busanilbo.com/view/busan/view.php?code=2022012816505074001> (дата обращения: 20.09.2025). (На кор.).

²⁰ 민주 "조직적 댓글 조작"...국힘·신남성연대 관계자 7 명 고발 [Демократическая партия обвиняет семерых членов Консервативной партии и «Новой мужской солидарности» в систематической манипуляции комментариями]. 연합뉴스 [Yonhap News], 10.02.2022. URL: <https://www.yonhapnews.co.kr/view/AKR20220210056700001> (дата обращения: 20.09.2025). (На кор.).

Таким образом, данные организации выступили как посредники между интернет-активизмом, молодёжной аудиторией и избирательной кампанией Консервативной партии, конвертируя беспокойство молодых мужчин в электоральное поведение. Молодёжь стала важным электоральным блоком: по данным Gallup, около 44 % мужчин 18–29 лет поддерживали Консервативную партию, в то время как среди женщин того же возраста предпочтение отдавалось Демократической партии²¹.

Пример молодёжного мужского электората Республики Корея демонстрирует, как ощущение уязвимости находит выражение в политической мобилизации. Президентская кампания 2022 г. продемонстрировала гендерную электоральную дифференциацию южнокорейского общества [Асмолов 2022: 93]: поддержка упразднения Министерства по вопросам гендерного равенства и семей стала символом сопротивления молодёжи, в частности мужчин, так называемой феминистской республике.

Результаты президентских выборов 2025 г. также подтвердили гендерную электоральную дифференциацию в южнокорейской политике. Итоги голосования завершились победой кандидата от Демократической партии Ли Чжэ Мёна, однако наибольшее внимание вызывает не само распределение голосов, а электоральное поведение мужчин в возрасте 20–29 лет. Согласно данным экзитполлов, значительная часть молодых избирателей-мужчин не поддержала ни победителя Ли Чжэ Мёна, ни основного оппонента, консерватора Ким Мун Су, а отдала голоса третьему кандидату – основателю новой партии «Партия новых реформ» (개혁신당) Ли Джун Соку²².

Это явление демонстрирует формирование самостоятельной политической идентичности поколения *идэнам*, выходящей за рамки традиционного противостояния демократов и консерваторов. Молодые мужчины, выросшие в цифровую эпоху и в условиях нестабильности рынка труда, всё чаще связывают своё социальное положение с несправедливым распределением возможностей и ресурсов между полами. Согласно данным опроса Корейского центра изучения общественного мнения, проведённого в феврале 2025 г., среди мужчин в возрасте 18–29 лет большинство (59 %) придерживается мнения, что «оба пола в равной степени подвергаются дискриминации», однако по сравнению с 2024 г. доля респондентов, считающих, что «мужчины страдают больше женщин», выросла с 19 % до 35 %²³. Настроениями подобного характера пользуются политики, как, например, упомянутый Ли Джун Сок, с 2021 г. формирующий имидж представителя интересов

²¹ 데일리 오피니언 제 481 호(2022년 1월 4주) – 대선 후보 지지도, 지지 후보 공약 인지 정도, 설명절맞이 계획, 경제 전망 (1 월 통합 포함) [Рейтинги поддержки кандидатов в президенты от 4 января 2022 г.]. Gallup Korea. URL: <https://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=1269> (дата обращения: 20.09.2025). (На кор.).

²² [출구조사] ‘이대남녀’ 표심 확 갈렸다...남성은 이준석·김문수, 여성은 이재명 [Экзитпол]. Электоральное поведение молодого поколения: Ли Джун Сок и Ким Мун Су – выбор мужчин, Ли Чжэ Мён – женщин]. KBS News, 03.06.2025. URL: <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=8270971> (дата обращения: 14.07.2025). (На кор.).

²³ [2025 젠더인식조사] 우리 사회 젠더갈등 심각성 인식과 성차별 경험 [Опрос 2025 г. о восприятии гендерных проблем: Восприятие серьёзности гендерного конфликта в корейском обществе и случаи гендерной дискриминации]. 한국리서치 여론조사본부 [Корейский исследовательский центр общественного мнения], 22.04.2025. URL: <https://hrcopinion.co.kr/archives/32695> (дата обращения: 14.07.2025). (На кор.).

молодого мужского избирателя²⁴. В 2023 г. Ли Джун Сок, годом ранее занимавший пост главы партии «Сила народа», объявил о выходе из партии и создании «Партии новых реформ» как альтернативы двухпартийной системе²⁵. В риторике Ли звучат запросы молодёжи: призывы упразднить Министерство по вопросам гендерного равенства и семей, критика феминизма, отмена квот для женщин, а также проблемы обратной дискриминации. Провозглашённая им независимость от двух ведущих партий вкупе с акцентом на вопросах справедливости и равенства возможностей между полами обеспечили ему поддержку со стороны поколения *идэнам*, увидевшего в его политике возможность быть услышанным.

Заключение

Таким образом, избирательное поведение молодого поколения становится индикатором трансформаций в гендерной и политической культуре Республики Корея: его политическое самоопределение основано не столько на партийных предпочтениях, сколько на эмоциональной идентичности. В её формировании играет роль и южнокорейская интернет-культура, одновременно отражающая и конструирующая характер отношений между полами внутри молодого поколения. Южнокорейская интернет-культура с конца 1990-х гг. прошла путь от спонтанных анонимных онлайн-дискуссий до становления значимым инструментом общественно-политической мобилизации. Интернет-неологизмы, зародившиеся как форма сатирического высказывания и социального комментария, со временем эволюционировали в идеологические маркеры и средство выражения коллективных настроений. Развитие цифрового активизма, от феминистских движений Megalia и WOMAD до мужских объединений вроде «Новой мужской солидарности», продемонстрировало, как Интернет стал пространством формирования и воспроизведения новых моделей идентичности и современной политической повестки.

Социальные сети и онлайн-платформы способствовали усилинию гендерной поляризации южнокорейского общества, но одновременно предоставили молодому поколению новые формы участия в политике страны. Использование цифровых сообществ и риторики «справедливости» политическими лидерами, такими как Ли Джун Сок и Юн Сок Ёль, демонстрирует институционализацию интернет-дискурса в рамках избирательной политики и оформление «сетевых» идентичностей в реальную политическую силу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Асмолов К.В. Президентские выборы-2022 в Республике Корея // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 80–96. DOI 10.31857/S013128120019649-4
- Ким Н.Н., Хохлова Е.А. Эволюция социального положения женщин в Корее: от традиционного общества к современному // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 3. С. 106–122.

²⁴ 이준석, 與 반성문에 "여성주의에만 올인한 결과" [Ли Джун Сок: «Это результат полной ставки на феминизм】. *JoongAng Ilbo*, 09.04.2021. URL: <https://www.joongang.co.kr/article/24031938> (дата обращения: 14.07.2025). (На кор.).

²⁵ 이준석, 국민의힘 탈당·신당 창당 선언…“모든 정치적 자산 포기” [Ли Джун Сок объявляет о выходе из партии «Сила народа» и создании новой партии]. *KBS News*, 27.12.2023. URL: <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=7852000> (дата обращения: 20.09.2025). (На кор.).

Мозоль Т.С. Эволюция стереотипов маскулинности в корейском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2021. Т. 13. № 2. С. 212–233. DOI 10.21638/spbu13.2021.206

Самсонова В.Г. Рынок труда и экономическое развитие Республики Корея. Москва : Институт Китая и современной Азии РАН, 2025. 188 с. DOI 10.48647/ICCA.2025.69.15.001

REFERENCES

- Asmolov K.V. (2023). Prezidentskiye vybory-2022 v Respublike Koreya [Presidential elections-2022 in the Republic of Korea]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], 2: 80–96. (In Russian). DOI 10.31857/S013128120019649-4.
- Kim N.N., Khokhlova E.A. (2017). Evolyutsiya sotsial'nogo polozheniya zhenshchin v Koreye: ot traditsionnogo obshchestva k sovremennomu [Evolution of the social status of women in Korea: from traditional to modern society]. *Vostok. Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'* [Oriens. Afro-Asian Societies: History and Modernity], 3: 106–122. (In Russian).
- Mozol' T.S. (2021). Evolyutsiya stereotipov maskulinnosti v koreyskom yazyke [Evolution of masculine gender stereotypes in Korean]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedeniye i afrikanistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies], 2 (13): 212–233. (In Russian). DOI 10.21638/spbu13.2021.206
- Samsonova V.G. (2025). *Rynok truda i ekonomicheskoye razvitiye Respubliki Koreya* [The Labor Market and Economic Development of the Republic of Korea]. Moscow: ICCA RAS. 188 p. (In Russian). DOI 10.48647/ICCA.2025.69.15.001

* * *

Ahn Jin Hyun (2018). *Hanguk midieo-e natanan yeoseong oemo damron: 2000-nyeon ihu nyuseu gisa bunseogeul jungsimeuro* [Discourse on Women's Appearance in the Korean Media: Focusing on Analysis of News Articles since 2000]. Doctoral dissertation. Seoul National University. (In Korean). [안진현. 한국 미디어에 나타난 여성 외모담론: 2000년 이후 뉴스 기사 분석을 중심으로].

Andronic M. (2025). *'Life is to Protest': Evolution of Korean Women's Performance and Contentious Resistance*. Thesis. Università Degli Studi Di Padova.

Ashman A.L. (2021). The Kimchi-Bitch cultural complex: Modern misogyny, memes, and millennial men in South Korea. In: *Cultural Complexes in China, Japan, Korea, and Taiwan: Spokes of the Wheel*, 227–258. Routledge. DOI 10.4324/9781003007647-15

Choi Young Ji (2017). *Sobisahoe-wa cheongnyeon sedae-ui 'yeoseong hyeomo'* [Consumer Society and Misogyny Among Young People]. Master's thesis. Seoul National University. (In Korean). [최영자. 소비사회와 청년세대의 '여성혐오'].

Jung Hee Jin, Cho Ami (2021). Online seongbyeol hyeomo pyo hyeon-e gwanhan yeongu: cheongsongyeoni sayonghaneun 'gimchi-nyeo' kiwo-deureul jungsimeuro [A study on online gender based hate speech. Focusing on the keyword 'Kimchi-nyeo' used by teenagers]. *Journal of Future Oriented Youth Society*, 18 (2), 65–91. (In Korean). DOI 10.34244/JFOYS.2021.18.2.4 [정희진, 조아미. 온라인 성별 혐오표현에 관한 연구 -청소년이 사용하는 '김치녀' 키워드를 중심으로-].

Kim Bo-Myun (2018). Hyeomo-ui jeongdong gyeongjehak-gwa peominiseuteu jeohang: Ilgan Besteul, Megallia, geurigo Womad-reul jungsimeuro [Late modern misogyny and feminist politics: the case of IlBe, Megalia, and Womad]. *Journal of Korean Women's Studies*, 34 (1), 1–31. (In Korean). DOI 10.30719/jkws.2018.03.34.1.1 [김보명. 혐오의 정동경제학과 페미니스트 저항: <일간 베스트>, <메갈리아>, 그리고 <워마드>를 중심으로].

Kim Bo-Myung (2024). Hanguk sahoe bosu upa antifeomineojeum-ui damron-gwa silcheon: 20dae namseong-gwa bosu gaesingyo antifeomineojeumeul jungsimeuro [Discourse and practice of

- conservative antifeminism in South Korea: focusing on men in their twenties and conservative protestant antifeminism]. *Journal of Korean Women's Studies*, 40 (1), 183–211. (In Korean). DOI 10.30719/JKWS.2024.03.40.1.183 [김보명. 한국사회 보수우파 안티페미니즘의 담론과 실천: ‘20 대 남성’과 보수개신교 안티페미니즘을 중심으로].
- Kim D. (2020). Mirroring the misogynistic wor(l)d: civic imagination and speech mirroring strategy in Korea's online feminist activism. In: *Popular Culture and the Civic Imagination: Case Studies of Creative Social Change*, 152–161. NYU Press. DOI 10.18574/nyu/9781479891252.003.0017
- Kim J. (2018). Misogyny for male solidarity: online hate discourse against women in South Korea. In: *Mediating Misogyny: Technology, Gender, and Harassment*, 151–169. DOI 10.1007/978-3-319-72917-6_8
- Kim Y. (2021). Mirroring misogyny in Hell Choson: Megalia, Womad, and Korea's feminism in the age of digital populism. *European Journal of Korean Studies*. DOI 10.33526/EJKS.20212002.101
- Song J. (2014). The Soybean Paste Girl: the cultural and gender politics of coffee consumption in contemporary South Korea. *The Journal of Korean Studies* (1979–), 19 (2): 429–448.

Поступила в редакцию:	27.10.2025	Received:	Oct 27, 2025
Принята к публикации:	29.11.2025	Accepted:	Nov 29, 2025

DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-99-109

Японская газета «Урадзио ниппо» и её эпоха, 1917–1930 годы

Часть 2

Ёсида Нориаки¹

¹ Университет Риссё, Япония

Аннотация. Статья представляет собой продолжение исследования японоязычной газеты «Урадзио ниппо», издававшейся во Владивостоке в период с 1917-го по 1930-е гг., с акцентом на её русскоязычной версии «Владиво ниппо». На основе анализа архивных материалов, включая документы МИД и Министерства обороны Японии, а также научных публикаций автор реконструирует историю издания в контексте японской интервенции на Дальнем Востоке России и последующих советско-японских отношений. Центральное место в работе занимает анализ целей и содержания «Владиво ниппо», выпуск которой был инициирован в апреле 1920 г. японскими военными властями для пропаганды среди русского населения и противодействия антияпонским настроениям. Показано, что газета, будучи коммерческим изданием для местной японской диаспоры, была вынуждена выполнять и пропагандистские функции, оказавшись под контролем Особой службы японской армии. В статье также прослежена судьба издания после вывода японских войск в 1922 г., его адаптация к новым политическим реалиям и роль в отражении жизни японской общины Владивостока вплоть до 1931 г. Отдельное внимание уделено таким аспектам, как репатриация японских граждан, освещение культурных событий, например, гастролей труппы кабуки Итикава Садандзи II в 1928 г., закрытие города для посещения иностранцами в 1930-е гг.

Исследование демонстрирует, что «Владиво ниппо» служит ценным историческим источником, раскрывающим многогранную картину жизни японской диаспоры, механизмы пропаганды в условиях иностранной оккупации и сложный характер советско-японских отношений в переломный период истории Дальнего Востока.

Ключевые слова: Япония, Владивосток, межкультурная коммуникация, история, интервенция, репатриация, пропаганда.

Автор: Ёсида Нориаки, PhD (социология), Институт гуманитарных наук, Университет Риссё (адрес: 4-2-16 Осаки, Синагава-ку, Токио 141-8602, Япония). ORCID: 0009-0001-4426-1689. E-mail: yoshida.noriaki@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Автор благодарит переводчиков – Игоря Савельева (Университет Нагоя) и Евгения Филиппова (Российская национальная библиотека) за ценные замечания.

Для цитирования: Ёсида Н. Японская газета «Урадзио ниппо» и её эпоха, 1917–1930 годы. Часть 2 // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 4. С. 99–109. DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-99-109

The Japanese newspaper Urajio Nippo and its era, 1917–1930

Part 2

Yoshida Noriaki¹

¹ Rissho University, Japan

Abstract. The article continues the study of the Japanese-language newspaper “Urajio Nippo”, published in Vladivostok from 1917 to the 1930s, with a emphasis on its Russian-language version “Vladivo Nippo”. Based on the analysis of archival materials, including documents from the Ministry of Foreign Affairs and Ministry of Defense of Japan, as well as scientific publications, the author reconstructs the newspaper’s history in the context of the Japanese intervention in the Russian Far East and subsequent Soviet-Japanese relations. The focus of the work is the analysis of the goals and content of “Vladivo Nippo”, the release of which was initiated in April 1920 by the Japanese military authorities to promote propaganda among the Russian population and counter anti-Japanese sentiments. It is shown that the newspaper, as a commercial publication for the local Japanese diaspora, was also forced to perform propaganda functions under the control of the Special Service of the Japanese Army. The article also traces the fate of the publication after the withdrawal of Japanese troops in 1922, its adaptation to new political realities and its role in reflecting the life of the Japanese community in Vladivostok until 1931. Special attention is paid to such aspects as the repatriation of Japanese citizens, coverage of cultural events, such as the tour of the Ichikawa Sadanji II kabuki troupe in 1928, and the closure of the city to foreigners in the 1930s.

The study demonstrates that “Vladivo Nippo” serves as a valuable historical source that reveals the multifaceted picture of the life of the Japanese diaspora, the mechanisms of propaganda under foreign occupation, and the complex nature of Soviet-Japanese relations during a crucial period in the history of the Far East.

Keywords: Japan, Vladivostok, intercultural communication, history, intervention, repatriation, propaganda.

Author: Yoshida Noriaki, PhD (Sociology), Institute of Humanistic Sciences, Rissho University (address: 4-2-16 Osaki, Shinagawa-ku, Tokyo 141-8602, Japan). ORCID: 0009-0001-4426-1689. E-mail: yoshida.noriaki@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. The author thanks the translators Igor Savyev (Nagoya University) and Evgeny Filippov (National Library of Russia) for their valuable comments.

For citation: Yoshida N. (2025). Yaponskaya gazeta «Urajio nippo» i yevo epokha, 1917–1930 gody. Chast' 2 [The Japanese newspaper Urajio Nippo and its era, 1917–1930. Part 2]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (4): 99–109. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-99-109

Основание русскоязычной версии «Владиво ниппо»

11 апреля 1920 г. вместе с японской была запущена и русская версия «Владиво ниппо» (илл. 1) [Yoshida 2025a; Ёсида 2025]. Хотя место архивного хранения экземпляров русскоязычной версии предполагалось и ранее, но документально её существование было подтверждено лишь в 2005 г., когда Д. Зайцев обнаружил оригинальные издания во время исследований в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА

ДВ, Владивосток). Ввиду отсутствия доступа к русскоязычной версии газеты, дальнейший анализ строится на уже существующих исследованиях [Morgan 2016: 194–205].

Илл. 1. Русскоязычное издание «Владиво ниппо», 1920 г.

III. 1. “Vladivo Nippo”, Russian-language edition, 1920.

О причинах начала выпуска русскоязычной версии в первом номере «Владиво ниппо» говорилось следующее: «Российские газеты и журналы призывают к международному расследованию действий японского командования, отказываясь при этом публиковать заявления и сообщения японских властей. Можно сказать, что эти действия заставляют Японию замолчать. Можем ли мы в таких условиях ожидать, что события будут оцениваться справедливо? Поэтому, чтобы предоставить широкой общественности информацию, необходимую для беспристрастной и справедливой оценки событий, редакция приняла решение о выпуске русскоязычной версии “Владиво ниппо”» [Зайцев 2005: 71].

Таким образом, издание русскоязычной версии «Владиво ниппо» было учреждено с целью трансляции российским гражданам заявлений, уведомлений и пропагандистских материалов, исходивших от японских властей или военных. Газета распространялась бесплатно в районах, оккупированных японскими войсками. Издание первого выпуска также совпало с образованием Дальневосточной республики (6 апреля 1920 г.). Перед газетой стояла задача разъяснять русскому населению действия японских военных.

Примерно к 1920 г. среди местного населения уже утвердилось мнение, что японские войска должны быть выведены из России. Штаб Военного правительства Владивостока был обеспокоен этим и начал издавать собственную газету «Урадзио Асахи», чтобы составить конкуренцию «Владиво ниппо»³. Однако данное издание не имело влияния ни на жителей-японцев, ни на россиян. Вследствие этого Идзомэ Рокуро:, командующий армейскими

³ В существующих исследованиях не встречается примеров использования «Урадзио Асахи» в качестве источника информации, однако в документах Министерства обороны имеются описания, указывающие на существование данной газеты. См.: «Отчёт о газетной статье под названием “Драка на мечах между военной полицией и моряками”». JACAR Ref. C06032076000, Отчёты военной полиции об экспедиции в Сибирь, Западное направление с 1918 по 1922 гг. Национальный институт оборонных исследований Министерства обороны Японии.

силами специального назначения в Приморском крае, попытался наладить сотрудничество с редакцией «Владиво ниппо» [Morgan 2016: 195]. У местных оккупационных сил не было ресурсов для проведения пропагандистской деятельности среди русского населения, поэтому они решили поставить «Владиво ниппо» на службу своим интересам. С апреля при поддержке командующего 5-м флотом, контр-адмирала Като: Хирохару и генерального консула Кикути Ёсиро: во Владивостоке началась публикация русской версии газеты.

За год до выхода русскоязычного издания, 23 марта 1919 г., Идзууми Рё:носукэ через генерального консула Кикути Ёсиро: направил министру иностранных дел Утида Ко:сай «ходатайство» о приобретении российских печатных станков для печати русского издания «Владиво ниппо»⁵.

В русскоязычной версии «Владиво ниппо» публиковались международные и региональные новости на разные темы, включая политику, экономику и культуру. Как и в японской версии, большую часть составляла реклама японских магазинов, предприятий, торговых компаний и т.д. В газете также размещались интервью с высокопоставленными японскими чиновниками, военными и бизнесменами, а наиболее читаемые жителями Владивостока статьи писали лояльные Японии российские журналисты, работавшие в редакции [Зайцев 2005: 71].

Первой задачей было запустить еженедельную газету с двумя статьями, а в течение месяца превратить её в ежедневную. В разделе телеграмм половина страницы приходилась на зарубежные сообщения, отправленные во 2-ю армейскую дивизию, в раздел новостей шли переводные статьи из японской версии. Наиболее спорные редакционные статьи, комментарии и мнения публиковались агентами Особой службы [Зайцев 2005: 71].

Главным редактором был Ямаути Хо:сукэ, эксперт по России, свободно говоривший по-русски. В декабре 1922 г. Министерство иностранных дел Японии обещало заплатить Ямаути гонорар за 30 экземпляров: «Учитывая тенденцию к дальнейшему потеплению отношений между Японией и Россией в будущем, я считаю его план перспективным, и чтобы помочь ему завершить проект, я обещаю, что хочу приобрести первые 30 экземпляров издания и предоставлю аванс в сумме 100 иен»⁸.

Упоминаемый ранее генерал армии Хигути Киитиро: также указывает на отсутствие влияния на русское население как на проблему «Владиво ниппо»: «Во Владивостоке выходила японоязычная газета “Урадзио ниппо”. Размером он был примерно с небольшой город в Японии. Однако это ежедневное издание. И поскольку эта японоязычная газета действовала в соответствии с интересами военных, местные японские жители в целом

⁵ Идзууми Рё:носукэ. «Ходатайство». JACAR Ref. B11090476400 (4. Создание русского отделения «Урадзио ниппо», октябрь 1918 г.) Вопросы, касающиеся экономической помощи и пропаганды в Западной Азии» (B-3.4.1.23-8). Дипломатический архив Министерства иностранных дел Японии. Основной текст выглядит следующим образом: «В связи со сложившейся ситуацией в июле прошлого года головной офис ощутил острую необходимость в издании русскоязычной газеты. Поэтому мы приобрели российские печатные станки для выпуска газеты, а газетный бизнес не является прибыльным. Особенно это актуально, когда речь идёт об издании газет на иностранных языках».

⁸ «7. Ямаути Хо:сукэ». JACAR Ref. B03040730300, Разные вопросы, связанные с пропагандой / Заказные и субсидируемые публицисты и другие вопросы, связанные с расходами на пропаганду // Секция японцев. Том 4 (1.3.1.35-1-1_004) (создан 26 декабря 1922 г.) Дипломатический архив Министерства иностранных дел Японии. Документ включает адресованную Хирота Ко:ки визитную карточку генерального директора Европейского и Американского департамента Министерства иностранных дел Мацудайра Цунэо, а также сообщение, представляющее Ямаути. Прилагается визитная карточка Ямаути, на которой написано: «Ямаути Хо:сукэ, главный редактор русской версии “Владиво ниппо”».

сохраняли спокойствие и не проявляли никаких признаков беспокойства или волнения. Однако для русских, похоже, ситуация становилась всё более тревожной и неясной. Процветала атмосфера недоверия и растерянности. Сила убеждения “Владиво ниппо” не может в них проникнуть. Даже если японец скажет своему русскому знакомому, что ситуация такая-то и такая-то и что ему не о чем беспокоиться, русский человек не успокоится, пока не увидит это собственными глазами» [Higuchi 1971: 82].

Рассматривая обстоятельства, которые привели к началу издания газеты на русском языке, можно отметить тесную связь с «Инцидентом по разоружению» 4 апреля 1920 г.⁹. Инцидент произошёл рано утром, когда местные японские войска атаковали партизанские отряды в городах Приморского края, включая Владивосток и Хабаровск. Сразу после событий японскими военными была приостановлена деятельность местных российских СМИ. Возникший в результате недостаток информации вызвал беспокойство среди широкой общественности, начали распространяться слухи. В основном они касались вопросов о действиях японских военных в будущем: будет ли установлено военное правление, какое правительство белых возникнет. В то время во Владивостоке скрывались тысячи революционеров, а простые горожане опасались выходить в тёмное время суток из-за возможных происшествий.

Ниже перечислены русские версии статей, приведённые в статье Зайцева [Зайцев 2005: 74–83]. Однако, хотя публикации представлены вплоть до выпуска газеты № 111, не установлено точно, до какого времени публиковалась русскоязычная версия.

- 15 апреля 1920 г., русскоязычное издание, № 2, «О событиях в Николаевске-на-Амуре»;
- 18 апреля 1920 г., русскоязычное издание, № 3, «Владивосток, 18 апреля»;
- 22 апреля 1920 г., русскоязычное издание, № 3, «О происшествии»;
- 14 мая 1920 г., русскоязычное издание, № 10, «Письмо в редакцию “Нельзя молчать”»;
- 1 октября 1920 г., русскоязычное издание, № 89, «Текущая ситуация на Северном Сахалине. Владивосток, 29 сентября»;
- 2 октября 1920 г., русскоязычное издание, № 90, «Положение в городе Александровск на Сахалине»¹¹;
- 28 октября 1920 г., русскоязычное издание, № 111, «Результаты безрассудства».

В 1922 г., после отъезда Идзути из Владивостока, издание русскоязычной версии газеты «Владиво ниппо» было приостановлено. Издание же японской версии продолжил оставшийся во Владивостоке Такай Кунихико [Morgun 2006: 210]. Как вспоминает генерал Хигути, запуск русскоязычной версии издания входил в задачи Владивостокского отдела Особой службы, и он как глава ведомства отвечал за все процессы от редакции до печати. Дальнейшее изучение миссии и роли, возложенной на Особую службу, остаётся для будущих исследований.

⁹ Имеется ~~ввиду~~ в виду «Николаевский инцидент», когда в ночь с 4 на 5 апреля 1920 г. японцы напали на органы советской власти и военные гарнизоны Дальневосточной республики в Хабаровске, Владивостоке, Спасске, других городах Дальнего Востока России и захватили их.

¹¹ Имеется ~~ввиду~~ в виду г. Александровск-Сахалинский.

Репатриация японских жителей и прекращение издания «Урадзио ниппо»

В 1920 г., даже после того, как Владивосток покинули последние иностранные силы, в нём всё ещё оставались японские войска. Однако в 1922 г. Япония, наконец, была вынуждена вывести свои войска из-за внутреннего и внешнего давления. Причинами явилось, во-первых, то, что поражение контрреволюции в России было неизбежно; во-вторых, на Вашингтонской конференции японские представители были вынуждены сделать чёткое заявление о намерении вывести свои вооружённые силы; и, в-третьих, внутренние оппозиционные партии наряду с общественным мнением начали оказывать сильное давление на правительство. В итоге 25 октября 1922 г. последний японский военный корабль покинул порт Владивосток. В город на правах победителя вошла Народно-революционная армия Дальневосточной республики, тепло встреченная местными жителями.

Хотя оставшиеся во Владивостоке мирные японские жители хотели продолжить свою хозяйственную и экономическую деятельность, после октября 1922 г. ситуация стала настолько тяжёлой, что японскому правительству было подано несколько «прошений о помощи» и «предложений» о репатриации. По состоянию на 1 августа на территории Дальнего Востока находилось 3386 японцев, но к середине октября многие покинули страну. В конце того же года вернулся на родину и Идзууми, главный редактор «Урадзио ниппо». Правительство Японии оказалось поддержку беженцам, оплатив транспортные расходы и бесплатно предоставив корабли. Также на дальневосточной территории осталось 15 тысяч корейцев, которые хотели репатриироваться, однако, несмотря на то что они были подданными Японской империи, им не позволили подняться на борт [Asada 2016: 211]. Российская сторона разрешила остаться желающим, за исключением тех японских граждан, у кого по разным причинам возникали сложности с законом. Судоходные компании, филиалы банков, а также японские начальные школы продолжили свою деятельность. Подтверждением служит тот факт, что их рекламу можно найти в соответствующем разделе «Урадзио ниппо» того времени. 6 августа 1922 г. на первой полосе газеты было опубликовано следующее стихотворение¹³:

Прощай, Владивосток!
*Aх, Владивосток!*¹⁴
Вот и настал день разлуки.
Так долго ты
Заботился обо мне.
Я с тобой расставаясь,
В край далёкого моря
Должен вернуться <...>

Канно Юмэко

¹³ «Урадзио ниппо» № 1333. Выпуск от 6 августа 1922 г. «Длинная поэма», «Прощай, Владивосток!».

¹⁴ В оригинале японское название Владивостока – Урасио/Урадзио 浦潮, что можно перевести как «морской прилив».

Согласно сообщению «Осака Асахи симбун» от 21 января 1923 г., в связи с выводом японских войск проект репатриации был прекращён 13 января 1923 г. [Morgun 2016: 323]. Всего репатрировалось 4347 человек, из которых 3916 получили оплату транспортных расходов и другую поддержку от Министерства иностранных дел. Однако были и те, кто остался. В вечернем выпуске той же газеты от 24 марта сообщалось, что Ассоциация японских жителей Владивостока проводила исследование на тему: «Сбор информации от предприятий и частных лиц ниже среднего класса в основном завершён, и недавно начато исследование и подсчёт тех, кто живёт с русскими в своих домах». В сообщении отмечалось, что было опрошено более 400 человек, и предполагалось, что их число достигнет 800.

С октября 1922 г. по декабрь 1923 г. многие выпуски «Урадзио ниппо» отсутствуют. Считается, что после вывода японских войск газета специализировалась на информации о повседневной жизни и местных новостях, как и в первых изданиях. Подтвердить или опровергнуть эти предположения о содержании выпусков невозможно из-за отсутствия документальных источников.

Когда Такай Кунихико, сотрудника редакции «Урадзио ниппо», спросили о его планах относительно репатриации, он ответил, что хочет остаться во Владивостоке и продолжить работу. Такай, который прекрасно владел русским языком и был женат на русской, продолжил издавать газету. По состоянию на 1923 г. во Владивостоке по-прежнему проживало более 700 японцев, Ассоциация японских жителей продолжала действовать, и поэтому вполне вероятно, что у газеты ещё оставалось определённое количество читателей.

20 января 1925 г. была подписана Советско-японская конвенция об основных принципах взаимоотношений (Японо-советский основной договор)¹⁷, и японское правительство признало СССР. Во Владивостоке было открыто японское консульство, а в Токио – советское посольство.

На базе этого договора в 1927 г. были заключены два концессионных соглашения на разработку проекта освоения лесов и месторождений золота в Приморском крае. В 1928 г. вступил в силу Японо-советский договор о рыболовстве, и ежегодно в феврале во Владивостоке стали проводиться аукционы рыболовных зон. Кроме того, через порт Владивосток за границу отправлялись большие партии зерна из Манчжурии. По этим причинам в городе продолжали жить японцы, для которых по-прежнему издавалась «Урадзио ниппо».

Страницы «Урадзио ниппо» отражают хронику взаимодействия двух стран вплоть до того момента, когда японо-советские отношения стали приобретать всё более хаотичный характер. Подробное изучение газеты позволяет проследить судьбы японских политиков, художников и писателей, которые в то время переезжали из Владивостока в Харбин и другие районы Северо-Восточного Китая.

В качестве примера можно привести сообщения газеты о гастролях Итикава Садандзи II и его труппы по Советскому Союзу, которые стали первым зарубежным выступлением в истории *кабуки*. В контексте той эпохи 1928 г. оказался очень важным в советско-японских отношениях, ознаменовав поворотный момент в последующей дипломатии между странами.

¹⁷ Пекинский договор 1925 года (официальное название – Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией). Документ подписан в Пекине 20 января 1925 г.

Визит Итикава Садандзи II был событием скорее политическим, чем культурным. Он стал возможен благодаря приглашению со стороны руководства СССР артистов в качестве государственных гостей. Поскольку в Японии отношение к коммунизму становилось всё более враждебным, Советский Союз рассматривал «культурный обмен как один из немногих способов улучшить отношения с Японией» [Nagata et al. 2017: 94–95]. В период с 11 июля по 14 сентября труппа «Сётику кабуки» с участием Садандзи выступила 14 раз в Москве и 8 раз в Ленинграде.

«Урадзио ниппо» несколько раз писала о труппе Садандзи и её пребывании во Владивостоке в качестве промежуточной остановки. Согласно сохранившимся экземплярам газеты, в период с апреля по сентябрь можно найти девять связанных с этими событиями статей¹⁹. Труппа прибыла во Владивосток из Японии на судне «Кагимару». Хотя их пребывание длилось всего один день, они успели осмотреть город и дать спектакль в театре, где потом прошла встреча со зрителями. Несмотря на то, что статьи не содержат подробных описаний, по их тональности ясно, что Владивосток тепло встретил актёров кабуки, визит прошёл в доброжелательной и гостеприимной атмосфере.

В открытке без указания даты, но, вероятно, отправленной Идзууми в 1930 г. для Кунихико Такай, вместе с новогодним поздравлением содержалось следующее сообщение: «Наше детище! Основанная 13 лет назад газета “Урадзио ниппо” после публикации около 3500 номеров из-за перебоев с поставками бумаги, налоговых проблем и ухудшением условий жизни жителей пришла к тому, что её закрытие неизбежно» [Saveliev 1996: 121]²⁰. Фактически это было уведомление редактора о прекращении издания газеты.

Об ухудшении ситуации свидетельствует также и то, что после мая 1930 г. количество страниц в газете «Урадзио ниппо» сократилось с четырёх до двух. Считается, что издание газеты прекратилось после выхода выпуска № 3500 в январе 1931 г. Однако оригинал последнего номера газеты до сих пор не найден, поэтому данный факт документально не подтверждён. В феврале 1931 г. Идзууми Рё:носукэ скончался в своём доме в Асагая в Токио. Символично, что это случилось почти сразу после выпуска последнего номера издания (илл. 2, 3).

¹⁹ Ниже приведён список статей из «Урадзио ниппо»:

- «Несомненно, Садандзи и его труппа отправляются в Россию» (№ 2723. Выпуск от 12 апреля 1928 г.);
- «Садандзи. Едет в Россию!» (№ 2769. Выпуск от 21 июня 1928 г.);
- «Передовая группа труппы Садандзи прибывает в порт, чтобы подготовить декорации» (№ 2777. Выпуск от 3 июля 1928 г.);

• «Прибывает труппа театра Кабуки «Садандзи» из 46 человек. Удивлены приёму и обращению как с государственными гостями» (№ 2787. Выпуск от 17 июля 1928 г.);

- «Садандзи выступил с заявлением в Москве» (№ 2792. Выпуск от 24 июля 1928 г.);

• «Первый день на сцене Кабуки: Юраносукэ О:боси, Тю:сингура (47 самураев), Мусумэ До:дзё:дзи (Девушка в храме До:дзё:дзи) от Садандзи» (№ 2803. Выпуск от 10 августа 1928 г.);

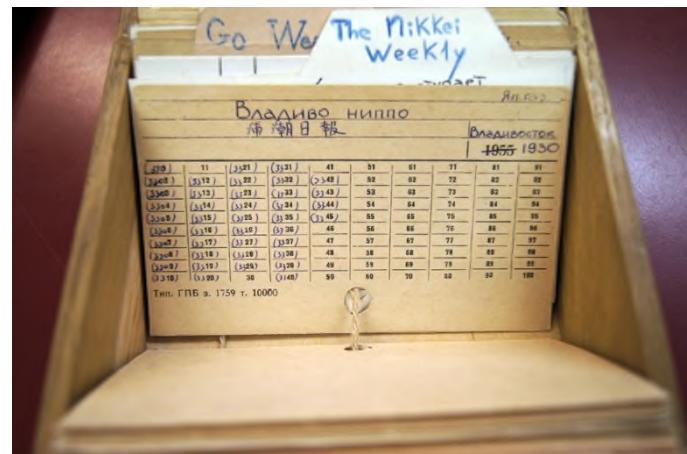
- «Хроника выступлений Кабуки в [Москве]» (№ 2841–2843 от 27 сентября, 3 выпуск).

²⁰ Как упоминалось выше, И. Савельев подтвердил факт хранения в Российской национальной библиотеке оригинальных номеров газеты вплоть до № 3068 (1930 г.), но фактически последний выпуск, который действительно хранится в этом фонде – № 3345 (1931 г.). Он датируется более поздним периодом [Saveliev 1996: 121].

Илл. 2. «Урадзио ниппо», № 3344, 30 декабря 1930 г.

III. 2. “Urajio Nippo”, No. 3344, December 30, 1930.

Илл. 3. Библиотечная карточка с указанием шифра хранения и номеров газеты «Урадзио ниппо».

III. 3. The library card with the storage code and numbers of the newspaper “Urajio Nippo”.

В 1933–1934 гг. Приморское управление органов государственной безопасности СССР неоднократно поднимало вопрос о роспуске Ассоциации японских жителей, утверждая, что она является коллективной шпионской организацией, действующей против Советского Союза. Однако Народный комиссариат иностранных дел СССР опасался, что вопрос о закрытии Ассоциации может вызвать волнения. Связано это с тем, что официально Ассоциация нигде не была зарегистрирована [Morgun 2016: 249–250]. 29 апреля 1934 г. в японском консульстве состоялась последняя встреча её членов. Во Владивостоке постепенно закрывались японские торговые компании. К 1936 г. также исчезли все китайские магазины [Morgun 2016: 254]. В том же году город был закрыт для посещения иностранцами, а дипломатические отношения между Японией и Советским Союзом были разорваны. После подписания Антикоминтерновского пакта²³ в ноябре мирные жители полностью исчезли из города. А в 1937 г. из Владивостока были высланы все японские гражданские лица, за исключением сотрудников консульства.

С тех пор и вплоть до начала перестройки для иностранцев Владивосток стал городом, окутанным тайной. В отличие от Находки, которая служила воротами для возвращения на родину японских интернированных, Владивосток был закрытым военным портом. В 1957 г., вскоре после восстановления дипломатических отношений между Японией и Советским Союзом, писатель Илья Эренбург, посетивший Японию, в своей книге «Японские заметки»

²³ Японо-германское соглашение по обороне от коммунизма, заключённое 25 ноября 1936 г.

отмечал с иронией, что, хотя до неё можно добраться одним рейсом с восточного побережья Советского Союза, «это птицы могут летать, куда им хочется и как нравится». Людям же, чтобы достичь Японии, приходилось сначала отправиться в Москву [Эренбург 1957]. Владивосток был закрыт не только для иностранцев, советские граждане также не могли въехать в город без специального разрешения.

Заключение

Проведённое исследование подтверждает, что газета «Урадзио ниппо» выполняла двойную функцию. С одной стороны, она оставалась типичным коммерческим изданием, ориентированным на повседневные интересы японской диаспоры Владивостока. С другой – в переломные моменты, такие как вывод экспедиционных сил, газета демонстрировала способность формулировать и отстаивать собственную позицию. Более того, как свидетельствуют документы МИД и Министерства обороны Японии, издание целенаправленно использовалось военными Особой службы в качестве инструмента пропаганды, что наглядно проявилось в запуске русскоязычной версии – «Владиво ниппо». Таким образом, «Урадзио ниппо» можно характеризовать как СМИ, вынужденное балансировать между противоречивыми запросами местной общины и стратегическими интересами японской армии. Это внутреннее противоречие между служением местному сообществу и выполнением государственных задач делает «Урадзио ниппо» уникальным историческим источником.

Судьба газеты оказалась неразрывно связана с драматическими перипетиями советско-японских отношений первой половины XX в. Её история отражает более широкие процессы: от сотрудничества и культурного обмена в 1920-е гг. до полного разрыва связей, окончательного прекращения издания на фоне нарастания напряжённости в 1930-е гг. и закрытия города для иностранцев. Через судьбу издания предпринята попытка осветить общий исторический контекст эпохи, показать ключевые процессы и трансформации в медиа и обществе, связанные с японскими жителями Владивостока и военной интервенцией в Сибири. Более детальное изучение сохранившихся номеров газеты представляется перспективной задачей для будущих исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Зайцев Д. Новый взгляд на основание русской версии газеты «Урадзио ниппо» // Север. 2005. № 21.
Ёсида Н. Японская газета «Урадзио ниппо» и её эпоха, 1917–1930 годы. Часть 1 // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 3. С. 67–83. DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-67-83
Эренбург И. Японские заметки // Иностранная литература. 1957. № 8.

REFERENCES

- Erenburg I. (1957). Yaponskiye zametki [Japanese notes]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 8. (In Russian).
- Yoshida N. (2025a). Yaponskaya gazeta «Urajio nippo» i yeyo epokha, 1917–1930 gody. Chast' 1 [The Japanese newspaper Urajio Nippo and its era, 1917–1930. Part 1]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (3): 67–83. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-67-83

Zaytsev D. (2005). Novyy vzglyad na osnovaniye russkoy versii gazety «Urajio nippo» [A new look at the founding of the Russian version of the newspaper “Urajio Nippo”]. *Sever [North]*, 21. (In Russian).

* * *

Asada Masafumi (2016). *Shiberia shuppei kindainihon no wasure rareta shichinensō* [The Siberian intervention: modern Japan's forgotten the Seven Years' War]. Chuko Shinsho, 43 p. (In Japanese).

[麻田雅文『シベリア出兵　近代日本の忘れられた七年戦争』中公新書、2016年、43頁].

Higuchi Kiichiro (1971). *Attsu, Kisuka-gun shirei-kan no kaisō-roku* [Memoirs of the Commander of the Attu and Kiska Forces]. Fuyo Shobo, 82 p. (In Japanese). [樋口季一郎『アツツ、キスカ軍司令官の回想録』芙蓉書房、1971年、82頁].

Morgan Zoya (2016). *Urajiosutoku nihonjin kyoryūmin no rekishi 1860–1937-nen* [The history of Japanese residents in Vladivostok, 1860–1937]. Tōkyōdōshuppan, 193 p. (In Japanese). [ゾーヤ・モルグン『ウラジオストク 日本人居留民の歴史 1860～1937年』東京堂出版、2016年、193頁].

Nagata Yasushi, Ueda Yoko, Uchida Kensuke (2017). Kabuki to Kakumei Roshia: 1928-nen Sadanji ichiza hosokōen to nichiro engeki kōryū [Kabuki and revolutionary Russia: the 1928 Sadanji troupe's visit to the Soviet Union and Japanese-Russian theatrical exchange]. *Shinwasha*: 94–95. (In Japanese). [永田靖・上田洋子・内田健介編『歌舞伎と革命ロシア 一九二八年左団次一座訪ソ公演と日露演劇交流』森話社、2017年、94～95頁].

Saveliev Igor (1996). Nihongo shinbun “Urajio nippō” to Urajiosutoku no nihonjin imin [The Japanese-language newspaper “Urashio Nippo” and Japanese immigrants in Vladivostok]. *Annual Report on Immigration Studies*, 2, March. (In Japanese). [サヴェリエフ・イゴリ「日本語新聞『浦潮日報』とウラジオストクの日本人移民」『移民研究年報』第2号、1996年3月].

Yoshida Noriaki (2025b). “Urajio nippō” to sono jidai 1917–1930 – kyoryūmin, Shiberia shuppei, kyokutōkyōwakoku o tsunaida hōji-shi [The Urashio Daily News and its Era 1917–1930: a Japanese-language newspaper that connected residents, the Siberian intervention, and the Far Eastern republic]. *Intelligence*, 25: 50–63. (In Japanese). [吉田則昭 「『浦潮日報』とその時代 1917–1930—居留民、シベリア出兵、極東共和国をつなぎ邦字紙 」 インテリジェンス. 2025.25.50–63].

Поступила в редакцию:

13.05.2025

Received:

May 13, 2025

Принята к публикации:

01.10.2025

Accepted:

Oct 10, 2025

Очерки

Essays

DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-110-126

Ежегодник «КНР: политика, экономика, культура» – 55 лет аналитики и понимания Китая

Герасимова Татьяна Григорьевна¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. Обзорная статья посвящена 55-й годовщине ежегодника «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура». Кратко представлена предыстория издания, отмечены особенности первых выпусков с 1969 по 1972 г. Публикация ежегодников по Китаю, начатая в экспериментальном порядке, дала положительный импульс формированию серийного научно-информационного издания, которое реализовало идею комплексного подхода к изучению Китая. После снятия ограничительного грифа в 1975 г. оно стало открытым для широкой аудитории. Отмечено, что с 2000 г. всё большее количество статей серии отличается глубоким аналитическим подходом к происходящим в Китае процессам. Приобретённый более чем за полвека существования в научной и общественной среде авторитет ежегодника делает его неформальной визитной карточкой ИДВ/ИКСА РАН. В статье представлена попытка оценить значение первых книг серии и издания в целом, привлечь внимание к исследованиям по тематике «летописи» КНР и пробудить интерес молодых авторов к изучению наследия отечественного китаеведения.

Ключевые слова: КНР, серия «Китайская Народная Республика», ИДВ АН СССР, ИКСА РАН, М.И. Сладковский, информационно-аналитическое издание, ежегодник, советско-китайские отношения, китаеведение.

Автор: Герасимова Татьяна Григорьевна, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0009-0008-9693-7354. E-mail: gerta48@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2024-0015 «Китай: история и современность. Российско-китайские отношения в XVII-XXI веках, перспективы их развития»).

Для цитирования: Герасимова Т.Г. Ежегодник «КНР: политика, экономика, культура» – 55 лет аналитики и понимания Китая // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 4. С. 110–126. DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-110-126

“The PRC: Politics, Economics, Culture” Yearbook – 55 years of analysis and understanding of China

Gerasimova Tat'yana G.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. This review article is dedicated to the 55th anniversary of the yearbook “The People’s Republic of China: Politics, Economics, Culture”. It briefly presents the publication’s background and highlights the features of the first issues from 1969 to 1972. The publication of yearbooks on China, which began as an experiment, gave a positive impetus to the development of a serial scientific information material that implemented the idea of a comprehensive approach to the study of China. After the removal of the restrictive classification in 1975, it became open to a wide audience. It is noted that since 2000, an increasing number of articles have been distinguished by a deep analytical approach to the processes unfolding in China. Over more than 50 years of its existence, the yearbook has acquired authority in academic and public circles, becoming an informal calling card of the IFES (later ICCA RAS). The review attempts to assess the significance of the first books and the series as a whole, to draw attention to research on the topic of the “chronicle” of the PRC, and to arouse interest of young authors in studying the heritage of Russian Sinology.

Keywords: PRC, “The People's Republic of China” series, IFES of the USSR Academy of Sciences, ICCA RAS, M.I. Sladkovskiy, information and analytical publication, yearbook, Soviet-Chinese relations, Sinology.

Author: Gerasimova Tat'yana G., Senior Researcher, Center for the Study of Contemporary History of China and its Relations with Russia, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0009-0008-9693-7354. E-mail: gerta48@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2025-0015 “China: history and modernity. Russian-Chinese relations in the 17th–21st centuries and prospects for their development”).

For citation: Gerasimova T.G. (2025). Yezhegodnik “KNR: politika, ekonomika, kul'tura” – 55 let analitiki i ponimaniya Kitaya [“The PRC: Politics, Economics, Culture” Yearbook – 55 years of analysis and understanding of China]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (4): 110–126. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-4-110-126

В отечественной синологии востребованными и актуальными являются не только фундаментальные, но и малоисследованные труды. К ним можно отнести русскоязычное информационно-аналитическое издание «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура», основанное в 1970 г. Институтом Дальнего Востока (ИДВ) АН СССР. Институт, переименованный в 2022 г. в Институт Китая и современной Азии (ИКСА РАН), и сегодня продолжает публикацию ежегодника в рамках академической традиции.

С момента образования КНР в длительной истории отечественного китаеведения начался новый этап [Никифоров 1970]. На протяжении последней четверти XX столетия назревшая необходимость комплексного отображения научных изысканий по всем направлениям развития Китая требовала практической реализации. Можно утверждать, что её воплощением явилось издание ежегодных справочников информационно-аналитического характера, которое впоследствии стало неформальной визитной карточкой ИДВ АН СССР.

Специализированный ежегодник, выходящий сегодня под названием «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура», выдержал более полувека публикаций. Издание формировалось в специфических политических и методологических условиях, что делает его ценным объектом историографического анализа. На фоне политической поляризации 1960–1970-х гг., охлаждения советско-китайских отношений и ограниченного доступа к первоисточникам из КНР инициатива по созданию регулярного научного обзора китайской действительности представляла собой как исследовательский, так и институциональный вызов.

Следует подчеркнуть, что в советской и постсоветской научной традиции издание не имело аналогов ни по продолжительности существования, ни по широте тематического охвата, ни по регулярности публикаций. Даже в международной практике востоковедения подобные систематические и долгосрочные аналитические проекты встречаются крайне редко, что подчёркивает уникальность ежегодника как научного и издательского явления.

В настоящей статье предлагается историографический обзор первых выпусков 1969–1972 гг. с акцентом на анализе содержания, редакционной концепции, авторского корпуса. Особое внимание уделяется характеристике первых номеров как отражению советской стратегии научного осмысления Китая в эпоху политической напряжённости. Также рассматриваются этапы структурных и содержательных трансформаций ежегодника, его адаптация к меняющимся академическим и политическим условиям.

Источниковая база ежегодного издания

Авторы статей ежегодника «КНР: политика, экономика, культура» традиционно опирались на широкий круг источников, структура и характер которых менялись в зависимости от исторического периода, специфики научной задачи и степени открытости китайского общества. На протяжении всего существования ведущими источниками информации для исследователей оставались официальные документы Коммунистической партии Китая и государственных органов КНР: доклады на съездах КПК, постановления пленумов ЦК, решения Всекитайского собрания народных представителей,

правительственные отчёты, партийные уставы и программы развития. Особое место занимали регулярные публикации в таких изданиях, как «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао», «Цюши», информационные материалы агентства «Синьхуа», а также данные из китайских статистических ежегодников и бюллетеней. Благодаря этим источникам исследователи могли отслеживать официальную риторику, политическую динамику, экономические показатели и институциональные изменения в КНР даже в условиях неполной прозрачности системы.

С 1980-х гг. в работах авторов всё более активно стали использоваться зарубежные источники. Это касалось как академических публикаций западных китаеведов, так и материалов международных организаций – ООН, Всемирного банка, ВТО, МВФ. Большое внимание уделялось международной прессе, особенно при анализе внешнеполитических и имиджевых аспектов стратегии КНР. Использование англоязычных источников позволяло авторам ежегодника выходить за рамки китайской точки зрения и оценивать процессы в КНР в сравнительном и глобальном контексте.

Наряду с внешними источниками важную роль играли собственные материалы Института Дальнего Востока, в том числе внутренние аналитические записки, переводы, информационные обзоры, а также данные, полученные в ходе зарубежных командировок и научных экспедиций. Это делало ежегодник не просто сводом фактов, но интеллектуальным продуктом, созданным на стыке академического анализа и актуальной внешнеполитической экспертизы. В ряде случаев использовались и материалы из российских архивов, публикации документов МИД СССР, ЦК КПСС, а также тексты из советской дипломатической и политической периодики.

В ранние годы издания (1970–1980) источниковая база была заметно ограничена. В условиях информационной закрытости КНР и отсутствия доступа к первичным материалам особую ценность приобретали любые переведённые публикации китайской прессы, данные из редких справочников, официальные декларации и наблюдения советских дипломатов и журналистов. Однако даже в таких условиях авторам удавалось выстраивать целостную картину процессов, происходящих в Китае, опираясь на системный подход, междисциплинарный анализ и долгосрочные наблюдения.

Таким образом, источниковая база ежегодника, сочетавшая официальные китайские документы, международную и российскую аналитику, а также экспертные наработки Института Дальнего Востока, обеспечивала глубину, сбалансированность и достоверность представляемого материала. Статьи в ежегоднике можно рассматривать не только как результат обработки источников, но и как форму их интерпретации, отражающую эволюцию научного взгляда на Китай и его роль в глобальном и региональном контексте.

История создания, контекст появления и концептуальная направленность

Предыстория создания Института Дальнего Востока раскрывает цель и задачи, которые обусловили начало издания ежегодника.

Для советской китаеведческой науки 1950-е гг. были тяжёлыми. Сочетание факторов, связанных с внутриполитическими событиями в Китае и ростом идеологических разногласий КПК с КПСС, повлекло за собой ухудшение советско-китайских отношений [Титаренко

2006], и, к сожалению, их развитие пошло не в русле основных интересов двух стран. Как следствие, объективная информация о деятельности и политике соседа на Востоке для советского руководства оказалась недоступна [К 275-летию… 1999: 4].

В это время закрываются Московский институт востоковедения (старейший учебный центр), Институт китаеведения АН СССР (в тот момент – ведущий научный центр)¹; ликвидируется журнал «Советское китаеведение». Тем не менее, видные учёные-китаеведы того времени – С.Л. Тихвинский, О.Б. Рахманин, М.И. Сладковский и другие – по собственной инициативе предпринимают попытки возродить комплексные исследования по Китаю, решить вопрос сбора объективной научной информации о стране. Для развертывания комплексного изучения советско-китайских отношений и проблем современного Китая в сентябре 1966 г. по решению Президиума АН СССР учреждается Институт Дальнего Востока АН СССР [Герасимова 2006: 12–13]. Коллектив этого молодого центра под руководством М.И. Сладковского² совершает качественный прорыв в синологии и переходит к комплексному изучению не только современного Китая, но и всего дальневосточного региона.

В годы кризиса советско-китайских отношений ИДВ находился в постоянном поиске возможностей для преодоления разногласий и налаживания дружбы между странами, искал подходы к восстановлению сотрудничества с Китаем. При М.И. Сладковском идея комплексного изучения страны получила в ИДВ своё воплощение. Так, в условиях идеологических и политических разногласий между КПСС и КПК Институт с 1969 г. в экспериментальном порядке приступает к регулярной подготовке и выпуску первых информационных справочников с грифом «для служебного пользования». С 1970 г. начинается регулярный выпуск ежегодников. Следует отметить, что первые закрытые издания научно-информационного характера дали положительный импульс формированию серийного ежегодного выпуска открытой серии «КНР: политика, экономика, культура».

В 1970 г. коллектив китаеведов ИДВ АН СССР подготовил и опубликовал первое издание «Китайская Народная Республика в 1969 г.» под грифом «для служебного пользования», что стало первым опытом обобщения событий и фактов, характеризующих текущее положение в КНР.

В современном названии серии, утверждённом в 1985 г., зафиксированы три её основных направления – политика, экономика, культура. Однако, сравнивая заголовки ежегодников, мы видим, что название книг претерпевает незначительные изменения. Так, если первый открытый ежегодник именовался «Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 г.», то второй получил заглавие – «Китайская Народная Республика в 1974 г.: политика, экономика, идеология», которое сохранялось длительное время – до 1984 г. Тогда шёл поиск названия, более соответствовавшего реалиям времени.

В 1976 г., после смерти Мао Цзэдуна, ситуация в китайском обществе стала меняться, в частности, в сфере идеологии. К 1985 г. окрепли культурные связи между СССР и КНР,

¹ В основу Института были заложены принципы комплексного изучения Китая, всестороннего исследования его экономики, политики, культуры и истории [Герасимова 2006: 12].

² На пост директора был рекомендован заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Михаил Иосифович Сладковский. Он становится организатором научных исследований и их активным участником [Титаренко 2006: 83].

сближение всё больше происходило на культурной основе. Это, вероятно, послужило одной из причин замены в названии издания слова «идеология» на слово «культура». В качестве другой причины можно отметить факт снижения идеологического давления на развитие модернизации в Китае, что отразилось в содержании ежегодников.

Концептуальная направленность ежегодного издания имела свою специфику. В планах научных исследований ИДВ регулярно ставился вопрос об изучении возможностей преодоления конфронтации в отношениях между СССР и КНР, о налаживании плодотворного сотрудничества. И это обстоятельство накладывало отпечаток на содержание и стиль публикаций, на введение в научный оборот исследований китайских реалий. При разработке структуры издания редакция руководствовалась в первую очередь стремлением найти объединяющие факторы, отражающие традиции и чувства дружбы между народами СССР и Китая [ПДВ – 25 лет 1997: 4].

Ежегодники 1969–1972 гг. с ограничительным грифом: структура, авторы, тематика

В первых выпусках ежегодника, которые издавались с грифом «для служебного пользования», исследования и информативные материалы советских китаеведов характеризовались хорошим качеством и в духе времени выдерживали чёткую научно-политическую направленность. Под влиянием сложившихся обстоятельств это было особенно важно, так как объективная информация была недоступна, материалы по современному Китаю, «за исключением отдельных статей в СМИ и рекомендованных для массовой аудитории монографий», почти все были закрыты для обычного читателя [Островский 2022].

Выпуск ежегодника «КНР в 1969 г.», состоявший из шести разделов, структурно отличался от дальнейших книг наличием систематизированной информации о событиях в Китае не только за указанный, но и за предыдущие годы. Отдельные важные документы, хроника событий и указатели, вошедшие в содержание выпуска, были призваны помочь специалисту ориентироваться в новейшей советской и зарубежной литературе по Китаю. Были опубликованы сведения по истории страны, краткие исторические справки о создании КПК и образования КНР.

К изданию были привлечены высокопрофессиональные китаеведы ИДВ, как опытные, так и молодые: В.И. Акимов, А.А. Антиповский, В.А. Богословский, А.А. Волохова, И.В. Гайда, Ю.А. Гусев, А.Н. Желоховцев, Г.В. Жданов, В.В. Зайцев, Н.Н. Константинов, А.С. Красильников, Г.Г. Кадымов, А.П. Марков, С.Д. Маркова, А.М. Можарова, Ю.И. Огнев, А.Д. Огородник, Д.М. Поспелов, Т.Р. Рахимов, Э.М. Розанова, В.И. Санец, А.Ф. Степанов, В.Ф. Сорокин, С.А. Торопцев, М.В. Фомичева, А.В. Чебыкин, С.Л. Ширяев. Редакцию возглавлял директор ИДВ, член-корреспондент АН СССР М.И. Сладковский, в неё входили известные китаеведы Г.В. Астафьев, К.Н. Черножуков, П.И. Смирнов, О.Л. Киценко, А.Г. Яковлев, В.Н. Барышников.

В ежегоднике под рубрикой «Общие сведения» предлагались краткие географические данные и статьи, касающиеся государственной структуры, административного деления, численности и состава населения Китая. В разделе «Политическая организация общества и политическая жизнь» освещался IX съезд КПК и положение в стране после него; маоизм

характеризовался как система взглядов, разрушившая политическую надстройку в ходе «культурной революции»; в отдельной статье рассматривалась национальная политика в КНР. Экономический блок подводил итоги 1969 г. и предшествовавших лет в области промышленности, сельского хозяйства, в сфере транспорта и внешней торговли; указывалось на развитие нового этапа милитаризации общественной жизни. Под рубрикой «Внешняя политика и международные отношения» освещались события 1969 г. на советско-китайской границе, анализировалась внешняя политика Китая в отношении стран социалистического содружества, развитых капиталистических стран, Индии и Пакистана, Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской Америки. В этом блоке также отражена деятельность руководства КПК на международной арене, политика во вьетнамском конфликте и другие вопросы. Несмотря на крайнее обострение отношений в тот период, работа Общества советско-китайской дружбы и других организаций по воспитанию «в духе дружбы к китайскому народу», освещаемая во внешнеполитическом разделе, не прекращалась [Китайская... 1970: 95].

В разделе «Культура» сообщалось о последствиях «культурной революции», приведшей к тяжёлому кризису в литературе, театре и кинематографии; давалась оценка положению интеллигенции. Завершающий раздел «Приложение» содержал справочную информацию о составе и изменениях в руководстве КНР, тексты речей Мао Цзэдуна и Линь Бяо на IX съезде КПК, Устав КПК и другие документы. Кроме этого в разделе помещались хроника политической жизни КНР за 1969 г., книги о Китае, изданные в этом году; указатель научных трудов, опубликованных в Информационном бюллетене ИДВ АН СССР в 1966–1970 гг., и перечень рефератов Института по материалам зарубежной прессы в 1969 г.

В те годы при составлении справочника редакция испытывала затруднения, ввиду отсутствия официальных публикаций в КНР [Китайская... 1970: 5], поэтому многие стороны китайской действительности освещались недостаточно. Такая неблагоприятная ситуация сохранялась вплоть до середины 1980-х гг.

До перехода к подготовке открытого издания Институт выпустил четыре ежегодника под грифом «для служебного пользования» с 1969 по 1972 гг., включающих справочно-аналитическую информацию по экономике, политике и культуре КНР; тираж каждого составлял 1000 экз.

Последней книгой с ограничительным грифом стал ежегодник «Китайская Народная Республика в 1972 г.» [Китайская... 1973], состоявший из 7 разделов. В редакцию входили В.И. Потапов (главный редактор), К.В. Кукушкин, В.С. Мясников, М.М. Никольский, П.И. Смирнов, В.Ф. Феоктистов, К.Н. Черножуков и А.Г. Яковлев.

«Введение» М.И. Сладковского содержало основную информацию, формирующую направление всего сборника, где анализировались важнейшие процессы государственной и социально-экономической жизни КНР в 1972 г., особенности деформации социалистического базиса в результате политики Мао. «Внутриполитическое положение» было посвящено характеристике политической ситуации: нестабильность маоистского режима, состояние КПК, идеино-теоретические основы китайской пропаганды, раскольническая деятельность пекинского руководства в международном коммунистическом движении, национальный вопрос, тайваньская проблема. В разделе «Экономическое положение» освещались политика в сфере экономики, промышленность, сельское хозяйство, транспорт, водохозяйственное строительство, материальное положение трудящихся и внутренняя торговля. Блок «Внешнеэкономические связи» характеризовал развитие

отношений с социалистическими, развитыми капиталистическими и развивающимися странами. Раздел «Внешняя политика и международные отношения» был посвящён анализу отношений КНР со странами мировой соцсистемы, включая СССР, страны Восточной Европы, Азии и Кубу; взаимодействию с развитыми капиталистическими странами, а также странами Азии, Африки и Латинской Америки. Этот раздел описывал, кроме того, отношения КНР в блоке с империализмом против мирового социализма и других революционных сил, связь с проблемами безопасности в Азии, практическую деятельность и позицию государства в ООН, пограничную политику.

Под рубрикой «Культура» рассматривались вопросы общественных наук, литературы, театра, кино и образования, тенденции их развития; широко освещалась политика КПК в отношении интеллигенции. В «Приложение» входила справочная информация об изменениях в руководящих кадрах, о внешнеполитических службах, хроника политической жизни КНР в 1972 г. и книги, изданные в СССР о Китае за год.

По сравнению с предыдущими выпусками этот ежегодник отличался более глубоким аналитическим подходом к происходящим в Китае событиям. Упорядоченная и чётко продуманная структура издания, лаконичность и объективность содержания статей – основные характеристики последнего выпуска закрытой серии, который может послужить образцом среди материалов такого рода.

После снятия ограничительного грифа в 1975 г. ежегодник стал доступен широкой аудитории. С этого момента ИДВ приступает к регулярному серийному выпуску ежегодника «Китайская Народная Республика». Задача издания оставалась прежней – информирование общества об основных событиях в жизни КНР за предшествующий год.

Первый ежегодник по Китаю для широкой общественности

Открытое издание ежегодника «Китайская Народная Республика» появилось в условиях разрядки международной напряжённости и активизации интереса к КНР в советской научной и политической среде. Первым ежегодником для интересующейся Китаем широкой общественности стал сборник под названием «Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 г.». Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» опубликовала его тиражом 13 тыс. экземпляров. В предисловии М.И. Сладковский указывает на его основную миссию – «создать ежегодное справочно-информационное издание ИДВ, систематизирующее ключевые сведения о внутреннем и внешнем развитии КНР» [Китайская... 1975: 3].

Авторами и редакторами первого выпуска стали ведущие специалисты по Китаю: В.И. Потапов, Г.В. Астафьев, А.М. Дубинский, Е.Ф. Ковалёв, В.А. Кривцов, К.Н. Черножуков, П.И. Смирнов. Некоторые материалы были опубликованы под псевдонимами. Уже в первом открытом выпуске задавались высокие стандарты академической добросовестности, достоверности и политической сдержанности, что сохранялось в традиции издания и в последующие десятилетия.

Портфель ежегодника 1973 г. формировался исследованиями справочно-информационного и аналитического характера. Содержательная структура сборника строилась по проблемно-тематическому принципу, включала более 50 статей, разделённых на 11 рубрик, дополненных приложениями, статистическими материалами и схемами.

В разделах были представлены ключевые сферы: география, демография, административное устройство, экономика, история, внешняя политика, государственный строй, национальный вопрос, идеология, наука и культура. Авторы стремились не только отразить состояние дел в Китае за 1973 г., но и предложить историческую ретроспективу, в том числе по таким вопросам, как создание КНР, развитие КПК, аграрная и промышленная модернизация, внешнеполитические повороты [Китайская... 1975].

По случаю предстоящего 25-летнего юбилея со дня провозглашения КНР, который должен был отмечаться в 1974 г., предисловие содержало обзор эволюции китайского государства за четверть века: от союзничества с СССР до начала 1960-х гг. – периода идеологической конфронтации и новой geopolитической ориентации Пекина. Анализ политической линии, социальных трансформаций и экономических показателей сопровождался критическим, но сбалансированным подходом. Справочные разделы – такие как «Географическая характеристика» (М.Н. Горбунова, К.Н. Черножуков), «Государственный строй» (Л.М. Гудошников), «Политические партии и общественные организации» – были насыщены фактами и комментариями. В блоке под названием «История КНР (1949–1973)» (В.И. Глунин, К.В. Кукушкин) была представлена обширная аналитика [Китайская... 1975].

Особое внимание уделялось разделу «Внешняя политика» – ведущему направлению научной программы ИДВ. Вводная статья известного китаеведа, ведущего учёного Института А.Г. Яковлева³ анализировала эволюцию китайской дипломатии и её идеологическое обоснование. Китай рассматривался с точки зрения его отношения к мировому социализму [Китайская... 1975: 256]. Авторами раздела была широко представлена внешнеполитическая картина страны на международной арене за четверть века.

Раздел «Идеология, наука и культура» раскрывал не только теоретическую платформу маоистского курса, формировавшегося с 1935-го по конец 1950-х гг. и с конца 1950-х по 1973 г. [Китайская... 1975: 344], но и состояние гуманитарных и естественных наук, цензурную политику, отношение к интеллигенции и работе китайских СМИ (печати, радио и телевидению).

Статьи под рубриками «Наука» и «Культура» иллюстрировали последствия «культурной революции» и новые ориентиры в сфере просвещения, искусства и массовой информации. Читатель мог почерпнуть сведения о состоянии культурных связей с внешним миром, об ограниченности культурного обмена КНР в 1970-е гг.

«Цифры, события, факты», а также приложения, включающие хронику важнейших событий 1973 г. и коммюнике 1-го пленума ЦК КПК 10-го созыва, впервые представили перед советским читателем в открытом и систематизированном виде.

Таким образом, первый выпуск ежегодника без ограничительного грифа не только открывал новую форму научного комментирования и справочной систематизации китайской реальности, но и закладывал основы для будущей академической традиции. Ценность этого издания состояла в объективном освещении происходящего в КНР и представлении возможностей улучшения и восстановления дружеских и взаимовыгодных отношений. Авторский корпус из числа ведущих сотрудников ИДВ обеспечивал высокий уровень достоверности, а историческая часть ежегодника позволяла читателю соотнести современное развитие КНР с её политическим и цивилизационным наследием.

³ А.Г. Кручинин (псевдоним).

Ежегодник «КНР в 1973 г.» показал, что издание является инструментом мягкой экспертизы, способствующим формированию взвешенного и профессионального взгляда на Китай.

Эволюция ежегодника как отражение трансформаций КНР с 1973 по 2020-е гг.

Открытые ежегодники становились своего рода монитором, где отображалась хроника исследований советских учёных о восточном соседе. Каждый ежегодник представлял комплексное аналитическое исследование по всем направлениям жизни страны за минувший год на основе фактических данных и результатов предыдущего периода. Во всех последующих изданиях серии сохранялся проблемно-тематический принцип систематизации материала, который доминировал в первых сборниках «Китайская Народная Республика».

Начиная с выпуска за 1973 г., ежегодник «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура» постепенно трансформируется из источника преимущественно справочно-документального характера в аналитическую площадку, фиксирующую не только события, но и смысловые сдвиги в политической, социальной и международной эволюции Китая. Особенно это проявилось на фоне ограниченного доступа к официальной информации в 1970-е гг., когда авторы были вынуждены опираться на фрагментарные и косвенные данные.

Несмотря на дефицит источников, уже в ежегоднике «КНР в 1975 г.» фиксируются важнейшие политico-правовые изменения: обсуждается новая Конституция КНР как форма закрепления режима военно-бюрократической диктатуры. В выпуске «КНР в 1978 г.» акцент смещается к легитимации политики постмаоистского руководства, при этом сохраняется идеологическая преемственность в риторике. Эти ранние тексты демонстрируют способность авторов не просто пересказывать официальные формулы, но и выявлять реальные направления трансформаций в китайской политике. В последующие десятилетия ежегодник последовательно отражал институциональные изменения, характеризующие модернизацию китайской политической системы.

На протяжении 1980–1990-х гг. ежегодник всё более отчётливо фиксирует роль КПК как ключевого института в процессе адаптации Китая к новым реалиям. В ежегоднике «КНР в 1982 г.» зафиксировано возвращение к модели Конституции 1954 г., восстановление системы органов власти и усиление юридических рамок партийного контроля. Каждому партийному съезду сопутствует аналитическое обобщение: начиная с выпуска «КНР в 1982 г.» с опубликованным в нём обзором XII съезда, провозгласившего курс на модернизацию, до издания «КНР в 1997 г.», где констатируется канонизация идей Дэн Сяопина, концепции «социалистической рыночной экономики» и «трёх представительств». В ежегоднике «КНР в 2001 г.» внимание уделяется вступлению КНР в ВТО, что интерпретируется как символ поворота к полной интеграции в мировую экономику.

В Российской академии наук (с 1991 г.) ИДВ под руководством академика М.Л. Титаренко продолжил традиции отечественной синологии. В этот период ежегодник «КНР: политика, экономика, культура», председателем редакционной коллегии которого был директор Института, по-прежнему занимал особое место как единственное серийное информационно-аналитическое издание по вопросам Китая. Спрос на книги открытой серии

у граждан, активно интересовавшихся текущими процессами в Китае, в то время был очень высокий.

С конца 1990-х гг. усиливается аналитическая направленность ежегодника. Появляются разделы «Трибуна», «Точка зрения», позволяющие публиковать полемические и концептуальные статьи.

С выпуска «КНР в 2001 г.» начинается публикация структурных сведений о Политбюро, его составе, биографиях высших должностных лиц, что свидетельствует о возрастании внимания к кадровой политике и внутренней логике принятия решений. В ежегодниках «КНР в 2004–2005 гг.», «КНР в 2006 г.» анализируются поправки, обозначившие закрепление курса на построение «социалистической рыночной экономики», в том числе через включение в основной закон положений о частной собственности и правах человека. В ежегоднике «КНР в 2006 г.» поднимается вопрос о формировании «социалистического гармоничного общества» как новой рамки внутренней политики. Происходит увеличение числа аналитических статей и сокращение справочно-информационных материалов.

В 2000-е гг. расширяется проблематика: усиливается внимание к вопросам экологии, образования, культуре. Статья ведущего китаеведа А.В. Ломанова в сборнике «КНР в 2010–2011 гг.» об «экологической цивилизации» демонстрирует сдвиг в сторону философского и концептуального осмыслиения идеологических инноваций КНР [Китайская… 2011: 256–264].

В 2010-е гг. и позже в изданиях преобладает тенденция к статьям исследовательского плана. XVIII (2012 г.) и XIX (2017 г.) съезды КПК, которые освещаются на страницах «КНР в 2012–2013 гг.» и «КНР в 2017–2018 гг.», сопровождаются анализом политического дискурса, включая идеологемы «уверенности в пути» и «великих преобразований», а также усиление глобальных амбиций Китая.

В материалах сборников сохраняется аналитический подход к освещению культурного и внешнеполитического направления. На страницах «КНР в 2012–2013 гг.» фиксируется продвижение концепции «культуры как мягкой силы»: внимание уделяется поддержке зарубежной экспансии китайского образования, открытию филиалов университетов КНР за рубежом и укреплению сети Институтов Конфуция [Китайская… 2013: 387]. В этом выпуске, к примеру, статья М.Л. Титаренко даёт содержательный анализ XVIII съезда КПК (8–15 ноября 2012 г.), акцентируя внимание на преемственности курса реформ и социализма с китайской спецификой, а также раскрывает идейное содержание самого понятия «специфика».

В 2014 г. в свет выходит юбилейный выпуск к 65-летию КНР. С 2018 г. издание выходит как коллективная монография с подведением итогов развития КНР за каждые два года.

В издании «КНР в 2017–2018 гг.» анализируются итоги первой сессии ВСНП XIII созыва (март 2018 г.), в результате которой Си Цзиньпин был вновь избран председателем КНР, а Ли Кэцян сохранил пост главы Госсовета. Как подчёркивается в ежегоднике, правительственный доклад, наряду с экономической повесткой, отражает стратегические внешнеполитические установки, связанные с концепцией «нового типа международных отношений» и участием КНР в совершенствовании глобальной системы управления [Китайская… 2018: 10–13].

Материалы «КНР в 2019–2021 гг.» продолжают линию анализа, демонстрируя, как внешняя политика Китая развивается в русле концептуальных основ – от «державной политики с китайской спецификой» до инициативы «Один пояс, один путь» и идеи

«сообщества единой судьбы человечества». В выпуске также рассмотрены вызовы пандемии COVID-19, рост внешнеполитического давления на страну, цифровизация дипломатических каналов и юбилей Договора о добрососедстве (2001).

В 2022 г. ИДВ сменил название на Институт Китая и современной Азии РАН. Под руководством директора ИКСА РАН К.В. Бабаева с 2023 г. удаётся вернуться к прежней традиции ежегодных выпусков издания. Ежегодник «КНР в 2022 г.» (главные редакторы – д.ф.н., проф. К.В. Бабаев и д.и.н., проф. А.В. Лукин) фокусируется на освещении решений XX съезда КПК и современном устройстве КНР, на анализе политики в области обороны, религии и языка, современной китайской идеологии. Рассматриваются итоги промышленного развития, темы предпринимательства и развития сельского хозяйства, российско-китайских отношений и аспекты участия КНР в международных организациях: БРИКС, ШОС, ООН, G20 [Китайская... 2023].

В материалах «КНР в 2023 г.» прослеживается эволюция государственно-политического устройства КНР, направленная, как и всё последнее десятилетие, в сторону дальнейшей централизации власти, представлено развитие китайского законодательства. В разделах анализируются политика в сфере обороны, идеологическая ситуация, проблемы экономики на этапе восстановления после пандемии, культурная политика. Освещаются основные направления внешней политики Китая и его взаимоотношений с другими странами и международными организациями [Китайская... 2024].

В очередном выпуске «КНР в 2024 г.» уделяется много внимания сфере обороны, военно-промышленному комплексу и военно-гражданской интеграции Китая. Традиционно продолжается анализ идеологической ситуации, законодательного развития, внешней политики, участия в международных организациях. Отдельно освещены вопросы современной китайской энергетики и развития ИИ в стране [Китайская... 2025].

Авторами указанных выпусков являются ведущие специалисты Института Китая и современной Азии РАН, представители других исследовательских центров и вузов России. Отметим также, что качество полиграфического оформления ежегодников благодаря новым технологическим возможностям стало очень высоким.

Следует подчеркнуть, что проблемно-тематический принцип систематизации материала имел доминирующее место в первых ежегодных сборниках и сохранился в более поздних изданиях серии. При сравнении первых выпусков издания с современными становится заметно их принципиальное отличие: отсутствует вводная статья от имени составителей с общей характеристикой итогов года, с содержанием информации, формирующей направление всего сборника. Появление новых тематических разделов или рубрик в ежегоднике, должно определяться либо степенью важности исторического события, произошедшего в КНР за минувший год, либо ситуацией в стране или на международной арене. В этом плане ежегодники давали редкую возможность сравнительного анализа с предшествующим периодом развития страны в чём, собственно, и состояла их ценность..

Одним из структурных направлений по-прежнему остаётся наблюдение за развитием российско-китайских отношений. Эта тема прослеживается в каждом выпуске, начиная с 1970-х гг. Следует особо подчеркнуть, что в 1970–1990-е гг. ежегодник отражал общий курс Института Дальнего Востока на содействие нормализации и укреплению связей с КНР, что прослеживается в отборе тем, характере комментариев и интерпретациях. На уровне структуры и содержания издание чётко фиксировало самые важные этапы эволюции

двустронних связей: конец 1960-х – начало 1980-х гг. (период конфликтов и попыток постепенного сближения); конец 1980-х – начало 1990-х гг. (фаза нормализации); 1989 г. (официальное восстановление связей); 1990-е гг. (формирование практического сотрудничества и стратегических приоритетов); с 2001 г. (заключение Договора о добрососедстве, укрепление стратегического партнёрства, углубление интеграции).

От освещения пограничных переговоров до анализа формирующейся двусторонней повестки в области безопасности, экономики, энергетики – ежегодник служил индикатором не только развития отношений, но и их восприятия в отечественной аналитической среде.

Таким образом, ежегодное справочно-информационное издание ИДВ, систематизирующее ключевые сведения о внутреннем и внешнем развитии КНР, постепенно трансформировалось в информационно-аналитическое издание. Ежегодник представляет собой не только летопись событий, но и зеркало эволюции взглядов российского академического сообщества, что делает его незаменимым источником по истории современного Китая и российско-китайских отношений.

В 1970–1980-е гг. ИДВ выпускал ежегодник тиражом от 8000 экз. до 20 000–25 000 экз. Книги издавались в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» (с 1992 г. – в издательской фирме «Восточная литература» РАН). С 1991 г. ввиду изменений в общественно-политической жизни нашей страны и резким ухудшением финансового положения академических институтов тираж ежегодника начинает падать: «КНР за 1989 г.» – 4400 экз.; «КНР за 1991 г.» – 650 экз.; «КНР за 1997 г.» – 500 экз.; «КНР за 1999 г.» – 300 экз.; «КНР за 2004–2005 гг.» – 500 экз. Первоначальный тираж так и не был восстановлен.

В рамках открытой серии ежегодника с 1975 г. вышло в свет 42 выпуска, включая юбилейные издания. Опубликовано свыше 2000 статей объёмом более 950 п.л. В 2025 г. по инициативе директора ИКСА РАН К.В. Бабаева был сделан шаг к оцифровке ежегодника: на сайте Института выложены электронные копии всех выпущенных сборников⁴. К сожалению, не все выпуски были оцифрованы в виде текста для доступа через поисковые системы. Если это осуществить, то благодаря современным программам содержание сборников станет доступно для изучения и поиска информации для всех пользователей Интернета.

Ежегодник как исторический источник: перспективы развития и значение для будущих исследований

Издание является ценным историческим источником для изучения современного Китая. Его уникальность заключается в систематической ежегодной фиксации ключевых политических, экономических и социальных процессов в КНР, что позволяет исследователям проследить эволюцию как внутренней динамики, так и внешних взаимодействий государства.

Кроме того, издание отражает восприятие происходящих в КНР событий в определённом научно-аналитическом и идеологическом контексте. С момента основания ежегодник был ориентирован на систематизацию сведений о политической, экономической, социальной и культурной жизни Китая. При этом материалы создавались и редактировались

⁴ Электронная библиотека ИКСА РАН: Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. ИКСА РАН. URL: https://www.iccaras.ru/list-matconf.html?collection_id=9 (дата обращения: 01.07.2025).

ведущими китаеведами, специалистами Института Дальнего Востока, что обеспечивало высокий уровень экспертизы и обоснованности представленных интерпретаций.

С точки зрения историка, ежегодник представляет интерес сразу в нескольких направлениях. Во-первых, это летопись трансформаций КНР, регулярно фиксирующая изменения в партийно-государственном устройстве, идеологических установках, внешнеполитической доктрине и общественных институтах. Издание последовательно отслеживает ключевые вехи китайской истории – от «культурной революции» и реформ Дэн Сяопина до цифровизации государственного управления и инициатив глобального масштаба («Один пояс, один путь», «сообщество единой судьбы человечества»). В этой связи ежегодник можно рассматривать как хронику китайской модернизации.

Во-вторых, ежегодник представляет собой источник по истории российско-китайских отношений. Он фиксирует динамику восприятия КНР в советской, а затем российской академической среде, отражает официальную линию внешнеполитического взаимодействия, дискуссии о характере партнёрства, политической идентичности Китая и его месте в международной системе. Каждый выпуск даёт возможность реконструировать интеллектуальный и политический фон соответствующего периода: от осторожного сближения в 1980-х гг. до стратегического партнёрства в XXI в.

В-третьих, источниковая ценность заключается в структуре ежегодника: он объединяет справочные данные, аналитические обзоры, статистику, тексты политических документов, биографии руководителей, тематические очерки по экономике, демографии, культуре, науке. Это позволяет использовать его как вспомогательный источник при изучении широкого круга сюжетов – от партийного строительства в КНР до трансформации образовательной политики. Кроме того, ежегодник содержит ссылки к китайским первоисточникам, публикациям СМИ, официальной статистике, что делает его удобным навигационным инструментом для исследователя.

Наконец, ежегодник интересен как саморефлексивный источник: его изменения по форме и содержанию отражают развитие российского востоковедения, изменение исследовательских приоритетов, переход от описательной к интерпретативной модели анализа. С 2000-х гг. в нём усиливаются философские, концептуальные и сравнительные аспекты, появляется жанр научной дискуссии, что свидетельствует об углублении аналитического уровня. Это превращает ежегодник в подлинный срез академического мышления о Китае в разные исторические периоды.

Таким образом, благодаря глубине охвата, системности подачи, профессиональному уровню исполнения и институциональной преемственности, ежегодник «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура» заслуженно рассматривается как надёжный исторический источник, незаменимый для исследователей современного Китая, внешней политики России и истории отечественной синологии.

Однако, несмотря на богатство информации, при работе с ежегодником важно учитывать его особенности и ограничения. Первоначально издание имело отчётливо аналитическую, но в ряде случаев и идеологически окрашенную направленность, что было характерно для советского периода.

В историографии и политической аналитике ежегодник может использоваться не только как источник первичных данных, но и как отражение меняющихся взглядов и научных парадигм. Он фиксирует, как менялось восприятие Китая российскими

исследователями, какие акценты смещались в зависимости от геополитической конъюнктуры и научной дискуссии.

На протяжении более полувека в подготовке ежегодника принимали участие ведущие китаеведы России, работающие в ИДВ АН СССР и ИДВ РАН, а теперь ИКСА РАН. Не будет преувеличением сказать, что коллектив авторов и редакторов Института бескорыстно послужил отечественному китаеведению, вложив неоценимый труд в ежегодное издание «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура».

Среди авторов-ветеранов, продолжающих сегодня трудиться на ниве этого издания, – Александрова М.В., Завьялова О.И., Каменнов П.Б., Куликова Г.В., Ломанов А.В., Островский А.В., Портяков В.Я., Сафонова Е.И., Смирнов Д.А., Трощинский П.В., Уянаев С.В. и другие ныне здравствующие учёные-китаеведы.

Заметим, что в непростые 1990-е гг. возникли определённые экономические трудности, сократились издательские возможности, однако несмотря на это выпуск ежегодников продолжался. Сборники иногда выходили раз в два года, но в них по-прежнему размещались материалы об основных событиях прошедшего периода.

Информация о конкретных событиях и фактах с их анализом применительно к каждому году существования Китая придаёт изданию эксклюзивный характер «достоверного летописного источника». Он рассчитан теперь не только на китаеведов-исследователей – экономистов, историков, преподавателей, аспирантов и студентов соответствующего профиля, но и на всех, кого интересуют современные проблемы китайского общества.

В завершение отметим, что в 2025 г. коллектив ИКСА издал 46-й по счёту выпуск «КНР: политика, экономика, культура», восстановив темп ежегодных выпусков. Поэтому в связи с 55-летним юбилеем серии целесообразно указать на образцы первых ежегодников, чтобы их качество в будущем не ухудшалось, а корректировалось в соответствии с целями и задачами издания.

Следует подчеркнуть, что, хотя концептуальная направленность ежегодников формировалась в рамках советской системы и это наложило отпечаток на их содержание, редколлегия руководствовалась стремлением найти то, что объединяет наши страны, и отразить чувства дружбы и добрососедства между народами СССР и Китая. Велась тщательная работа над политической корректностью текста, чтобы сгладить острые углы, подчинив всё решению задачи по нормализации отношений.

Сегодня новые задачи призывают китаеведов, в том числе молодых исследователей, к более глубокому изучению имеющегося духовного, исторического и культурного наследия, оставленного «старой российской школой» китаеведения. Одно из требований нашего времени – обладание правдивой и важной информацией о КНР – отчётливо указывает на необходимость продолжать выпуск единственного в России серийного информационно-аналитического издания, содержащего всестороннюю характеристику жизни восточного соседа и освещдающего широкую панораму событий и международных связей страны.

В статье сделана попытка обратить внимание научной общественности и широких читателей, интересующихся проблемами современного Китая, на уникальность издания, академический уровень которого не снижался и в тяжёлые для Российской науки годы.

Юбилей ежегодника – это не только повод оглянуться назад, но и возможность определить стратегические ориентиры на будущее, что способствовало бы укреплению российского китаеведения и межкультурного понимания в эпоху глобальных вызовов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Герасимова Т. Полувековой юбилей ИДВ РАН // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 11–14.
- К 275-летию Российской академии наук. Юбилейное заседание Учёного совета Института Дальнего Востока // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 4. С. 3–5.
- Китайская Народная Республика в 1969 г. / гл. ред. М.И. Сладковский; АН СССР. Ин-т Дальн. Востока. М.: Наука, 1970. 268 с.
- Китайская Народная Республика в 1972 г. / гл. ред. В.И. Потапов; АН СССР. Ин-т Дальн. Востока. М.: Наука, 1973. 309 с.
- Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 г. / гл. ред. М.И. Сладковский; АН СССР. Ин-т Дальн. Востока. М.: Наука, 1975. 439 с.
- Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2010–2011. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальн. Востока РАН. М.: ИД «Форум», 2011. 448 с.
- Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012–2013. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальн. Востока РАН. М.: ИД «Форум», 2013. 592 с.
- Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2017–2018: монография / гл. ред. С.Г. Лузянин. Ин-т Дальн. Востока РАН. М.: Издательство «Форум», 2018. 436 с.
- Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2022: монография / гл. ред. К.В. Бабаев, А.В. Лукин; Ин-т Китая и современной Азии РАН. М.: ИКСА РАН, 2023. 432 с.
- Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М.: Наука, 1970. 416 с.
- Островский А.В. Рецензия на книгу: Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2022: монография / гл. ред. К.В. Бабаев, А.В. Лукин; Ин-т Китая и современной Азии РАН. М.: ИКСА РАН, 2023. 432 с. // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 6. С. 186–189.
- ПДВ – 25 лет // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 2. С. 4–7.
- Титаренко М., Барышников В. Выдающийся ученый-китаевед и организатор науки Михаил Иосифович Сладковский (к 50-летию ИДВ РАН и 100-летию со дня рождения М.И. Сладковского) // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 2. С. 82–88.

REFERENCES

- Gerasimova T. (2006). Poluvekovoy yubilei IDV RAN [The 50th anniversary of the IFES RAS]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 6: 11–14. (In Russian).
- К 275-letiyu Rossiyskoy akademii nauk. Yubileynoye zasedaniye Uchenogo soveta Instituta Dal'nego Vostoka [On the 275th anniversary of the Russian Academy of Sciences. The anniversary meeting of the Academic Council of the Institute of Far Eastern Studies] (1999). *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 4: 3–5. (In Russian).
- Kitayskaya Narodnaya Respublika v 1969 g. [The People's Republic of China in 1969] (1970). Ed.-in-chief M.I. Sladkovskiy; IFES, the USSR Academy of Sciences. Moscow: Nauka. 268 p. (In Russian).
- Kitayskaya Narodnaya Respublika v 1972 g. [The People's Republic of China in 1972] (1973). Ed.-in-chief V.I. Potapov; IFES, the USSR Academy of Sciences. Moscow: Nauka. 309 p. (In Russian).
- Kitayskaya Narodnaya Respublika: politicheskoye i ekonomicheskoye razvitiye v 1973 g. [The People's Republic of China: Political and Economic Development in 1973] (1975). Ed.-in-chief M.I. Sladkovskiy; IFES, the USSR Academy of Sciences. Moscow: Nauka. 439 p. (In Russian).
- Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2010–2011 [The People's Republic of China: Politics, Economics, Culture. 2010–2011] (2011). Ed.-in-chief M.L. Titarenko; IFES RAS. Moscow: Forum. 448 p. (In Russian).

- Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2012–2013 [The People's Republic of China: Politics, Economics, Culture. 2012–2013] (2013). Ed.-in-chief M.L. Titarenko; IFES RAS. Moscow: Forum. 592 p. (In Russian).*
- Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2017–2018: monografiya [The People's Republic of China: Politics, Economics, Culture. 2017–2018: monograph] (2018). Ed.-in-chief S.G. Luzyanin; IFES RAS. Moscow: Forum. 436 p. (In Russian).*
- Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2022: monografiya [The People's Republic of China: Politics, Economics, Culture. 2022: monograph] (2023). Ed.-in-chief K.V. Babayev, A.V. Lukin; ICCA RAS. Moscow: ICCA RAS. 432 p. (In Russian).*
- Nikiforov V.N. (1970). *Sovetskiye istoriki o problemakh Kitaya* [Soviet Historians on the Problems of China]. Moscow: Nauka. 416 p. (In Russian).
- Ostrovskiy A.V. (2023). Retsenziya na knigu: *Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2022: monografiya / gl.red. K.V. Babayev, A.V. Lukin; In-t Kitaya i sovremennoy Azii RAN. Moscow: IKSA RAN. 432 s.* [Review of the book: the People's Republic of China: Politics, Economics, Culture. 2022: monograph. Ed.-in-chief K.V. Babayev, A.V. Lukin; ICCA RAS. Moscow: ICCA RAS. 432 p.]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 6: 186–189. (In Russian).
- PDV – 25 let [25 years of the “Far Eastern Studies” journal] (1997). *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 2: 4–7. (In Russian).
- Titarenko M., Baryshnikov V. (2006). *Vydayushchiysya uchenyy-kitayev i organizator nauki Mikhail Iosifovich Sladkovskiy (k 50-letiyu IDV RAN i 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.I. Sladkovskogo)* [The outstanding sinologist and organizer of science Mikhail Iosifovich Sladkovskiy (on the 50th anniversary of the IFES RAS and the 100th anniversary of the birth of M.I. Sladkovskiy)]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 2: 82–88. (In Russian).

Поступила в редакцию:	14.08.2025	Received:	Aug 14, 2025
Принята к публикации:	01.10.2025	Accepted:	Oct 1, 2025

Научное издание

**Восточная Азия: факты и аналитика
2025, Т. 7, № 4**

Редактор	Цветкова А.А.
Редактор английских текстов:	Горчакова Т.Е.
Редактор:	Суркова Т.И.
Редактор:	Скворцова Е.М.
Компьютерная вёрстка:	Суркова Т.И.
Редактор сайта:	Казаков О.И.

Дата публикации: 23.12.2025

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32,
Институт Китая и современной Азии РАН
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 09 13
Центр научного мониторинга и развития

Scientific edition

**East Asia: Facts and Analytics
2025, Vol. 7, No. 4**

Editor:	Tsvetkova A.A.
Editor (English):	Gorchakova T.E.
Editor:	Surkova T.I.
Editor:	Skvortsova E.M.
Layout:	Surkova T.I.
Web-Site editor:	Kazakov O.I.

Date of issue: Dec 23, 2025

Contacts:

- *Address:* Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 (499) 124 09 13
Center for Scientific Monitoring and Development

www.eastasiajournal.ru

